

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 86

**Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)**

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

Томск
2022

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется: eLIBRARY.RU; Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index; Scopus

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Лукьянов О.В. (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyjanov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмита, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушня Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редактор Шилько К.Г.; редакторы-переводчики: Лукьянова Е.О., Стайпек А.А., Горенинцева В.Н.; оригинал-макет Лелююр А.И.; дизайн обложки: Кривцова Л.Д.

Подписано в печать 27.12.2022 г. Формат 70x100¹/₁₆. Усл.-печ. л. 15,5. Тираж 50 экз. Заказ № 5271. Цена свободная.

Дата выхода в свет 20.01.2023 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–12 months

Abstracting and Indexing: eLIBRARY.RU; Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection's); Scopus.

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Dr. Sci. (Psychol.), Tomsk State University, Russia.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya, Tomsk State University, Russia.

E-mail: sibjornpsy@gmail.com

EDITORIAL COUNCIL

S.A. Bogomaz (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **T.G. Bokhan** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **V.I. Kabrin** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.D. Karnyshev** (Irkutsk State University, Irkutsk, Russia); **N.V. Kozlova** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **O.M. Krasnorjadtseva** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **A.V. Seryy** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

EDITORIAL BOARD [In Russian Alphabetical order]

A.G. Asmolov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **N.A. Bokhan** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russia); **L.I. Vasserman** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russia); **E.V. Galazhinsky** (Tomsk State University, Tomsk, Russia); **I.E. Garber** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russia); **Iu.P. Zinchenko** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **V.V. Znakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); **Yu. Kovas** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **F. Laghi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **C. Lombardo** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **F. Lucidi** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **S.B. Malykh** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russia); **H. Takooshian** (Fordham University, New York, USA); **A.Sh. Tkhostov** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **D.V. Ushakov** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

PUBLISHER:

Tomsk State University Press (Tomsk State University, Tomsk, Russia)

Editor K.G. Shilko; editor-translators: E.O. Lukyanova, A.A. Stipek; V.N. Gorenintseva; camera-ready copy A.I. Leloyur; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 27.12.2022. Format 70x108¹/₁₆. Conventional printed sheets 15,5. Circulation – 50 copies. Order N 5271.

36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation. Tel. +7(382-2)–52-98-49. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Общая психология и психология личности

Тюменева Ю.А. Психометрическое моделирование: систематическая критика базовых допущений и некоторые альтернативы	6
Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Никонова Е.Ю., Виницкий Д.А., Попков А.Е. Агрессия в иммерсивной виртуальной среде: поведенческие стратегии подростков и эффект свидетеля	26
Волкова Е.В., Куваева И.О. Мера иерархичности концепта <i>Стресс</i> и совладающее поведение у первокурсников разных культур	48
Прохоров А.О., Чернов А.В., Карташева М.И. Влияние ментальных структур на эффективность саморегуляции психических состояний в учебной деятельности студентов	65
Павлова Н.С. Исследование субъективного качества жизни и субъективного благополучия в позднем онтогенезе	84
Шилова Н.П., Владыко А.К. Современный культурный контекст представлений о будущем в юношеском возрасте	103

Педагогическая психология

Кашапов М.М., Смирнов А.А., Соловьева И.В., Серафимович И.В. Эмпатия как ресурс жизнестойкости студентов при адаптации к вузу	119
--	-----

Медицинская психология

Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Здоровье как результат повседневного выбора: разработка и апробация шкалы мотивации выбора действий в пользу и во вред здоровью.....	139
---	-----

Краткие сообщения

Солодухин А.В., Серый А.В., Варич Л.А., Брюханов Я.И., Жихарев А.Ю. Психофизиологические корреляты копинг-поведения у лиц юношеского возраста, перенесших COVID-19	157
Лукьянов О.В., Дубинина И.А., Фёдоров И.В. О моделировании современных систем профессионализации и самоопределения в высшем образовании	167

CONTENTS

General psychology and psychology of the person

Tyumeneva Y.A. Psychometric Modelling: A Systematic Critique of Underlying Assumptions and Some Alternatives	6
Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Nikonova E.Yu., Vinitiskij D.A., Popkov A.E. Aggression in an Immersive Virtual Environment: Behavioral Strategies of Adolescents and the Bystander Effect	26
Volkova E.V., Kuvaeva I.O. The Measure of Hierarchy of the Concept Stress and Copings in freshmen of Different Cultures	48
Prokhorov A.O., Chernov A.V., Kartasheva M.I. The Influence of Mental Structures on the Efficiency of Self-Regulation of Mental States in Students' Learning Activities	65
Pavlova N.S. The study of subjective life quality and subjective well-being in late ontogenesis	84
Shilova N.P., Vladyko A.K. The Modern Cultural Context of Ideas about the Future in Adolescence	103

Psychology of education

Kashapov M.M., Smirnov A.A., Solovyeva E.V., Serafimovich I.V. Empathy as a Resource of Students' Hardiness during University Adaptation	119
---	-----

Medical psychology

Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Health as a Result of Everyday Choice: Development and Validation of the Motivation of Actions For and Against Health Scale	139
--	-----

Work in Progress

Solodukhin A.V., Seriy A.V., Varich L.A., Bryukhanov Ya.I., Zhikharev A.Yu. Psychophysiological Correlates of Coping Behavior in Adolescents Who Have Undergone COVID-19	157
Lukyanov O.V., Dubinina I.A., Fedorov I.V. Concerning Modeling of Modern Professionalization and Self-Identification Systems in Higher Education	167

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.072.59

ПСИХОМЕТРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ: СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ КРИТИКА БАЗОВЫХ ДОПУЩЕНИЙ И НЕКОТОРЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ¹

Ю.А. Тюменева^{1,2}

¹ ФГБОУ ВО «Государственный Институт Русского языка им. А.С. Пушкина», Москва, ул. Академика Волгина, 6

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, ул. Мясницкая, 20

Резюме

В связи с популярностью психометрики, в которой вероятностное моделирование занимает лидирующие позиции, представляется полезным представить критический взгляд на эти методы, который, к сожалению, не обсуждается широко, особенно в русскоязычной литературе. Эта работа – систематический обзор растущей в последние годы критики в адрес нескольких допущений психометрического моделирования: 1) существуют ненаблюдаемые личностные черты и способности, которые влияют на выполнение заданий теста; 2) черты имеют стохастическую природу и, как следствие, для их изучения необходимы вероятностные модели; 3) данные, собранные на агрегированном уровне, аккуратно репрезентируют индивидуальные характеристики; 4) как и в естественных науках, модели в психометрии помогают раскрыть психологическую реальность, которая не поддается прямому наблюдению; 5) если проверка согласия эмпирических данных с моделью дает положительный результат, то модель правильно описывает реальность. Эти предположения критикуются на основании кругового характера определений самих признаков; логических ошибок, встроенных в сами допущения; методологического смещения вариативности и случайности поведения; отсутствия причинно-следственной связи между межиндивидуальной вариативностью ответов и индивидуальными ответами; поверхностных аналогий с моделями в естественных науках, к которым относится психометрика, а также подмены научных задач инструментальными и прагматическими. Мы приходим к выводу, что моделирование в психометрике контрпродуктивно, если используется как метод исследования психологической реальности, стоящей за тестом. Обсуждаются некоторые альтернативные практики количественных исследований, например, проверка существования вариации на

¹ Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2020–2024 годы (№ г.р. 00) FZNM-2020-0005 «Трансформация когнитивной и коммуникативной деятельности человека в условиях современной информационной среды».

уровне индивида и экспериментальный поиск ее объяснения. Существуют и другие возможные альтернативы, например, сетевой подход к психологическим явлениям, фасетная теория или моделирование, ориентированное на наблюдение. Хотя подобные исследования гораздо сложнее реализовать, чем стандартные тесты «соответствия данных модели», вероятно, именно они могут обеспечить рост психологических знаний.

Ключевые слова: психометрика; моделирование; реализм; репрезентация; черта; латентный конструкт; допущения; измерения

Введение

Типичный образ действия в психометрике заключается в следующем: на выборке респондентов с помощью специальных процедур (тестов или наблюдений) провоцируют заданное поведение, скажем, решение математических задач. По определенным параметрам этого поведения (например, по количеству правильно решенных задач) генерируют числовые данные; данные агрегируют; анализируют и сравнивают с модельным их распределением. Делается вывод о структуре ненаблюдаемой черты, в данном случае – о математической способности, которая предположительно и вызывает наблюдаемое поведение (ответы по тесту). Затем в соответствии с выявленной структурой респондентам начисляются баллы, отражающие их позицию в континууме черты. Это основные шаги измерения в психологии, хотя техники получения тестового балла и его интерпретации различаются в разных психометрических подходах (например, классической теории тестирования (СТТ, classical test theory), измерении Раша (Rasch measurement), современной теории тестирования (IRT, item response theory) или структурном моделировании).

Усилия психометриков направлены на проверку и поиск модели с лучшими индексами согласия данных с моделью. Однако эта проверка никак не затрагивает допущений, на которых строится вся практика. Эти допущения вытекают одно из другого, но для ясности изложения можно разбить их на три крупных блока: 1) существует черта (или способность) как самостоятельная реальность, влияющая на индивидуальное выполнение заданий по тесту; 2) эта черта количественна, т.е. индивиды разнятся по количеству этой черты; 3) черты имеют стохастическую природу, поэтому для их изучения нужны вероятностные модели, подобные тем, которые используются в естественных науках. Поскольку психометрические практики полагаются на эти допущения, но не проверяют их, выводы относительно психологической реальности находятся в весьма уязвимой позиции.

На сегодняшний день критические точки зрения относительно обоснованности распространенных психометрических практик достаточно ясно оформлены в литературе, хотя и разрозненны. В данной работе ставится задача представить эту критику систематически. Здесь она будет изложена в части, касающейся двух допущений: о существовании ненаблюдаемых черт, определяющих выполнение заданий теста, и о возможности применять вероятностное моделирование для изучения черт. На непроверяемое

допущение о количественности черт мы просто указываем, чтобы ограничить объем этой статьи до приемлемого.

Допущение 1. Существуют ненаблюдаемые индивидуальные черты, которые преимущественно определяют выполнение заданий теста.

Идея о «чертах», которые влияют на поведение и могут быть измерены по этому поведению, нетривиальна. Например, биология оперирует понятиями, схожими с психологическими, такими как «агрессивность», для оценки которых использует, например, частоту проявления специфического поведения, демонстрируемого в эксперименте. Объяснение этому поведению биологи обычно ищут в особенностях организма (напр., генетических или физиологических), ситуативных факторах (например, наличие пищи), прошлом опыте (памяти, научения) или их взаимодействии. В психологии такие понятия, как «агрессивность», отсылают к психологическим чертам – ненаблюдаемым сущностям, которые гипотетически являются причинами специфического поведения.

Историческое представление о ненаблюдаемых чертах возникло как объяснение корреляции между решением когнитивных задач (positive manifold) некоей общей интеллектуальной способностью, «отвечающей» за все эти решения (Spearman, 1904). В начале XX в. идея о чертах (гипотетических конструктах) позволила либерализовать доминирующий тогда в психологии операционализм (MacCorquodale & Meehl, 1948). Однако вопрос о сути таких ненаблюдаемых черт решался по-прежнему в духе того же операционализма: «черта» определялась статистически как общий фактор, который объяснял дисперсию результатов выполнения тестовых заданий, так что взятие этого фактора «под контроль» сводило на нет корреляцию между заданиями. Задача обнаружения «черт» также решалась статистически – нужно было найти такие факторы в собранных данных, чтобы локальная независимость могла быть продемонстрирована. Последующая разработка техник анализа (факторного, структурного моделирования, IRT) позволила выделять такие латентные факторы практически на любых данных (непрерывных, дихотомических, политомических, категориальных).

Чтобы обосновать существование черты как ненаблюдаемой причины (латентная переменная) тех или иных ответов на тест, применяется такая логика:

– если задания a_1, a_2, a_3 требуют для своего выполнения способности A и

– если данные по заданиям находятся в согласии с моделью, где «латентная переменная» преимущественно объясняет дисперсию по a_1, a_2, a_3 , то A существует; по выполнению заданий a_1, a_2, a_3 можно судить об A .

Эта логика представлена во многих учебниках и методологических статьях (Campbell, 1960; Kane, 2006, Brown & Croudace, 2014; Mueller & Hancock, 2018).

Контраргумент 1. Формально-логическая ошибка этого рассуждения заключается в том, что подтверждение следствий не означает подтвержде-

ния причины, так как для одного и того же следствия может быть несколько причин. Факт различий людей по выполнению каких-то действий может объясняться и без привлечения специальной инстанции вроде «черты» или «способности» (например, предыдущим опытом, обучением, другими знаниями, возможно, какими-то нейробиологическими особенностями, а также взаимовлиянием факторов друг на друга) (Costantini et al., 2015).

Контраргумент 2. В психологии черта, как правило, определяется диспозиционно, т.е. через отношение между ситуацией и действием человека в ней: математические способности – это способность успешно решать математические задачи; общительность – это тенденция к общению; тревожность – склонность тревожиться и т.п. Возможно, что нет другого способа определить психологическое (Perugini, Costantini, Hughes & De Houwer, 2016). Но одно дело, когда мы используем диспозиционное определение, чтобы *описать* какую-то регулярность в поведении, а другое – когда мы используем определение, чтобы *объяснить* эту регулярность. Если умение решать задачи назвать математической способностью, то в этом нет логической ошибки – здесь математическая способность – это обобщающий термин, наименование определенного поведения; термином удобно пользоваться, он делает коммуникацию эффективнее. Но когда мы используем наименование для *объяснения* этого же поведения – это логическая ошибка: невозможно, чтобы математическая способность была причиной успешности в решении задач, так как успешность в решении задач и есть (по определению) математическая способность.

Интересно, что круговой характер определения черты осознается и в «официальной» психологической литературе: «Мы не должны говорить, что высокий балл связан с высокой способностью, скорее наоборот. Мы говорим о высокой способности индивида, потому что его достижения по тесту получили высокий балл. «Способность» – это просто обобщающее утверждение, касающееся его действий» (Cureton, 1951, p. 641).

Однако в более современном, четвертом, издании *Educational measurement* (Kane, 2006) отмечается, что черта не только указывает на «регулярность в поведении» (сам факт регулярности может быть важен для науки), но и что черта независима от заданий теста: «... в большинстве случаев у нас есть некоторое ощущение составляющих черту процессов, поэтому интерпретация черты не зависит полностью от достижений в тестируемой области. По крайней мере, мы знаем, что мы ощущаем, когда злимся, и как мы бы подступились к ответу на вопросы по химии» (Kane, 2006, p. 30).

Если *Educational measurement*, официальное издание Американской психологической ассоциации и Американского Совета по образованию, ссылается на «некоторое ощущение» как свидетельство независимости черты от самого измерения (теста); если этому вопросу посвящено несколько строк в 700-страничном издании, то вопрос о существовании независимой от теста черты нельзя считать ни решенным, ни даже поставленным на повестку дня.

Неудивительно поэтому, что «черта» и «способности» безосновательно, но привычно интерпретируются как самостоятельная реальность, влияющая на поведение. Так, существование кругового объяснения используется в хорошо известной пятифакторной модели личности: «Предположим, некоторые виды птиц сбиваются в стаи, потому что они выработали механизм (или набор механизмов), который позволяет каждой птице среагировать на ее окружение таким способом, что они собираются в стаи. Мы могли бы назвать эти механизмы «стайным» инстинктом, существующим у одних видов, но не у других. Это означает, что есть смысл говорить, что врожденный стайный инстинкт – это причина стайного поведения, потому что, когда он отсутствует, стайного поведения не наблюдается» (Terraciano & McCrae, 2012, p. 449). Таким образом, сбивание в стаи предлагается называть инстинктом сбивания в стаи (flocking instinct), и этот же инстинкт будем считать *причиной* сбивания в стаи, на что справедливо указал S. Voag (2011).

Другой пример: способность к реляционному мышлению описывается как умение замечать аналогии, аномалии, парадоксы и противоположности (Alexander, Dumas, Grossnickle, List & Firetto, 2016). Однако затем авторы проверяют гипотезу, что «реляционное мышление может влиять на латентные факторы аналогии, аномалии, парадоксов и противоположностей» (Alexander et al., 2016, p. 139). Но если реляционное мышление состоит из этих умений, как же тогда оно влияет на них?

Вербально определять действие в форме существительного (суметь решить задачи → *умение* решать задачи; терпеть → проявить *терпеливость*) вовсе не означает иметь дело с сущностью, стоящей за действием (Matthews, Deary & Whiteman, 2003). Иначе, мы *конструируем* бесконечную череду новых и новых способностей (черт), «материализованных» с помощью «вербальной магии» (Voag, 2011).

Почему это важно в контексте психологических измерений? Для измерения нужно, чтобы измеряемое, как минимум, существовало и находилось вне измерителя (Borsboom et al., 2004). Если утверждается, что математические способности влияют на выполнение задач теста и что по тесту мы судим об этой способности, то математическая способность должна находиться вне задач теста и влиять на них. Однако если математическая способность определяется через умение решать задачи, тем самым она и есть решение задач, следовательно, невозможно измерить математическую способность через решение задач, потому что измеритель совпадет с предметом измерения (Voag, 2011; Cramer et al., 2012).

Встает, однако, вопрос: а как же действует логика измерения в других науках? В биологии, например, агрессивное поведение измеряется по каким-то поведенческим реакциям, и по ним можно судить о росте агрессии. Разница в том, что биологи не считают некую латентную черту – агрессивность – причиной агрессивного поведения. Агрессивность для них – это просто короткое название для определенного паттерна поведения. Поэтому они приписывают рост числа агрессивных проявлений не росту «агрессив-

ности», но, например, действию определенных гормонов. Здесь ненаблюдаемая причина (гормоны) и следствие (агрессивность) – не одно и то же: гормоны не определяются через агрессию, а агрессия не определяется через гормоны.

То же самое и в других науках. За изменением температуры стоит энергия движения молекул, за хрупкостью – особенности кристаллической решетки, за горючестью – специфика химических веществ, за регенерацией ткани – размножение и дифференцировка клеток.

Кажется, что уместно возразить: ведь задачи теста лишь частично покрывают область возможного проявления способности, так что способность не тождественна какому-то набору действий, оцениваемых тестом, следовательно, она может влиять на эти и другие действия, а значит, может быть тестом измерена. Такая позиция и заявляется в основных учебниках и справочниках по психологическим измерениям: поведение, оцениваемое тестом, рассматривается как выборка от всех возможных проявлений черты (Анастаси, Урбина, 2007; Kane, 2006), отсюда – задача валидизировать тест, связав его с другими проявлениями этой же черты (например, через критериальную валидизацию).

Проблема этого возражения в том, что причина не может совпадать со следствиями ни частично, ни полностью, так что неважно, является тестовое поведение лишь частью «черты» или полностью ее покрывает. Если способность определяется через действия, то никакие из этих действий не являются ее «индикаторами», потому что нет никакой отдельной «ее»; есть состав деятельности, названный нами «способность».

Допущение 2. Ненаблюдаемые черты имеют стохастическую природу, поэтому для их изучения нужны вероятностные модели.

Суть допущения в том, что подобно моделированию в физике или биологии современное вероятностное психометрическое моделирование *исследует* психологическую реальность, которая недоступна прямой оценке. Черта понимается как «латентная переменная», которая предположительно скрывается под «наблюдаемыми (манифестируемыми) переменными» и «объясняет» их.

Через психометрическое моделирование пытаются статистически подтвердить существование латентной черты, проверяя согласие данных модели. При этом анализируются отклонения наблюдаемого ответа от математического ожидания согласно выбранной модели, и дисперсия, не объясненная данной моделью, разбивается на отдельные компоненты (Linacre, 1998). Если распределение дисперсии по этим компонентам равномерно, то принято считать, что никаких других «латентных» переменных, помимо модельных, нет.

Аргументы, которые звучат в поддержку этого допущения, следующие:

1. Подобно стохастической природе многих физических объектов, природа психологических свойств сложна и изменчива, поэтому для ее исследования больше подходят вероятностные методы.

2. Как и в естественных науках, модели в психометрике помогают выявить недоступную для прямого наблюдения психологическую реальность.

3. Если проверка согласия эмпирических данных с моделью дает положительный результат, значит, модель правильно описывает реальность.

Контраргумент 1. Во-первых, даже в первом приближении сложность поведения и чувств не означает их случайности. Если читатель дочитал данный текст до этого места, можно ли считать это результатом случайности? Если бы человек был столь же непредсказуемым существом, как его рассматривают в психометрике¹, то едва ли мы добились бы на работу каждое утро, а вечером возвращались бы домой. Но даже если элемент случайности в человеческом поведении присутствует, то нет никакого понимания (ни теории, ни гипотезы), как эта случайность связывается с ответами на вопросы теста.

Более того, если разделять понятия случайности и изменчивости, а также допустить изменчивость индивидуального поведения, то к отклонениям человеческих реакций и поступков от прогнозируемых можно относиться не как к «ошибке измерения», а как к новым исследовательским вопросам и разработке новых методов изучения индивида. Например, теория перцептивного контроля (Forssell & Powers, 2009) интерпретирует изменчивость индивидуальных отклонений как ответ перцептивной системы на меняющиеся стимулы. Это, с одной стороны, делает изменчивость существенным компонентом адаптивной биологической системы, а с другой – открывает совершенно иные способы исследования индивидуального поведения. Или, например, подход Observation Oriented Modeling (Grice, 2011; Grice et al., 2016) позволяет получить информацию об индивидуальных паттернах поведения, которые пропускаются стандартными статистическими методами, поскольку последние основаны на усреднении агрегированных данных.

Контраргумент 2. Введение вероятностных моделей для измерения психологических феноменов не имеет под собой эмпирических оснований, в отличие от вероятностных моделей многих физических феноменов вроде тех, которые изучает квантовая физика, стохастическая природа которых была экспериментально обоснована. В той же физике описан класс объектов, хотя и ненаблюдаемых, который должен в соответствии с имеющимися знаниями и теорией вести себя стохастическим образом. В соответствии с этими же знаниями и теорией может быть разработан дизайн специального детектора для этих ненаблюдаемых объектов. Более того, в квантовой механике, где неопределенность занимает центральное место в определении текущего состояния вещества, переменные, составляющую систему, сами по себе измеримы как количественные переменные. Например, кван-

¹ Показательно в этой связи высказывание Георга Раша: «Что касается человеческих существ и их действий, представляется бесполезным делом конструировать модели, полезные для предсказания в отдельных случаях. Наоборот, человеческое существо действительно кажется довольно случайным не меньше, чем радиоактивная эмиссия» (Rasch, 1980, p. 11).

товые вычисления с использованием кубитов основаны на точном количественном измерении абсолютной температуры и количественно измеримых компонентах электрической активности (Vion et al., 2002).

Коротко говоря, в естественных науках модели применяются только в отношении объектов и процессов, где уже существуют количественные теории. Что еще важно, в саму модель включаются коэффициенты и параметры, рассчитанные экспериментально до моделирования, то есть, в модель на входе поступают результаты предварительных измерений (Thijssen, 2007; Flamm, 1998); более того, модель может быть сверена с реальными событиями для прояснения ее репрезентационных свойств. Так функционируют вероятностные математические модели климатических изменений, эволюционных процессов, эпидемиологических прогнозов и пр.

Физические модели выявляющего характера, которые тоже имеют много общего с целями «латентного моделирования», также включают результаты предварительных измерений в качестве параметров и констант. Так, мы можем ожидать сигнала детектора металла в присутствии металла, которого мы не видим (и в этом смысле латентного), основываясь на: 1) точном описании специфического класса элементов, металлов, и их свойств; 2) специально сконструированном устройстве, которое приспособлено вступать во взаимодействие с металлами, строго предсказанным образом; 3) заранее существующей логической схеме вывода о наличии / отсутствии сигнала (например, сигнал звучит, если и только если присутствует металл); 4) заранее известных и обоснованных ограничениях работоспособности устройства (расстояние до металла, электромагнитные помехи и пр.). Эта общая логика выявления скрытых объектов, как видим, глубоко укоренена в предварительных экспериментах и теориях об исследуемом предмете.

Образ действия психометрика не имеет с ничего общего с моделированием в естественных науках. Для психологических феноменов их стохастическая природа только предполагается, причем только на том основании, что детерминистские модели не могут удовлетворительно объяснять данные¹. В психометрике никогда не был описан класс объектов реальности, хотя бы и ненаблюдаемых, для которых модель могла бы сыграть роль детектора (Maraun & Gabriel, 2013) или репрезентации. «Латентные переменные», с которыми имеет дело психометрика, не имеют отношения к какому бы то ни было другому классу составляющих реального мира; они имеют дело со случайным переменным и их распределением. Но переменная – это просто функция (или параметр функции); она не принадлежит к составляющим реальности и поэтому не относится ни к наблюдаемым, ни к ненаблюдаемым; переменные не принадлежат и к составляющим языка –

¹ Кроме того, за счет необъясненной дисперсии в результатах тестирования, то есть за счет т.н. «случайной ошибки измерения», респонденты оцениваются в количественной шкале, а не просто упорядочиваются. Ситуация, когда улучшение шкалы от порядковой до интервальной происходит за счет наличия ошибки измерения, получило название «психометрический парадокс»: безошибочное измерение ухудшило бы «точность» оценки, превратив интервальную шкалу просто в порядковую (Michell, 2014).

это не концепция, не понятие, не теория и не идея. Бессмысленно говорить, что «когда мы концептуализируем переменную как ненаблюдаемую... мы предполагаем, что размещение человека на этой переменной может быть выведено из данных» (Borsboom, 2008, р. 30), так как нельзя «вывести» местоположение человека на переменной; это просто знание значения, которое принимает эта переменная (Maraun & Gabriel, 2013).

Поскольку моделирование в психометрике применяется к плохо изученной реальности (способности, чертам, и поведению, связанному с ответами на вопросы теста), при этом не существует никаких количественных теорий об этой реальности, то *не существует заранее известного правила* для соотнесения «латентной» переменной с получаемым «баллом» по тесту. В отличие от моделей в естественных науках, в психометрике правила связывания входящих переменных с исходящими подбираются *в процессе и после* анализа, поэтому модель не выводит на латентные переменные, но конструирует их способом, наиболее оптимальным для предписанной модели и входящих переменных (Maraun & Halpin, 2008).

Кроме того, не вводятся ограничения адекватности модели: модель предположительно может адекватно описывать «структуру конструкта» для всех людей, независимо от возраста, рода деятельности, социального и культурного контекста, здоровья и т.д. Нет также исследований, из которых такие ограничения могли бы следовать. Так что, какой бы модели в итоге не соответствовали данные тестирования, никаких независимых от теста свидетельств в отношении этой модели нет (Uher, 2021). Но без такого рода ограничений, психометрические модели являются лишь симуляторами того моделирования, которое используется в естественных науках.

В качестве примера, можно рассмотреть исследование карьерной адаптивности (Кондратюк, Бурмистрова-Савенкова, Моросанова, 2021)¹. Авторы демонстрируют психометрические характеристики «Шкалы карьерно-адаптационных способностей», включая выявление ее латентной факторной структуры. Под карьерной адаптивностью понимается «совокупность поведения, компетенций и установок индивидов, направленных на «приспособление себя к подходящей работе» (т.е. «на развитие карьеры»). Далее авторы указывают, что «индивидуальные различия в карьерной адаптивности объясняют то, как по-разному люди строят и развивают свою карьеру». Мы имеем здесь классическое круговое определение, когда собирательный термин «карьерная адаптивность» превращается в самостоятельную ненаблюдаемую сущность, влияющую на приспособление к работе (т.е. адаптация влияет на адаптацию). Одной из задач авторов стала «проверка соответствия структуры теста конструкту карьерной адаптивности». Но поскольку структура «конструкта карьерной адаптивности» неизвестна, никакой проверки соответствия быть, конечно, не может. Фактиче-

¹ На месте этого исследования могло быть любое среди десятков других – достаточно ввести в Google Scholar ключевые слова «психометрика», «латентный», «конструкт», «модель».

ски, были проверены разные факторные решения на предмет их согласия с данными (которые сами пришли из опросника с неизвестными репрезентационными свойствами), взята наилучшая факторная модель (интерпретируемая в желательном направлении), и был сделан вывод о воспроизводимости конструктора с прогнозируемой структурой. Ясно, что какие бы результаты ни были получены, отклонить гипотезу о существовании «конструктора» как влияющую на ответы сущности при таком подходе невозможно в принципе, а отсутствие предварительных ограничений в отношении этой сущности позволяет «воспроизвести» любую структуру.

Вышесказанное объясняет, почему проверка согласия эмпирических данных с моделью, не означает проверки адекватности модели в отношении реальности. Проблема возникает не с самой проверкой, а со «склеиванием» статистических выводов о распределении ответов с выводами о «черте» (Maraun & Gabriel, 2013; Nowland, Beath & Voag, 2019).

Контраргумент 3. Психометрическое моделирование в подавляющем большинстве случаев использует агрегированные данные, т.е. дает информацию о латентных конструкторах на уровне популяции. Но агрегированные данные страдают неустраняемыми недостатками при попытке их интерпретации на индивидуальном уровне, т.е. уровне, основном для психологии. Прежде всего, феномены, появляющиеся на уровне популяции, обладают свойством «эмерджентности», т.е. характеризуют только тот уровень системы, на котором появляются (как, например, фенотип появляется только на уровне целого организма, но отсутствует на клеточном уровне). Однако эта информация не обязательно будет адекватно описывать индивида – главный предмет интереса психологии. Было показано, например, что пятифакторная структура личности не воспроизводится на индивидуальном уровне, как и факторы интеллекта (Borsboom, Mellenbergh & Heerden, 2003; Borkenau & Ostendorf, 1998; Franić, Borsboom, Dolan & Boomsma, 2014).

Что происходит на агрегированном уровне – это оценка межиндивидуальной вариации в ответах, поэтому выведенные из таких корреляций факторы в принципе не в состоянии (каузально) объяснить индивидуальные ответы. Допустим, на уровне популяции мы получаем значительную корреляцию между успешностью выполнения математических задач теста, которые формируют «латентный конструктор» – математическую способность. Каково место этого конструктора в выполнении теста отдельным респондентом? Наиболее релевантные объяснения индивидуальных достижений возможны, например, через отсылку к предварительному опыту в решении таких задач, что в свою очередь отсылает к долговременной памяти и мышлению по аналогии; или, например, можно объяснить решение задачи хорошей рабочей памятью и вниманием, возможно, навыками счета, а также знанием некоторых эвристик, например, раскладыванием задачи на компоненты и пр. (см.: Пойа, 1959). Как в эти процессы вписывается «математическая способность»? Более того, если бы мы хотели проверить стабильность этой предполагаемой «черты» через серию повторных проверок одного и того же индивида, то мы немедленно бы столкну-

лись с отсутствием каких-либо корреляций, поскольку как раз в случае стабильной черты технически необходимая для корреляции вариативность была бы минимальна.

Все это означает, что для действительного объяснения происходящего требуется как минимум связать межиндивидуальные латентные конструкты с индивидуальными процессами. К сожалению, работы в этом направлении довольно редки в силу их гораздо большей затратности (временной, организационной и финансовой).

Кроме того, попытка использовать большие выборки якобы для минимизации ошибки измерения несколько лукава, поскольку само количественное измерение в психометрических моделях (в частности, в модели Раша) обязано исключительно ошибочному компоненту. «Количественная» шкала без ошибки измерения становится обычной порядковой шкалой Гутмана (Michell, 2014).

Как итог: поскольку ни на одном из этапов психометрического моделирования не вовлекаются данные, не зависящие от модели или от теста (который сам имеет неясное отношение к психологической реальности), то:

- выводы из моделирования в лучшем случае могут распространяться только на распределение ответов конкретных респондентов по конкретным заданиям теста;
- респонденты могут быть оценены только в отношении статистических фактов, проявившихся на агрегированных данных;
- психологическая реальность остается интактной.

Перспективы психометрического моделирования в психологии

Что означает вышесказанное для перспектив психометрического моделирования? Ответ зависит от статуса, в котором эти модели могут существовать как инструмент для решения прагматических задач (например, для предсказания или снижения размерности данных) и как научный метод исследования реальности.

С первых шагов психометрики ее практическая полезность для предсказания, отбора и распределения человеческих ресурсов (прежде всего в массовых и стандартизированных секторах экономики, таких как образование и вооруженные силы) стала тем обещанием, за счет которого психометрические методы оказались социально востребованной практикой. Хороший тест, т.е. тот, который в полной мере репрезентирует область целевых задач, аккуратно упорядочивает респондентов по выполнению заданий теста и максимизирует информацию о респонденте на фоне остальной выборки, такой тест безусловно важен. Пока методы психометрики производят «хорошие тесты», тем самым удовлетворяя определенную потребность общества, психометрика будет востребована и «практически полезна». Подчеркнем, что в этом статусе психометрическая модель не отвечает на вопросы о том, что именно является предметом ее оценки за пределами тестовых заданий. Еще на заре становления тестирования ученик Торндайка и ведущий

психолог-статистик США того времени Труман Ли Келли отметил: «Наши ментальные тесты измеряют что-то; нас может волновать, а может и не волновать, что именно, но это то, что нам выгодно измерять, поскольку это улучшает наши знания о том, что люди сделают в будущем. Измерительный прибор как мера того, что желательно измерить, стоит на первом месте, а то, мерой чего он является, – на втором» (Kelley, 1929, p. 86).

Поэтому вопреки распространенному мнению целью психометрического моделирования является не исследование реальности, как это происходит в естественных науках, а выравнивание данных и модели так, чтобы можно было доложить «тестовые баллы» соответственно достигнутой структуре. И надо отметить, что сейчас многие психометрические работы открыто позиционируются строго внутри статистических рамок и избегают эксплицитных утверждений о моделировании какой-либо сущности (черты или способности) за пределами теста, влияющей на ответы, и интерпретируют результаты только в отношении наиболее подходящего скоринга в соответствии с выявляемой структурой теста (напр., Артеменков, 2021).

Проблема с психометрическим моделированием возникает, когда оно используется в статусе полноценного исследовательского метода, т.е. с его помощью пытаются концептуализировать, «измерять» и «исследовать» психологические феномены. С учетом высказанных здесь ограничений стоит признать эту задачу, взятую на себя моделированием, обреченной на провал. Как уже сказано в тексте статьи, для того чтобы строить количественную модель феномена, нам нужны четкое описание класса таких феноменов, доказательства их количественной структуры, предварительные экспериментально полученные константы (параметры) модели, а также нам нужно знать границы применимости модели. Без этих ограничений психометрические модели будут лишь симуляторами моделирования, генерирующими данные с непонятными репрезентационными свойствами.

Фактически эксплуатация темы «полезности» для обоснования психометрики предполагает, что вопросы структурной связи между формальными латентными переменными и тем, что на самом деле они репрезентируют, уже решены. Предположим, что мы интерпретируем модели с латентными переменными как инструмент снижения размерности данных. Почему тогда появляются специфические факторные нагрузки, определенные какой-то формальной теорией латентных переменных? И есть ли какие-то другие законы или причины, почему мы должны использовать именно эти факторные нагрузки, например, для взвешивания? На самом деле эти нагрузки нечем обосновать, кроме как объяснением *ad hoc*. Любое обоснование, помимо структурного анализа, потребовало бы выйти за рамки модели. Поэтому оставаясь в рамках моделирования, никаких фундаментальных исследований реальности выполнить невозможно, как невозможно указать, каким образом и почему данные могут перестать согласовываться с моделью, а также с какой моделью они будут согласовываться в следующий раз (Michell, 2003a; Molenaar & von Eye, 1994).

Из всего вышесказанного следует, что, во-первых, какую бы реальность психометрика ни бралась оценивать, эта реальность должна сначала изучаться, а только потом моделироваться. Как указывал J. Michell (1999, 2003a, 2003b), сначала должна решаться научная задача (онтологическая), а только потом – инструментальная (эпистемологическая). Исследования же в психологии возможны и важны, но они не должны подменяться измерением и моделированием.

Приведем несколько примеров альтернативной исследовательской практики.

Прежде всего, что можно противопоставить допущению о существовании латентных черт? Хотя наш язык легко создает существительные из глаголов (настаивать – настойчивость, доминировать – доминирование, быть способным – способность), научному мышлению не обязательно поддаваться искушению создавать сущности с тем, чтобы потом измерять их. Даже если нет другого способа определить психологическое, кроме как через «тенденции», необходимо сначала продемонстрировать, как такие тенденции могут быть независимы от поведения, которое они якобы объясняют. С другой стороны, следует также признать, что участие в научном описании само по себе является необходимой частью научной задачи и что не все сторонники латентного подхода видят необходимость приписывать свойствам объяснительный статус. Например, в работе Gerber (2011) указываются примеры продуктивного выхода из кругового рассуждения, когда устойчивые поведенческие паттерны, оцениваемые опросником, объясняются не способностью, т.е. не статистическим «общим фактором», а предшествующим обучением, особенностями развития или восприятия. К примеру, такая черта, как «чувствительность к отвержению», определяется не через ожидание оказаться отвергнутым (что вело бы как раз к круговому определению), а через восприятие амбивалентных ситуаций и защитные реакции (Downey & Feldman, 1996). Это делает определение черты логически независимым от поведения, оцениваемого опросником: т.е. в опроснике спрашивается о «чувствительности к окружению», но сама эта чувствительность является не латентной «чертой», а следствием предшествующего опыта. Такая аккуратная позиция открывает дорогу и для теоретических разработок (теории привязанности, данном случае), и для эмпирических исследований (например, для изучения роли раннего отвержения, специфической активности мозга, предваряющей взаимодействие защитной реакцией и пр.)

Теперь коснемся альтернатив устоявшимся способам психометрического моделирования. Как уже говорилось, вся вариативность, которую не удастся объяснить латентными переменными, обычно списывается на ошибку измерения, но ни источники такой вариативности, ни индивидуальные механизмы ее проявления вне «моделирования» почти не исследуются. Замечательны поэтому работы, которые проверяют существование вариативности на уровне индивида и ищут ее объяснения экспериментально. Так, например, используя непараметрическую альтернативу логистиче-

ской регрессии – «пороговый анализ» (Grice et al., 2016), который не «отменяет ошибки» через вычисление групповых средних (что бессмысленно, хотя бы потому что психометрические шкалы НЕ интервальные), можно представить ответы респондентов как специфические паттерны ответов. При этом каждый последующий ответ на утверждения опросника оценивается как дискретное состояние, связанное не только с текущим утверждением, но и с предыдущим. Действительно, сложно представить, что человек, оценивая утверждения в серии, полностью забывает свои предыдущие ответы (Lord & Novick, 1968). Такой подход позволяет вывести логику индивидуального поведения так, чтобы группа респондентов была как можно точнее разнесена по подгруппам с разными паттернами ответов (Grice, 2011, Grice et al., 2017). Такого рода методы не только дают больше информации о респондентах, чем стандартные психометрические измерения, но эта информация еще и индивидуализирована, и при этом не основана на непроверяемых допущениях.

Можно пойти с другой стороны и указать на области, где методы структурного моделирования могут широко и обоснованно применяться. Это области, имеющие дело с результатами истинных измерений, например, в экологии (Arhonditsis et al., 2006), эволюционной биологии (Pugesek, Tomer & Von Eye, 2003), генетике (Franić, Dolan, Borsboom & Boomsma, 2012). В науке о человеческом социальном поведении структурное моделирование и байесовский анализ довольно успешно применяются в исследованиях принятия решений и экономического поведения (Birnbaum, 2008; Cavagnaro & Davis-Stober, 2014). Здесь модели используют данные, полученные независимо от самих этих моделей, поэтому и результаты моделирования могут быть использованы для проверки модели в отношении реальности, которую модель должна репрезентировать.

Интересная перспектива просматривается в применении сетевого подхода (Haig & Borsboom, 2008; Schmittmann et al., 2013). Сетевой подход не делает допущений о латентной черте, а сосредотачивается на комплексе поведенческих событий, на том, как одно событие влечет за собой другое. Так, например, было показано, что симптоматика многих патопсихологических состояний (например, депрессии) может быть описана как несколько отдельных узлов событий, обуславливающих друг друга последовательно; что объясняет разнообразие клинической картины заболевания и его динамики (Borsboom, 2017). Однако хотя сетевой подход уходит от фантомных «латентных» конструкторов, в отсутствие выхода на реалистичную онтологию он остается только способом репрезентации *данных*, как указывают и сами приверженцы сетевого подхода.

В качестве примера «выхода на реалистичную онтологию», сошлемся на психометрическую модель, выстроенную в рамках теории Пиаже об этапах развития мышления, в частности, о возрастной динамике понимания пропорциональных отношений. Длительные наблюдения за действиями детей, эксперименты и анализ детских решений задач на «пропорции» показали, что если в задаче участвуют несколько размерностей (скажем, в

задаче с рычажными весами – вес груза и его расстояние от центра весов), то ребенок не сразу может взять в рассмотрение все размерности. Сначала он ориентируется только на наиболее заметный, фактор (например, вес), затем начинает учитывать влияние другого фактора (расстояние от грузика до центра весов), но решает задачу безошибочно, только если оба фактора действуют согласованно.

На финальной стадии ребенок может учесть все факторы, даже если их влияние не согласовано (например, соотнести веса грузов и их расстояние до центра) (Inhelder & Piaget, 1958; Siegler, 1981). Эта теория обеспечила разработку формальной модели, где этапы развития рассматриваются как латентные классы, а развитие – как упорядоченная серия дискретных переходов между этими классами (Jansen & Van der Maas, 1997). Частоты и характер ошибок на разных этапах, известные из экспериментальных данных, могли быть использованы как параметры и ограничения в психометрической модели для оценки ее адекватности.

Другие формализуемые альтернативы также существуют (см., например, фасетную теорию (Canter, 2012); моделирование, ориентированное на наблюдение (Grice, 2011)). Их обзор выходит за рамки данной работы, при этом их главные достоинства – отсутствие непроверенных допущений (например, латентные конструкторы, случайная ошибка, аддитивное и непрерывное распределение признака, одномерность и пр.), индивидуальный уровень анализа и внимание к процессам, определяющих ответы на задания и др. Хотя такого рода исследования гораздо сложнее реализовывать, чем стандартные проверки «моделей» тех или иных «конструкторов», именно такие исследования только и могут дать прирост психологического знания.

Заключение

Целью работы было собрать рассеянную в современной литературе критику психометрического моделирования и представить ее в систематизированном виде. Популярность психометрики, где вероятностное моделирование занимает ведущую позицию, быстро растет среди российских исследователей. Поэтому представляется полезным представить и критический взгляд на эти техники, который, к сожалению, в русскоязычной литературе никак не обсуждается. Автор надеется, что этот материал улучшит понимание ограничений этой методологии и усилит интерес к более глубокому поиску альтернативных способов познания психологической реальности.

Литература

- Анастази, А., Урбина, С. (2007). *Психологическое тестирование* (А. А. Алексеев, пер. с англ.). СПб.: Питер.
- Артеменков, С. Л. (2021). Упорядоченные сети частных корреляций в психологических исследованиях. *Моделирование и анализ данных*, 11(2), 31–50. doi: 10.17759/mda.2021110202

Кондратюк, Н. Г., Бурмистрова-Савенкова, А. В., Моросанова, В. (2021). Шкала карьерно-адаптационных способностей М. Савикаса и Э. Порфели: психометрические характеристики русскоязычной версии на выборке подростков. *Вестник Российской государственной академии педагогических наук. Серия: Психология и педагогика*, 18(3), 555–575. doi: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-555-575

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 08.04.2022 г.; повторно 20.09.2022 г.; принята 18.10.2022 г.

Тюменева Юлия Алексеевна – ведущий научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; старший научный сотрудник Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.
E-mail: jutu@yandex.ru

For citation: Tyumeneva, Y. A. (2022). Psychometric Modelling: A Systematic Critique of Underlying Assumptions and Some Alternatives. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 86, 6–25. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/86/1

Psychometric Modelling: A Systematic Critique of Underlying Assumptions and Some Alternatives¹

Y.A. Tyumeneva^{1,2}

¹ *The Pushkin State Russian Language Institute, 6, Akademika Volgina Str., 117485, Moscow, Russian Federation.*

² *Institute of Education, HSE University, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

Abstract

Due to the popularity of psychometrics, where probabilistic modelling takes a leading position, it seems useful to present a critical view of these techniques, which, unfortunately, is not extensively discussed, especially in the Russian-language literature. This paper is a systematic review of the growing criticism of several assumptions of psychometrics: 1) the existence of unobservable personality traits and abilities which are supposed to determine the performance of test items; 2) the stochastic nature of traits, and as a consequence, the need for probabilistic models to study them; 3) aggregate data represent individual characteristics; 4) as in the natural sciences, models in psychometrics help reveal psychological reality that is not directly observable; 5) if testing the agreement of empirical data with a model yields a positive result, then the model correctly describes reality. These assumptions are criticized on the basis of the circular nature of the definitions of the traits themselves, logical errors ingrained in the assumptions, the methodological mixture of variability and randomness regarding behavior, the lack of a causal link between inter-individual variation in responses and individual responses; superficial analogies with models in the natural science to which psychometrics refers, as well as the substitution of scientific tasks for instrumental and pragmatic

¹ The article was prepared as a part of the state assignment of Ministry of Education and Science of the Russian Federation for 2020–2024 (No. FZNM-2020-0005).

ones. We conclude that modelling in psychometrics is counterproductive if used as a method of exploring the psychological reality behind the test. Some alternative practices of quantitative research are discussed. For example, testing the existence of variation at the level of the individual and the experimental search for its explanation. There are other possible alternatives, such as, a network perspective on psychological phenomena; faceted theory; or observation-oriented modeling. Although this kind of research is much more difficult to implement than standard “goodness-of-fit” tests, it is probably this kind of research that can provide an increase in psychological knowledge.

Keywords: psychometrics; modelling; realism; representation; trait; latent construct; assumptions; measurement.

References

- Alexander, P.A., Dumas, D., Grossnickle, E.M., List, A., & Firetto, C.M. (2016). Measuring Relational Reasoning. *Journal of Experimental Education*, 84(1), 119–151. doi: 10.1080/00220973.2014.963216
- Anastazi, A., & Urbina, S. (2007). *Psikhologicheskoe testirovanie* [Psychological Testing]. (A. A. Alekseev, transl. from English). St. Petersburg: Piter.
- Arhonditsis, G.B., Stow, C.A., Steinberg, L.J., Kenney, M.A., Lathrop, R.C., McBride, S.J., & Reckhow, K.H. (2006). Exploring ecological patterns with structural equation modeling and Bayesian analysis. *Ecological Modelling*, 192(3–4), 385–409. doi: 10.1016/j.ecolmodel.2005.07.028
- Artemenkov, S.L. (2021). Uporyadochennyye seti chastnykh korrelyatsiy v psikhologicheskikh issledovaniyakh [Ordered networks of partial correlations in psychological research]. *Modelirovanie i analiz dannykh*, 11(2), 31–50. doi: 10.17759/mda.2021110202
- Birnbaum, M.H. (2008). New paradoxes of risky decision making. *Psychological Review*, 115(2), 463–501. doi: 10.1037/0033-295X.115.2.463
- Boag, S. (2011). Explanation in personality psychology: “Verbal magic” and the five-factor model. *Philosophical Psychology*, 24(2), 223–243. doi: 10.1080/09515089.2010.548319
- Borsboom, D. (2008). Latent variable theory. *Measurement: Interdisciplinary Research & Perspective*, 6(1–2), 25–53. doi: 10.1080/15366360802035497
- Borsboom, D. (2017). A network theory of mental disorders. *World Psychiatry*, 16(1), 5–13. doi: 10.1002/wps.20375
- Borsboom, D., Mellenbergh, G. J., & Heerden, J. (2003). The theoretical status of latent variables. *Psychological Review*, 110(2), 203. doi: 10.1037/0033-295X.110.2.203
- Borsboom, D., Mellenbergh, G., & Heerden, J. (2004). The Concept of Validity. *Psychological Review*, 111, 1061–71. doi: 10.1037/0033-295X.111.4.1061
- Brown, A., & Croudace, T.J. (2014). Scoring and estimating score precision using multidimensional IRT models. In S.P. Reise, D.A. Revicki (Eds.), *Handbook of Item Response Theory Modeling* (pp. 325–351). New York; London: Routledge.
- Campbell, D.T. (1960). Recommendations for APA test standards regarding construct, trait, or discriminant validity. *American Psychologist*, 15(8), 546–553. doi: 10.1037/h0048255
- Canter, D. (Ed.). (2012). *Facet Theory: Approaches to Social Research*. Springer Science & Business Media.
- Cavagnaro, D.R., & Davis-Stober, C.P. (2014). Transitive in our preferences, but transitive in different ways: an analysis of choice variability. *Decision*, 1, 102–122. <http://dx.doi.org/10.1037/dec0000011>
- Costantini, G., Epskamp, S., Borsboom, D., Perugini, M., Mõttus, R., Waldorp, L.J., & Cramer, A.O. (2015). State of the aRt personality research: A tutorial on network analysis of personality data in R. *Journal of Research in Personality*, 54, 13–29. doi: 10.1016/j.jrp.2014.07.003

- Cramer, A.O. J., Van Der Sluis, S., Noordhof, A., Wichers, M., Geschwind, N., Aggen, ... Borsboom, D. (2012). Measurable Like Temperature or Mereological like Flocking? on the Nature of Personality Traits. *European Journal of Personality*, 26(4), 451–459. doi: 10.1002/per.1879
- Cureton, E.E. (1951). Validity. In E.F. Lindquist (Ed.), *Educational Measurement* (pp. 621–694). Washington, DC: American Council on Education.
- Downey, G. & Feldman, S.I. (1996). Implications of rejection sensitivity for intimate relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, 70, 1327–1343. doi: 10.1037/0022-3514.70.6.1327
- Flamm, D. (1998). History and outlook of statistical physics. *arXiv preprint physics/9803005*. doi: 10.48550/arXiv.physics/9803005
- Forsell, D., & Powers, W. (2009). Perceptual Control Theory. *Living Control Systems Pub*, 72, 74–75.
- Franić, S., Borsboom, D., Dolan, C.V., & Boomsma, D.I. (2014). The big five personality traits: psychological entities or statistical constructs? *Behavior Genetics*, 44(6), 591–604. doi: 10.1007/s10519-013-9625-7
- Franić, S., Dolan, C.V., Borsboom, D., & Boomsma, D.I. (2012). Structural equation modeling in genetics. In R.H. Hoyle (Ed.), *Handbook of Structural Equation Modelling* (pp. 617–635). New York, NY: The Guilford Press.
- Gerber, J.P. (2011). Six solutions to the circular nature of trait psychology. In S. Boag & N. Tiliopoulos (Eds.), *Personality and individual differences: Theory, assessment and application* (pp. 297–306). New York: Nova.
- Grice, J.W. (2011). *Observation oriented modeling: Analysis of cause in the behavioral sciences*. New York, NY: Academic Press.
- Grice, J.W., Barrett, P.T., Cota, L., Taylor, Z., Felix, C., Garner, S., Medellin, E., & Vest, A. (2017). Four bad habits of modern psychologists. *Behavioral Sciences*, 7(3), Article 53. doi: 10.3390/bs7030053
- Grice, J.W., Cota, L.D., Barrett, P.T., Wuensch, K.L., & Poteat, M. (2016). A simple and transparent alternative to logistic regression. *Advances in Social Sciences Research Journal*, 3(7). doi: 10.14738/assrj.37.2125.
- Haig, B.D., & Borsboom, D. (2008). On the conceptual foundations of psychological measurement. *Measurement Interdisciplinary Research and Perspectives*, 6, 1–2. doi:10.1037/1040-3590.7.3.238
- Inhelder, B., & Piaget, J. (1958). *The growth of logical thinking from childhood to adolescence*. New York: Basic Books.
- Jansen, B.R., & van der Maas, H.L. (1997). Statistical test of the rule assessment methodology by latent class analysis. *Developmental Review*, 17(3), 321–357. doi: 10.1006/drev.1997.0437
- Kane, M. (2006). Validity. In R.L. Brennan (Ed.), *Educational Measurement* (pp. 17–64). Westport, CT: ACE/Praeger Publishers.
- Kelley, T.L. (1929). *Scientific Method*. Cleveland, OH: Ohio State University Press.
- Kondratyuk, N.G., Burmistrova-Savenkova, A.V., & Morosanova, V. (2021). A Psychometric Analysis of the Russian Career Adapt-Abilities Scale in High School Students. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 18(3), 555–575. (In Russian). doi: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-555-575
- Kyngdon, A. (2011). Psychological measurement needs units, ratios, and real quantities: A commentary on Humphry. *Measurement*, 9(1), 55–58. doi: 10.1080/15366367.2011.558791
- Laming, D.R.J. (1997). *The Measurement of Sensation*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Linacre, J.M. (1998). Structure in Rasch Residuals: Why Principal Components Analysis. *Rasch Measurement Transactions*, 12(2), 636. Retrieved from: <https://www.rasch.org/rmt/rmt122m.htm> (Accessed: 2 April 2021).

- Lord, F.M., & Novick, M. (1968). *Statistical Theories of Mental Test Scores*. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
- Maas, Van der H.L.J., Molenaar, D., Maris, G., Kievit, R.A., & Borsboom, D. (2011). Cognitive Psychology Meets Psychometric Theory: On the Relation Between Process Models for Decision Making and Latent Variable Models for Individual Differences. *Psychological Review*, *118*(2), 339–356. doi: 10.1037/a0022749
- MacCorquodale, K., & Meehl, P.E. (1948). On a distinction between hypothetical constructs and intervening variables. *Psychological Review*, *55*(2), 95–107. doi: 10.1037/h0056029
- Maraun, M.D., & Gabriel, S.M. (2013). Illegitimate concept equating in the partial fusion of construct validation theory and latent variable modeling. *New Ideas in Psychology*, *31*(1), 32–42. doi: 10.1080/15366360802035596
- Maraun, M.D., & Halpin, P.F. (2008). Manifest and Latent Variates. *Measurement: Interdisciplinary Research and Perspectives*, *6*, 113–117. doi: 10.1080/15366360802035596
- Matthews, G., Deary, I.J., & Whiteman, M.C. (2003). *Personality Traits*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511812736
- Michell, J. (1999). *Measurement in Psychology: A Critical History of a Methodological Concept*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Michell, J. (2003a). Epistemology of measurement: the relevance of its history for quantification in the social sciences. *Social Science Information*, *42*, 515–534. doi: 10.1177/0539018403424004
- Michell, J. (2003b). Pragmatism, positivism and the quantitative imperative. *Theory & Psychology*, *13*, 45–52. doi: 10.1177/0959354303013001761
- Michell, J. (2014). The Rasch paradox, conjoint measurement, and psychometrics: Response to Humphry and Sijtsma. *Theory & Psychology*, *24*(1), 111–123. doi: 10.1177/0959354313517524
- Molenaar, P.C. M., & von Eye, A. (1994). On the arbitrary nature of latent variables. In A. von Eye & C.C. Clogg (Eds.), *Latent variables analysis: Applications for developmental research* (pp. 226–242). Thousand Oaks CA: Sage Publications, Inc.
- Mueller, R.O., & Hancock, G.R. (2018). Structural equation modeling. In G.R. Hancock, L.M. Stapleton, R.O. Mueller (Eds.), *The reviewer's guide to quantitative methods in the social sciences* (pp. 445–456). New York: Routledge. doi: 10.4324/9781315755649
- Nowland, T., Beath, A., & Boag, S. (2019). Objectivity, realism, and psychometrics. *Measurement: Journal of the International Measurement Confederation*, *145*, 292–299. doi: 10.1016/j.measurement.2019.05.038
- Perugini, M., Costantini, G., Hughes, S., & De Houwer, J. (2016). A functional perspective on personality. *International Journal of Psychology*, *51*(1), 33–39. doi: 10.1002/ijop.12175
- Pugesek, B.H., Tomer, A., & Von Eye, A. (2003). *Structural equation modeling: applications in ecological and evolutionary biology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Rasch, G. (1980). *Probabilistic models for some intelligence and attainment tests*. University of Chicago Press.
- Schmittmann, V.D., Cramer, A.O. J., Waldorp, L.J., Epskamp, S., Kievit, R.A., & Borsboom, D. (2013). Deconstructing the construct: A network perspective on psychological phenomena. *New Ideas in Psychology*, *31*(1), 43–53. doi: 10.1016/j.newideapsych.2011.02.007
- Siegler, R.S. (1981). Developmental sequences within and between concepts. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, *46*(2), 1–74. doi: 10.2307/1165995
- Spearman, C. (1904). 'General intelligence,' objectively determined and measured. *The American Journal of Psychology*, *15*(2), 201–293. doi: 10.1037/11491-006
- Terracciano, A., & McCrae, R.R. (2012). Why do (some) birds flock? Causality and the structure of characteristic adaptations. *European Journal of Personality*, *26*, 449–450. doi: 10.1002/per.1878
- Thijssen, J. (2007). *Computational Physics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

- Uher, J. (2021). Psychometrics is not measurement: Unraveling a fundamental misconception in quantitative psychology and the complex network of its underlying fallacies. *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*, 41(1), 58–84. doi: 10.1037/teo0000176
- Vion, D., Aassime, A., Cottet, A., Joyez, P., Pothier, H., Urbina, C. ... & Devoret, M.H. (2002). Manipulating the quantum state of an electrical circuit. *Science*, 296(5569), 886–889. doi: 10.1126/science.1069372

Received 08.04.2022; Revised 20.09.2022; Accepted 18.10.2022

Yulia A. Tyumeneva – Leading researcher, Language and Cognition Laboratory, The Pushkin State Russian Language Institute; Senior researcher, Institute of Education, HSE University, PhD.

Email: jutu@yandex.ru

УДК 159.9.072

АГРЕССИЯ В ИММЕРСИВНОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОДРОСТКОВ И ЭФФЕКТ СВИДЕТЕЛЯ¹

Г.У. Солдатова¹, С.В. Чигарькова¹, Е.Ю. Никонова¹,
Д.А. Веницкий², А.Е. Попков¹

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1*

² *ООО «Лаборатория знаний», 123610, Россия, Москва, наб. Краснопресненская, д. 12, помещ. 320в*

Резюме

Распространение технологий виртуальной реальности ставит вопрос о формировании новых практик цифровой социальности, в том числе в ситуациях столкновения с деструктивной коммуникацией. Статья посвящена экспериментальному исследованию поведенческих реакций подростков, выступающих в роли свидетелей в ситуации киберагрессии в иммерсивной виртуальной среде, в том числе в зависимости от различий в выраженности социальной ответственности и моральных установок у респондентов. В эксперименте подросткам (N = 50) предлагалось выполнить задание по поиску предмета в виртуальной среде VRChat, в которой они сталкивались с ситуацией киберагрессии, происходящей в реальном времени. Участники эксперимента были разделены на контрольную и экспериментальную группы, члены последней дополнительно получали установку на соблюдение и поддержание в виртуальной среде правил общения. Было выделено два типа поведения: «пассивные свидетели» (58%), которые выбрали стратегию избегания или вступали в общение только для решения задачи, и «активные защитники» (42%), которые делились на агрессивных и неагрессивных. Показано, что выбор поведенческих стратегий, направленных на помощь «жертве» в ситуации киберагрессии в виртуальном пространстве, определяется в большей степени такими личностными особенностями, как выраженность социальной ответственности и уровнем морального развития, вносящими важный вклад в регуляцию социального поведения, чем полученной «на входе в ситуацию» инструкцией на необходимость соблюдения правил позитивной культуры общения. Выращенность социальной ответственности как личностной характеристики в противовес феномену диффузии ответственности, выявленному в рамках эффекта свидетеля, более характерна для защитников «жертвы» и их просоциальной роли по сравнению с пассивными наблюдателями.

Ключевые слова: киберагрессия; поведенческие стратегии; эффект свидетеля; защитник; моральные установки; социальная ответственность; виртуальная реальность; подростки

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00365.

Введение

Внедрение цифровых технологий в повседневность приводит не только к возникновению новых способов активности в онлайн-среде, но и к трансформации различных социокультурных практик, в том числе в контексте деструктивного поведения как части формирующейся цифровой социальности (Солдатова, Войскунский, 2021; Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020). Широкое распространение в сети получает киберагрессия, не наносящая непосредственного физического вреда, но оказывающая продолжительное негативное воздействие на психологическое состояние участников и затрагивающая в первую очередь наиболее активных пользователей интернета – подростков и молодежь. Существует уже немало исследований данного феномена, при этом он практически не изучен в такой высокоиммерсивной среде, которая обеспечивается современной VR-гарнитурой.

Ученые изучают особенности и механизмы различных видов киберагрессии, ролевую структуру, личностные характеристики, способы совладания и эмоциональные переживания участников ситуации киберагрессии, а также последствия столкновения с ней (Солдатова и др., 2020; Sheldon et al., 2019). Одна из самых распространенных ролей в ситуации киберагрессии – это роль свидетеля (Polanco-Levicán, Salvo-Garrido, 2021; Солдатова и др., 2020; Солдатова, Чигарькова, Калинина, 2022). Выделяют следующие факторы, влияющие на поведение свидетелей при столкновении с ситуацией киберагрессии (Panumaporn et al., 2020; Ma et al., 2019; Machackova, 2020): пол, возраст, уровень эмпатии, особенности эмоциональной регуляции, развитие моральных установок, личностные качества, самооценка, интенсивность пользовательской активности. Поведение свидетеля зависит также от межличностных отношений между ним, «жертвой» и «агрессором», культурных особенностей и социальной поддержки от других участников (Domínguez-Hernández et al, 2018; Panumaporn et al. 2020; Polanco-Levicán et al., 2021).

Важно отметить, что группа свидетелей киберагрессии не представляется однородной и должна рассматриваться дифференцированно в контексте выбираемых стратегий онлайн-поведения и стоящих за этим выбором психологических и социальных факторов. На данный момент такой подход только начинает реализовываться в исследованиях (напр.: Солдатова и др., 2020; Polanco-Levicán et al., 2021; Schultze-Krumbholz et al., 2018). Вслед за выделением Д. Ольвеусом свидетеля в ролевой структуре традиционного буллинга в исследованиях киберагрессии в целом и кибербуллинга в частности в последнее время используется дифференцированная классификация ролей: помощники агрессора (присоединяются к действиям агрессора), сторонники агрессора (поощряют агрессора), пассивные свидетели (не вмешиваются в ситуацию) и защитники жертвы (поддерживают жертву).

При анализе поведения в ситуации как агрессии, так и киберагрессии правомерно учитывать известный эффект свидетеля, или синдром Джено-

везе (Latané, Darley, 1970), который в общем виде проявляется в том, что свидетели чрезвычайной ситуации или ситуации насилия не вступаются за жертву. Это связывается с такими факторами, как диффузия ответственности, неопределенность ситуации, групповая сплоченность, множественное невежество. В некоторых исследованиях в качестве барьеров, препятствующих поддержке жертвы, выделяют такие личностные особенности, как застенчивость, страх негативной оценки (Berkowitz, 2009; Karakashian et al., 2006), дефицит навыков, необходимых для вмешательства в ситуацию (Bennett et al., 2014). Последние исследования опровергают хрестоматийное представление об эффекте свидетеля, показывая, что вмешательство в конфликтную ситуацию с целью помощи жертве является все же социальной нормой поведения (Philpot et al., 2020).

В современном обществе ситуации, связанные с насилием и агрессией, встречаются в разных мирах и контекстах. В результате исследования поведенческих реакций на ситуации киберагрессии в таких виртуальных средах, как социальные сети, был выделен ряд особенностей реагирования на них подростков в разных ролях (Солдатова и др., 2022; Polanco-Levicán et al., 2021; Schultze-Krumbholz et al., 2018). В то же время иммерсивная виртуальная реальность, обеспечиваемая специальными устройствами, по мнению ряда авторов, существенно отличается как коммуникативная среда от других виртуальных пространств по меньшей мере эффектами присутствия и погружения, социального присутствия и связанных с ними различных феноменов, имеющих свою специфику: это феномены правдоподобия, связанности, психологического погружения, вовлеченности, потока, эмпатии, передачи эмоций, доверия и др. (Величковский, 2014; Pérez et al., 2022). Все эти особенности, вероятно, могут влиять на поведение подростка при столкновении с деструктивными онлайн-ситуациями, в том числе и на его поведение в роли свидетеля.

Цифровая социальность, формирующаяся в контексте приобретения опыта социальных взаимодействий в онлайн-среде, требует более детального анализа, в том числе в контексте распространения иммерсивных виртуальных пространств (например, посредством VR-гарнитуры), представляющих специфические экологические среды для социальных взаимодействий (McVeigh-Schultz et al., 2018; McVeigh-Schultz et al., 2019). На основании проведенного анализа источников можно заключить, что исследования социальных аспектов использования технологий виртуальной реальности пока только начинают привлекать интерес ученых, а экспериментальные работы по изучению киберагрессии редки (Rovira et al., 2009). При этом понимание механизмов воздействия таких технологий крайне важно, так как они могут быть использованы как эффективные инструменты для профилактики, например, кибербуллинга (Ingram et al., 2019). При этом иммерсивное виртуальное пространство обеспечивает экологически обособленную среду для изучения этой проблемы, одновременно устраняя проблему физической опасности и преодолевая многие этические проблемы, связанные с изучением насилия (Rovira et al., 2009).

Цель исследования – изучение поведенческих реакций подростков, выступающих в роли свидетеля ситуации киберагрессии в иммерсивной виртуальной среде и различающихся по уровню социальной ответственности и развитию моральных установок. В исследовании проверялись следующие гипотезы:

1. В связи с физической безопасностью виртуального пространства, с одной стороны, и его реалистичностью – с другой, одним из предпочитаемых способов поведения подростков в ситуации столкновения с киберагрессией будет стратегия защитника жертвы.

2. Установка на социальную ответственность, определяющаяся внешним фактором регламентации поведения в виртуальной среде, способствует выраженности стратегий просоциального поведения защитника жертвы (стремление предотвратить причинение вреда жертве).

3. Выбор активных просоциальных стратегий поведения защитника жертвы связан с выраженностью конвенционального и постконвенционального уровней развития моральных установок, а также стадиями самопожертвования и самоуважения.

4. Чувство социальной ответственности сильнее выражено у респондентов с просоциальными стратегиями поведения защитника-жертвы.

Процедура и методы исследования

Методы. Для проведения эксперимента в виртуальной реальности применялся комплект виртуальной реальности Oculus Rift CV1+Oculus Touch, а также четыре игровых компьютера (один для испытуемого, три – для экспериментаторов). В качестве среды проведения эксперимента виртуальной реальности использовалась программа VRChat. VRChat позволяет игрокам взаимодействовать с другими игроками и средой в качестве 3D-моделей персонажей (у персонажей есть широкий выбор образов (аватаров) и возможность имитировать движения и позы). Испытуемый находился в шлеме виртуальной реальности Oculus Rift, экспериментаторы под видом аватаров дистанционно входили в VRChat в 2D версии в ролях «жертвы», «агрессора» и «молчаливого свидетеля».

Для диагностики выраженности чувства социальной ответственности использовалась шкала «Нормы социальной ответственности» методики «Социальные нормы просоциального поведения» И.А. Фурманова и Н.В. Кухтовой (2011).

Для оценки моральных ориентаций использовалась методика «Справедливость–Забота» (Молчанов, Маркина, 2014).

Фиксация и интерпретация поведенческих стратегий в ситуации киберагрессии в виртуальной среде проводилась на основе экспертной оценки записанных на видео реакций испытуемого в VRChat.

В рамках полуструктурированного интервью с испытуемым задавался ряд вопросов для понимания отношения к экспериментальной ситуации и о предыдущем опыте столкновения с агрессией. В данной работе также

анализируются оценки самими подростками осуществляемой ими стратегии поведения в ситуации киберагрессии.

Для оценки функционального состояния на основе показателей вариабельности сердечного ритма испытуемых использовалось устройство психофизиологического тестирования УПФТ–1/30 «Психофизиолог» (Медиком МТД).

Процедура исследования. Процедура исследования состояла из нескольких этапов. Перед началом исследования с помощью устройства «Психофизиолог» измерялись показатели вариабельности сердечного ритма, по результатам все испытуемые находились в оптимальном или допустимом функциональном состоянии. После заполнения анкеты и части методик проходило тренировочное погружение испытуемого в виртуальную среду VRChat для обучения управлению аватаром (локация Hotel on the beach evening¹). После обучения основной этап эксперимента проходил на локации Autumn Park², где испытуемому необходимо выполнить поисковую задачу (найти предмет в парке – пончик, который был спрятан неподалеку от экспериментаторов, чтобы испытуемый не мог выполнить задачу, не попав в зону конфликта). На протяжении всего погружения в виртуальную реальность рядом с испытуемым присутствовал экспериментатор, который следил за прохождением эксперимента и мог подсказывать испытуемому, как ему ориентироваться в виртуальной среде.

При разработке экспериментального сценария учитывались такие особенности иммерсивной виртуальной среды, как эффекты присутствия и погружения, социального присутствия, правдоподобности, удобства использования, доверия. Для экспериментальной группы, помимо поисковой задачи, экспериментатором, присутствовавшим в комнате на протяжении всего исследования, устно и в виде письменной инструкции (в формате информационного окна VRChat) предлагалось сообщение о необходимости соблюдения с участниками чата определенных правил общения и оказании социальной поддержки в случае их невыполнения: «быть вежливыми при общении с участниками чатов; не использовать ненормативную и грубую лексику; вести себя внимательно, доброжелательно по отношению к другим; быть отзывчивым и помогать, если по отношению к другому не соблюдаются эти правила».

В виртуальной среде парка испытуемые сталкивались с ситуацией киберагрессии, дистанционно разыгрываемой по одному сценарию в реальном времени тремя экспериментаторами, выступающими соответственно в ролях «агрессора», «жертвы» и «молчаливого свидетеля» (рис. 1). «Агрессор» в грубой форме требовал у «жертвы» инструкции, как пользоваться одним из объектов на локации – вертолетом. «Жертва» сообщала, что не знает и поэтому не может подсказать. После этого «агрессор» продолжал грубо высказываться в адрес «жертвы» до вмешательства испытуемого;

¹ Создатель «chile».

² Создатель «pomis».

при отсутствии вмешательства через 3 минуты покидал локацию. На протяжении ситуации «свидетель» молча наблюдал, находясь поблизости и не вмешиваясь. При вмешательстве испытуемого экспериментаторы импровизировали в рамках ответной реакции. После ухода «агрессора», если испытуемый нуждался в поддержке в выполнении задачи, «жертва» предлагала свою помощь. Происходящее в виртуальной среде фиксировалось на видео: запись с экранов в четырех вариантах (со стороны трех экспериментаторов и испытуемого). После проведения эксперимента было организовано полуструктурированное интервью и заполнение оставшихся методик. В завершение проводился дебрифинг: респонденту сообщали, что происходило на самом деле, и объясняли важность и актуальность проблемы киберагрессии.

Рис. 1. Аватары «жертвы», «агрессора» и «свидетеля» в зоне конфликта

Выборка. В исследовании приняли участие 50 подростков (25 мужского пола, 25 – женского) в возрасте от 14 до 18 лет – учащиеся средней школы (9–11 классы) или студенты колледжа (1–2 курсы), проживающие в Москве и Московской области.

Сбор данных происходил в августе–ноябре 2020 г. Все участники исследования предоставляли письменное информированное согласие одного из родителей на участие в эксперименте.

Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 23.0.

Результаты исследования

Особенности поведенческих стратегий в ситуации киберагрессии.

По результатам экспертной оценки видео были выделены две группы основных поведенческих стратегий респондентов в ситуации столкновения с киберагрессией – «пассивные наблюдатели» и «активные защитники» жертвы, которые разделились на несколько подгрупп.

Среди пассивных наблюдателей (будем дальше их называть именно наблюдателями, чтобы отличать от других свидетелей ситуации) оказалось больше девушек, среди защитников – юношей, однако эти различия не достигают уровня статистической значимости ($\chi^2 = 0,74$; $p = 0,28$; ст. св. = 1). Среди наблюдателей больше испытуемых из контрольной группы, среди защитников – из экспериментальной, что также не достигает принятого уровня значимости. Для учета возможного эффекта присутствия других свидетелей («молчаливый свидетель», разыгрываемый одним из экспериментаторов, и экспериментатор, присутствовавший в комнате) в ситуации агрессии в смешанной реальности был проведен сравнительный анализ. Не выявлено значимых различий между испытуемыми в разных группах в их отношении к «молчаливому свидетелю» (большинство его заметили, не всегда точно запоминая его аватар) и взаимодействии с экспериментатором в комнате (описание каждой из стратегий см. в таблице; далее представлен детальный анализ действий в рамках каждой стратегии).

Описание поведенческих стратегий и их распределение по количеству респондентов, инструкции и полу

Название стратегии	Описание стратегии	Кол-во чел.	%	Распределение по инструкциям, кол-во чел.		Распределение по полу, кол-во чел.	
				Контрольная	Экспериментальная	Девушки	Юноши
Наблюдатели				16	13	16	13
Вход в зону конфликта для решения задачи	Вмешательство в коммуникацию ради выполнения поисковой задачи	15	30	10	5	7	8
Игнорирование конфликта и решение задачи	Невмешательство в коммуникацию с участниками ситуации киберагрессии, обращение к присутствующему в комнате экспериментатору, фиксация на поисковой задаче	10	20	5	5	6	4

Название стратегии	Описание стратегии	Кол-во чел.	%	Распределение по инструкциям, кол-во чел.		Распределение по полу, кол-во чел.	
				Контрольная	Экспериментальная	Девушки	Юноши
Избегание входа в зону конфликта и переключение на задачу	Невступление в коммуникацию с участниками ситуации киберагрессии, общение с экспериментатором, намеренное избегание взаимодействия с участниками из-за негативных переживаний	4	8	1	3	3	1
Защитники		21	42	9	12	9	12
Агрессивные защитники	Защищают «жертву» с использованием вербальной и невербальной агрессии	11	22	4	7	4	7
Неагрессивные защитники	Защищают «жертву» в вежливой форме, не использую агрессивные формы коммуникации	10	20	5	5	5	5

Наблюдатели. Стратегия входа в зону конфликта для решения задачи была наиболее распространенной в группе наблюдателей – каждый второй испытуемый. Участники эксперимента, выбравшие данную стратегию, были сосредоточены на решении поисковой задачи, а в ситуацию киберагрессии включались через некоторое время после поиска объекта для получения подсказки. Вербальное поведение испытуемых было главным образом экспрессивным и содержало запрос на поиск объекта («Пацаны, где пончик находится? Пацаны, пацаны! Нужен пончик!»). В этом случае ситуация игнорировалась и привлекалось внимание к своей задаче («А вы точно пончик не видели? Может, вы перестанете ссориться и поможете мне найти пончик, пожалуйста», «Вы лучше скажите, как пончик взять? Пончик надо найти, задание такое»).

Невербальная коммуникация сопровождалась сокращением дистанции по отношению к «агрессору» и «жертве» (некоторые участники бегали вокруг них по кругу), также испытуемый мог стоять к ним близко и привлекать к себе внимание, «трогая руками» «агрессора» и «жертву». После ухода «агрессора» испытуемый мог настойчиво обращаться к «жертве» с требованием помощи в выполнении поисковой задачи («Где

пончик?»), «Я нашел пончик, но поднять не могу»). При этом испытуемые прямо не обсуждали ситуацию конфликта, у них не было реплик, в которых бы упоминался конфликт между «агрессором» и «жертвой».

Анализ субъективных оценок испытуемыми своих стратегий поведения в ситуации киберагрессии показал, что большая часть этой группы считает, что они игнорировали конфликт, что совпадало с экспертными оценками. При этом четверо сообщили, что они защищали «жертву», хотя это не соответствовало их поведению.

Свидетели, дистанцировавшиеся от ситуации киберагрессии с целью выполнения задачи, в первом случае выбрали стратегию *игнорирования конфликта*. Здесь выделилось две подгруппы: одни держались поблизости от зоны конфликта, другие старались отдалиться от нее. В первом случае (10 чел. из 14) вербальное поведение характеризовалось комментированием ситуации по типу эгоцентрической речи («Я слышу, как тут люди ругаются какие-то», «Там терочки начинаются») или обращением к экспериментатору с вопросом о других участниках («Это правда живые люди?») и выполнением задачи («Мне обязательно с ними говорить, чтобы пончик найти?»), «Где этот пончик искать?»).

Среди паравербальных характеристик можно выделить тихую речь и переход на шепот. Каждый второй такой испытуемый (5 чел.) старался включить микрофон при столкновении с ситуацией киберагрессии. Невербальное поведение также сопровождалось увеличением дистанции от ситуации киберагрессии, предпочтением выполнения поисковой задачи в местах, где не слышно конфликтного диалога; некоторые испытуемые подходили близко к ситуации киберагрессии (несколько раз участник проходил сквозь конфликт, не реагируя на него), но только для выполнения поисковой задачи. После завершения ситуации киберагрессии испытуемый мог подойти к «жертве» и обратиться за помощью или продолжить самостоятельные поиски по локации. Субъективная оценка своего поведения испытуемыми соответствовала экспертной: в интервью они сообщили, что или наблюдали, или игнорировали ситуацию.

Во втором случае (стратегия избегания входа в зону конфликта) дистанцировавшиеся испытуемые, которые в большинстве оказались из экспериментальной группы (3 чел. из 4), старались уйти как можно дальше от зоны конфликта, а взаимодействие с участниками ситуации вызывало у них тревогу и дискомфорт. Отметим, что эти испытуемые находились в экспериментальной ситуации в среднем дольше других (6:20 мин против 4:51 мин в среднем по всей остальной выборке, так как искали объект в участках локации, где его не было).

Невербальная коммуникация выражалась в изменении дистанции от ситуации, испытуемые предпочитали уходить на безопасное расстояние, большинство практически не слышало диалог «жертвы» и «агрессора», убегая как можно дальше. В данной подгруппе наблюдалось наименьшее количество вербальных реакций: испытуемые говорили тихо или шепотом, обращаясь к экспериментатору по поводу своих переживаний («Я не могу,

они меня пугают», «страшно») или с просьбой о помощи с поисковой задачей («Где этот пончик?», «Он в траве должен находиться?»). Все участники также много беспричинно смеялись. Один из участников сообщил о своем ощущении искусственности ситуации («Ну да, я уверен, это точно постановка»), но при этом продолжил избегать вступления в контакт, хотя и проговаривал экспериментатору, что, возможно, ему следует включиться («Может быть, но я не уверен, но есть такое предположение, что надо пойти и помочь, но пока я в этом не уверен»). Также испытуемые этой подгруппы пытались выключить микрофон («Как выключить микрофон? Они все меня угнетают», «Отлично, я научилась выключать микрофон»). После завершения ситуации киберагрессии «жертва» обращалась к испытуемому и приносила объект или помогала его поднять, при этом один из испытуемых проигнорировал обращение «жертвы» до и после конфликта. Субъективная оценка выбранного поведения в целом соответствовала экспертной: участники ответили, что либо избегали, либо наблюдали ситуацию.

Защитники. Испытуемые, выбравшие *агрессивную защищающую стратегию*, что оказалось больше характерно для юношей, быстрее включались в ситуацию киберагрессии. Перед этим они также могли непродолжительно наблюдать ситуацию или уже вступать в зону конфликта, выполняя поставленную задачу. Вербальное поведение таких защитников отличалось эмоциональностью («оу чел, а что ты агрисься просто так?»), грубыми выражениями («Я тут вижу такое дворовое быдло, компенсируешь отсутствие личной жизни оскорблениями?»), «Эй псина сутулая! Ты правила читал? Выше встал всех, что ли?»).

Невербальная коммуникация сопровождалась сокращением дистанции между испытуемым и «агрессором» (входили в зону конфликта, вставляли между «агрессором» и «жертвой»), активной жестикуляцией с попытками задеть руками «агрессора» (например, один из участников эксперимента пытался закрыть руками рот «агрессора» со словами «рот помой, слишком грязно»). Взаимодействие завершалось вежливым обращением к «жертве» или просьбой оказать помощь в выполнении задачи. Также были респонденты, предложившие дополнительно поддержку «жертве» («Обращайся, если что»).

Испытуемые, выбравшие *неагрессивную защищающую стратегию*, вступали в ситуацию столкновения с киберагрессией с задержкой, они сначала могли наблюдать за конфликтом или сосредоточиться на поставленной задаче. В вербальном поведении преобладал спокойный, ровный эмоциональный тон и вежливое обращение к «агрессору» («Парень, ты почему ругаешься? Нормально общайся с людьми, они к тебе с добром, и ты с ними с добром, будь взаимным»; «Ребята, спокойней, пожалуйста, за словами следи, можно же нормально просить? Нет?»).

Испытуемые из экспериментальной группы упоминали о важности соблюдения правил вежливости. Часть защитников (3 чел.) принимала роль медиатора в конфликте и пыталась понять и примирить «агрессора» и «жертву» («Давайте не будем ссориться! Ну, если у вас проблемы – на

других наезжать? Все же можно мирно решить, тогда зачем обзывать?»). Также в подгруппе были защитники (3 чел.), пытавшиеся отвлечь «агрессора» шутками, вопросами или предложением решить его проблему вместо «жертвы» («Здравствуйте! Эй, поговорим? Я знаю, пошли, пошли покажу. Таааак, мы за билетами же идем, или ты хочешь сразу летать? В вертолет, там надо лицензию, что тебя не укачивает. Пошли, получим лицензию. Или ты без нее хочешь? Там 100 рублей надо»).

Невербальная коммуникация у защитников данной группы была достаточно сдержанной: выражалась в сохранении дистанции после появления «агрессора», часть испытуемых подходила ближе и вставала между «агрессором» и «жертвой», иногда после краткого просмотра и оценки ситуации. Движения руками в сторону «агрессора» неагрессивные защитники не совершали, однако часто смотрели по сторонам, сохраняя одинаковую позу во время конфликта. Например, одна из защитниц выполнила задачу и, не поворачиваясь к участникам конфликта, попросила «агрессора» о более корректном поведении. Испытуемые, выбравшие тактику отвлечения, были более активны в перемещениях около зоны конфликта и звали «агрессора» пойти за ними, пытаясь увести его от «жертвы». Взаимодействие завершалось коротким вежливым общением с «жертвой» по поводу выполнения поисковой задачи.

Все защитники сообщили в интервью, что защищали «жертву».

Поведенческие стратегии в ситуации киберагрессии и социальная ответственность. На основании непараметрического критерия Манна–Уитни защитники по сравнению с наблюдателями имели более высокие средние баллы по шкале «Социальная ответственность» ($U = 207$, $p = 0,056$) – на уровне тенденции. Неагрессивные защитники на уровне тенденции также отличались от агрессивных защитников более высокими баллами по шкале социальной ответственности ($U = 128$, $p = 0,08$).

Поведенческие стратегии в ситуации киберагрессии и моральные установки. Все участники эксперимента показали развитие трех уровней моральных суждений: доконвенционального (свидетели – $M = 2,79$, защитники – $M = 2,48$), конвенционального уровня (наблюдатели – $M = 2,83$, защитники – $M = 2,83$) и постконвенционального уровня (наблюдатели – $M = 3,69$, защитники – $M = 3,68$). Из всех уровней участники показали наиболее высокие баллы на стадии «социальный контакт и учет прав личности» (свидетели – $M = 3,90$, – защитники $M = 3,88$) и наиболее низкие баллы – на стадии «универсальные этические принципы» (наблюдатели – $M = 1,16$, защитники – $M = 1,15$), относящиеся к постконвенциональному уровню развития моральных суждений.

При сравнении защитников и наблюдателей у последних выше баллы по шкале «Доконвенциональная справедливость» ($U = 196,5$, $p = 0,033$), а также по субшкалам «Доконвенциональная справедливость – ориентировка на авторитеты» ($U = 189$, $p = 0,021$).

Обсуждение результатов исследования

Предпочитаемые стратегии поведения в ситуации киберагрессии в виртуальной реальности. Полученные результаты, отражающие поведенческие реакции в ситуации киберагрессии в виртуальной реальности, в целом согласуются с данными зарубежных исследований агрессии в онлайн-пространстве: роль защитника жертвы выбирают от трети до половины респондентов, а наиболее распространенной моделью поведения становится наблюдение за ситуацией киберагрессии со стороны (DeSmet et al., 2016; González-Cabrera et al., 2019; Erreygers et al., 2016; Helman & Olenik-Shemesh, 2015; Panumaporn et al., 2020; Schultze-Krumbholz et al., 2018).

В группе защитников были выделены две практически равно распространенные стратегии – агрессивная и неагрессивная просоциальная защита. В исследовании онлайн-поведения немецких школьников в социальных сетях методом опроса (N=849) также были выделены схожие типы – агрессивных и просоциальных защитников (Schultze-Krumbholz et al., 2018). В единственном обнаруженном британском исследовании «эффекта свидетеля» в иммерсивной виртуальной среде получены схожие с нашими результаты (Rovira et al., 2009). Так, из 25 наблюдателей агрессивной ситуации между двумя посетителями бара во время обсуждения футбола 11 респондентов вмешались в ситуацию для защиты посетителя, подвергнувшегося агрессии. В нашем исследовании из 50 человек 21 принял на себя роль защитника. В статье не приводится более детальный анализ поведения защитников «жертвы» в контексте агрессивных или конструктивных ответных реакций. Можно предположить, что относительная безопасность виртуального пространства, как и его реалистичность и интерактивность взаимодействия, способствуют реализации активных просоциальных стратегий.

В экспериментальной группе защитников, действовавших в соответствии с внешней установкой на социальную ответственность и соблюдение позитивной культуры общения, было больше. Возможно, за счет призыва к соблюдению правил позитивного общения они в большей степени были готовы распознать ситуацию как агрессивную и не соответствующую нормам поведения, т.е. для них был менее выражен фактор неоднозначности в эффекте свидетеля. Причем большинство агрессивных защитников (7 из 11) были в экспериментальной группе. В такой роли выступили в нашем исследовании исключительно юноши, что также могло отражаться на выборе более грубых форм обращения к агрессору. Таким образом, с одной стороны, мы наблюдали в группе защитников снижение эффекта диффузии ответственности, с другой – агрессивные защитники сами нарушали те социальные нормы, соблюдения которых они требовали от агрессора. Возможным объяснением может выступать психологическая специфика подросткового возраста, в данном случае – импульсивность и повышенная агрессивность (Реан и др., 2021). С другой стороны, конструктивные техники разрешения конфликтных ситуаций требуют достаточно высокого уровня компе-

тентности (социальной, коммуникативной, конфликтной), которого могли достигнуть не все подростки, участвовавшие в эксперименте.

Тем не менее вторая половина защитников все-таки выбрала конструктивную стратегию, отказавшись от использования агрессии как инструмента решения проблемы. При этом внешнее условие соблюдения правил позитивного и просоциального поведения не сыграло в этом значимой роли: просоциальные защитники в равной мере представлены в контрольной и экспериментальной группах. Неагрессивные защитники вмешивались в ситуацию после некоторого времени наблюдения со стороны, что может косвенно свидетельствовать об их меньшей импульсивности, в отличие от агрессивных защитников, быстро включавшихся в ситуацию.

Еще одним таким свидетельством могут выступать особенности невербального поведения: агрессивные защитники были более активны и резки в движениях по сравнению с неагрессивными защитниками. Вербальное поведение неагрессивных защитников характеризовалось разнообразием и, в определенном смысле, креативностью: попытки медиации конфликтной ситуации, переключение внимания агрессора, использование юмора. Таким образом, неагрессивные защитники демонстрировали более высокий уровень коммуникативной и конфликтной компетентности.

Поведение защитников в нашем исследовании также вписывается в модель вмешательства свидетелей в критических ситуациях, разработанную американскими социальными психологами В. Latané, J.M. Darley (1970) и в последние годы активно применяемую для анализа ситуаций киберагрессии (напр., Ferreira et al., 2020; Leung, 2021). В рамках данной модели вмешательство свидетеля определяется прохождением пяти шагов, необходимых для осуществления просоциальных действий: человек должен заметить событие, интерпретировать его как чрезвычайную ситуацию, взять на себя личную ответственность за выход из ситуации, знать, как помочь, и ответить на вопрос: осуществимы ли действия, которые требуются, и каковы будут последствия вмешательства. Возможно, после всех этих этапов будут осуществлены конкретные действия и оказана помощь. Результаты исследования данной модели применительно к ситуации киберагрессии на подростковой выборке показали специфику типов реакции свидетеля-защитника: для просоциальных действий свидетели киберагрессии должны «пройти» через все пять этапов, в то время как реакция агрессивной защиты возникала у свидетелей, начавших действовать сразу после того, как они столкнулись с ситуацией (Ferreira et al., 2020). Эта модель получила свое подтверждение также и в нашем исследовании группы защитников в условиях иммерсивной виртуальной реальности.

Группа испытуемых, оставшихся пассивными свидетелями ситуации агрессии, оказалась несколько более многочисленной, что согласуется с данными исследований киберагрессии в социальных сетях (Солдатова и др., 2020; Солдатова и др., 2022). Представленный дизайн исследования позволил дифференцировать пассивных наблюдателей, что не находило до этого отражения в других исследованиях киберагрессии (Polanco-Levicán

& Salvo-Garrido, 2021). Здесь важно подчеркнуть, что в дизайне исследования была реализована попытка заложить в экспериментальную ситуацию специфику повседневной жизни, когда наше столкновение с агрессией происходит на фоне решения различных задач. Каждый из испытуемых, становясь свидетелем ситуации агрессии, по-разному решал поставленную перед ним задачу: входил в зону конфликта, пытаясь ее решить, игнорировал конфликт, фокусируясь на задаче, и намеренно дистанцировался от зоны конфликта, избегая неприятных переживаний и решая задачу. Каждый второй наблюдатель нередко бесцеремонно вступал в зону конфликта для решения своей задачи, но не для того, чтобы оказать поддержку жертве. В этом случае мы видим, что эгоцентрические мотивы достижения могут перевешивать просоциальные альтруистические ориентации. Отметим, что четверо участников, отнесенных к данной группе, по их мнению, защищали жертву. Такие ответы могут объясняться как социальной желательностью при ответе интервьюеру, так и искаженным восприятием собственных действий и мотивов или нехваткой социальной компетентности для адекватной реализации своего намерения оказать помощь. Важно обратить внимание на то, что в экспериментальной группе, участники которой получали установку на поддержание культуры позитивного общения, таких вмешивающихся в ситуацию для решения своей задачи респондентов по сравнению с контрольной группой было в два раза меньше (5 против 10).

Разделение стратегий дистанцирования от ситуации киберагрессии на игнорирование и избегание также представляется важным результатом. Мы можем предполагать, что выбор данных стратегий основывается на разных психологических механизмах эффекта свидетеля. За игнорированием могут стоять феномены групповой сплоченности и множественного невежества (например, в форме молчания и бездействия других свидетелей, в нашем случае «молчаливого» свидетеля, что позволяет наблюдателю предположить, что вмешательство в ситуацию – неправильная стратегия поведения) или неоднозначности (в данном случае не ощущают ситуацию как травматичную и безусловно требующую вмешательства), определяющие в том числе безразличие и обесценивание ситуации. Стратегию избегания могут определять застенчивость, дефицит необходимых навыков, тревога или страх за собственную безопасность (понимают травматичность ситуации, но боятся вмешаться). Понимание специфики психологических процессов, стоящих за выбираемыми стратегиями, может способствовать разработке более действенных мер по формированию позитивного поведения в стрессовых ситуациях коммуникации в онлайн-пространстве.

При анализе гендерного распределения в группе свидетелей девушек оказалось больше, хотя различия не достигают принятого уровня значимости. В исследованиях киберагрессии данные об анализе гендерной принадлежности свидетелей пока не столь распространены и остаются неоднозначными: в одних исследованиях показано, что юноши скорее выберут пассивную роль наблюдателя (DeSmet et al., 2016; González-Cabrera et al.,

2019), в других – скорее девочки-подростки (Schultze-Krumbholz et al., 2018). В ряде исследований не обнаружено гендерных различий в выборе активных и пассивных ролей свидетелей киберагрессии (Erreygers et al., 2016; Machackova, 2020). Тем не менее из 25 девушек-участниц нашего исследования большинство (16 чел.) осуществляли поведенческую стратегию пассивного свидетеля. В ряде исследований было показано, что девушки воспринимают опыт столкновения с киберагрессией как более травматичный, из-за чего могут предпочитать избегать вступления в конфликт (Солдатова и др., 2020; Panumarorn et al., 2020).

Поведенческие стратегии в ситуации киберагрессии и социальная ответственность. Полученные результаты, касающиеся выраженности социальной ответственности как личностной характеристики, у защитников и наблюдателей согласуются с данными исследований в области киберагрессии (Ferreira et al., 2020; Gahagan et al., 2016). Хотя значимые различия получены только для неагрессивных защитников, а для агрессивных защитников – на уровне тенденции, более низкая выраженность социальной ответственности в целом отличает пассивных наблюдателей от защитников. Эти данные также соответствуют упомянутой выше 5-шаговой модели вмешательства свидетеля, в которой важная роль отводится осознанию ответственности за ситуацию. Подросткам, в целом ощущающим ответственность за окружающий социум, легче было пройти третий шаг, т.е. принять ответственность за данную конкретную ситуацию и вступить за «жертву».

Важно также упомянуть, что различия между контрольной и экспериментальной группами на основе учета внешнего фактора, заданного наличием инструкции на ответственность за соблюдение норм позитивной культуры в виртуальном пространстве, не достигают принятого уровня значимости. В первую очередь, это можно объяснить тем, что предлагаемая инструкция не интериоризировалась ни как целевая (настроенность на достижение определенной цели – в данном случае имеется в виду не поиск «пончика», а соблюдение инструкции), ни тем более как смысловая установка, которая психологически соотносима с мотивами деятельности и поэтому может рассматриваться, с одной стороны, как смыслообразующая и побуждающая определенную активность, с другой – как регулирующая или деятельность в целом или отдельные действия (Асмолов, 1979). Поэтому в нашем случае «инструкция» не успела приобрести свой «личностный смысл», что, возможно, привело бы к росту численности защитников, например, в экспериментальной группе. Тем не менее среди наблюдателей больше респондентов из контрольной группы, среди защитников – из экспериментальной. Таким образом, с точки зрения феномена «свидетеля» именно социальная ответственность как личностная характеристика противостоит эффекту «диффузии ответственности» и может рассматриваться в качестве одного из предикторов выбора активной позиции защитника, в первую очередь, характеризующегося просоциальными действиями.

Поведенческие стратегии в ситуации киберагрессии и моральные установки. Полученные результаты показывают, что система моральных суждений у испытуемых, участвовавших в эксперименте, развита на всех уровнях. Все участники имеют более высокие баллы на стадии «социального контакта и учета прав личности» постконвенционального уровня, что согласуется с нормами возрастного развития в подростковом возрасте (Молчанов, Маркина 2014).

Однако группа пассивных наблюдателей по сравнению с защитниками демонстрирует более высокие показатели первой стадии развития моральных суждений – «ориентация на авторитет и страх наказания». Данная стадия характеризуется эгоцентрическими представлениями, в рамках которых на принятие решения влияют значимые люди – авторитеты, а также оценка непосредственных последствий действий для себя и желание избежать наказания или получить поощрение. В некотором смысле это базис для проявления феноменов групповой сплоченности и множественного невежества. Развитие этой стадии моральных установок происходит в возрасте 9–10 лет. Можно предположить, что в ситуации столкновения с киберагрессией как стрессовой у свидетелей актуализировалась более ранняя стадия моральных суждений. В таком случае в своих решениях они руководствовались желанием выполнить поисковую задачу как более выгодную для себя, а не вмешиваться в ситуацию агрессии как более энергозатратное действие. Этот эффект нашел свое отражение также в упомянутой выше классической работе В. Latané, J.M. Darley (1970); затраты на вмешательство в ситуацию могут быть настолько высокими, что перевешивают по значимости моральные установки и приводят к принятию роли пассивного свидетеля. В других исследованиях также подтверждается, что для свидетелей киберагрессии характерна большая моральная отчужденность (Barlińska, Szuster, Winiewski, 2018; DeSmet et al., 2016; Song, Oh, 2018), которая может быть связана со сложностями оценки ситуации (Domínguez-Hernández et al., 2018; Knauf et al., 2018; Antoniadou et al., 2019).

Выводы

Выбор поведенческих стратегий, направленных на помощь «жертве» в ситуации киберагрессии в виртуальном пространстве, определяется в большей степени такими личностными особенностями, как выраженность социальной ответственности и уровень морального развития.

Выраженность социальной ответственности как личностной характеристики в противовес феномену диффузии ответственности, выявленному в рамках эффекта свидетеля, более характерна для защитников «жертвы» и их просоциальной роли по сравнению с пассивными наблюдателями.

Столкновение с киберагрессией в виртуальном пространстве – стрессовая ситуация с точки зрения как эмоциональной составляющей, так и новизны среды – актуализирует более ранние стадии моральных установок, связанных с опорой на авторитеты и ориентацией на поощрение или наказание, и, по-

видимому, не позволяет некоторым свидетелям занять активную просоциальную позицию, что согласуется с классическим эффектом свидетеля.

Полученные результаты показывают, что роль защитника в ситуации киберагрессии требует достаточно высокого уровня социальной, коммуникативной и конфликтной компетентности, которых зачастую не хватает подросткам не только в относительно неизведанной виртуальной среде VRChat, но и в реальной жизни. Это показывает, в том числе, выбор как агрессивной стратегии защиты «жертвы», так и страх и дискомфорт наблюдателей, решивших игнорировать или избегать ситуацию киберагрессии, даже вопреки установкам на позитивную культуру общения и важность социальной поддержки.

Специфика иммерсивной виртуальной среды, сочетающей в себе дистантность и анонимность онлайн-коммуникации, возможности интерактивного вербального и невербального общения через аватары, воспроизводящие особенности общения лицом к лицу, может создавать новые эффекты цифровой социальности. С одной стороны, это может приводить к повышению эмпатии по отношению к окружающим субъектам и способствовать просоциальной активности в иммерсивном виртуальном пространстве, компенсируя эффект «онлайн-растормаживания», характерный для неиммерсивного онлайн-пространства (Suler, 2004), с другой – повышать страх за свою собственную безопасность, связанную с восприятием своего виртуального аватара как реальной части себя и, следовательно, важности поддержания его целостности и благополучия. Возможно, это отражается в том, что участники исследования практически в равной мере разделились на защитников и пассивных наблюдателей.

Результаты также свидетельствуют, что иммерсивная виртуальная реальность может рассматриваться как безопасное пространство для отработки конструктивных стратегий поведения в условиях социализации в смешанной онлайн / офлайн реальности, поскольку может воспроизводить умеренный уровень реалистичности ситуаций киберагрессии, позволяющий экспериментировать с поведенческими реакциями. Интерактивность и скорость взаимодействия в иммерсивной виртуальной среде в сравнении с отсроченностью и прерывистостью коммуникации в социальных сетях может быть также фактором привлекательности данного пространства для отработки социальных навыков подрастающим поколением.

Ограничения исследования. Среди ограничений исследования стоит отметить, во-первых, размер выборки, соответствующей экспериментальным схемам исследования и предоставляющей возможность выделить качественно отличные стратегии поведения, но не позволяющей в полной мере масштабировать полученные результаты о распространенности данных стратегий поведения среди российских подростков. Во-вторых, отсутствие схожих исследований с использованием технологий виртуальной реальности ограничивает наши возможности в сопоставлении полученных данных с другими исследованиями, поэтому мы проводим сравнения с исследованиями киберагрессии и кибербуллинга в неиммерсивных онлайн-

пространствах. В-третьих, намеченные тенденции в гендерном распределении при наличии внешних просоциальных установок как факторов выбора стратегий поведения в роли свидетеля требуют дальнейшего подтверждения за счет увеличения размера выборки. В-четвертых, специфика виртуальной среды и экспериментальной ситуации может оказывать влияние на ее восприятие участниками, например, на степень ощущения подростками реалистичности ситуации, а, следовательно, и ее значимости.

Литература

- Асмолов, А. Г. (1979). *Деятельность и установка*. М.: Издательство Московского университета.
- Величковский, Б. Б. (2014). Психологические факторы возникновения чувства присутствия в виртуальных средах. *Национальный психологический журнал*, 15(3), 31–38. doi: 10.11621/npj.2014.0304
- Молчанов, С. В., Маркина, О. С. (2014). Динамика моральной ориентации в младшем подростковом, старшем подростковом и юношеском возрастах. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 6(4), 134–146.
- Реан, А. А., Коновалов, И. А., Новикова, М. А., Молчанова, Д. В. (2021). *Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта*. СПб.: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА».
- Солдатова, Г. У., Войскунский, А. Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 431–450. doi: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Чигарькова, С. В. (2020). Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи. *Национальный психологический журнал*, 2(38), 3–20. doi: 10.11621/npj.2020.0201
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Калинина, К. Р. (2022). Психологические особенности участников ситуации кибербуллинга: анализ ролевого онлайн-поведения. *Познание и переживание*, 3(1), 46–71. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_01_03

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 17.09.2022 г.; принята 06.10.2022 г.

Солдатова Галина Уртанбековна – профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАО, доктор психологических наук.

E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Чигарькова Светлана Вячеславна – младший научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

E-mail: chigars@gmail.com

Никонова Евгения Юрьевна – младший научный сотрудник лаборатории «Психология профессий и конфликта» факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: eniconova@mail.ru

Виницкий Дмитрий Анатольевич – нейрофизиолог, ООО «Лаборатория знаний».

E-mail: fatrekrut@mail.ru

Попков Артем Евгеньевич – студент факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: 7451540@mail.ru

For citation: Soldatova, G. U., Chigarkova, S. V., Nikonova, E. Yu., Vinitckij, D. A., Popkov, A. E. (2022). Aggression in an Immersive Virtual Environment: Behavioral Strategies of Adolescents and the Bystander Effect. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 85, 26–47. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/86/2

Aggression in an Immersive Virtual Environment: Behavioral Strategies of Adolescents and the Bystander Effect¹

G.U. Soldatova¹, S.V. Chigarkova¹, E.Yu. Nikonova¹, D.A. Vinitckij², A.E. Popkov¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

² *Laboratory of knowledge, 12 Krasnopresnenskaya Naberezhnaya St., Moscow, 123242, Russian Federation*

Abstract

The spread of virtual reality technologies raises the question of the formation of new practices of digital sociality, including encountering destructive communication. The article is devoted to an experimental study of the behavioral reactions of adolescents acting as bystanders of cyberaggression situation in an immersive virtual environment, including depending on the differences in the expression of social responsibility and moral attitudes. Adolescents (N=50) were asked to complete a task to search for an object in the VRChat virtual environment, in which they faced a real-time cyberaggression situation. The participants of the experiment were divided into control and experimental groups, the members of the latter were additionally instructed to observe and maintain the rules of communication in the virtual environment. Two types of behavior were identified: “passive bystanders” (58%), who chose an avoidance strategy or engaged in communication only to solve the task and “active defenders” (42%), who were divided into aggressive and non-aggressive.

It is shown that the choice of behavioral strategies aimed at helping the “victim” in a cyberaggression situation in virtual space is determined to a greater extent by such personal characteristics as the severity of social responsibility and the level of moral development, which make more important contribution to the regulation of social behavior, than by the instruction received “at the entrance to the situation” on the need to comply with the rules of positive culture communication. The social responsibility as a personal characteristic, as opposed to the phenomenon of diffusion of responsibility, revealed within the framework of the bystander effect, turns out to be more characteristic of the defenders of the “victim” and their prosocial role compared to passive observers.

Keywords: cyberaggression; behavioral strategies; bystander effect; defender; moral attitudes; social responsibility; virtual reality; adolescents.

References

- Antoniadou, N., Kokkinos, C.M., & Fanti, K.A. (2019). Traditional and cyber bullying/victimization among adolescents: Examining their psychosocial profile through latent profile analysis. *International Journal of Bullying Prevention*, 1, 85–98. doi: 10.1007/s42380-019-00010-0
- Asmolov, A.G. (1979). *Deyatel'nost' i ustanovka* [Activity and mindset]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo uni-versiteta.

¹ Research is supported by the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00365.

- Barlińska, J., Szuster, A., & Winiewski, M. (2018). Cyberbullying Among Adolescent Bystanders: Role of Affective Versus Cognitive Empathy in Increasing Prosocial Cyberbystander Behavior. *Frontiers in Psychology*, 30(9). doi: 10.3389/fpsyg.2018.00799
- Bennett, S., Banyard, V.L., & Garnhart, L. (2014). To act or not to act, that is the question? Barriers and facilitators of bystander intervention. *Journal of Interpersonal Violence*, 29(3), 476–496. doi: 10.1177/0886260513505210
- Berkowitz, A. (2009). *Response ability: Complete guide on bystander behavior*. Chicago, IL: Beck and Company.
- DeSmet, A., Bastiaensens, S., Van Cleemput, K., Poels, K., Vandebosch, H., & Cardon, G. (2016). Deciding whether to look after them, to like it, or leave it: a multidimensional analysis of predictors of positive and negative bystander behavior in cyberbullying among adolescents. *Computer in Human Behavior*, 57, 398–415. doi: 10.1016/j.chb.2015.12.051
- Domínguez-Hernández, F., Bonell, L. & Martínez-González, A. (2018). A systematic literature review of factors that moderate bystanders' actions in cyberbullying. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 12(4): Article 1. doi: 10.5817/CP2018-4-1a.
- Erreygers, S., Pabian S., Vandebosch, H. & Baillien, E. (2016). Helping behavior among adolescent bystanders of cyberbullying: the role of impulsivity. *Learning and Individual Differences*, 48, 61–67. doi: 10.1016/j.lindif.2016.03.003
- Ferreira, P.C., Simão, A.M.V., Paiva, A., & Ferreira, A. (2020). Responsive bystander behavior in cyberbullying: a path through self-efficacy. *Behaviour & Information Technology*, 39(5), 511–524. doi: 10.1080/0144929x.2019.1602671
- Gahagan, K., Vaterlaus, J.M., & Frost, L.R. (2016). College student cyberbullying on social networking sites: Conceptualization, prevalence, and perceived bystander responsibility. *Computers in Human Behavior*, 55, 1097–1105. DOI: 10.1016/j.chb.2015.11.019
- González-Cabrera, J., Tourón, J., Machimbarrena, J.M., Gutiérrez-Ortega, M., Álvarez-Bardón, A., & Garaigordobil, M. (2019). Cyberbullying in Gifted Students: Prevalence and Psychological Well-Being in a Spanish Sample. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16, 2173. DOI: 10.3390/ijerph16122173
- Ingram, K.M., Espelage, D.L., Merrin, G.J., Valido, A., Heinhorst, J., & Joyce, M. (2019). Evaluation of a virtual reality enhanced bullying prevention curriculum pilot trial. *Journal of Adolescence*, 71, 72–83. DOI: 10.1016/j.adolescence.2018.12
- Karakashian, L.M., Walter, M.I., Christopher, A.N., & Lucas, T. (2006). Fear of negative evaluation affects helping behavior: The bystander effect revisited. *North American Journal of Psychology*, 8, 13–32.
- Knauf, R., Eschenbeck, H., & Hock, M. (2018). Bystanders of bullying: Social-cognitive and affective reactions to school bullying and cyberbullying. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 12(4), Article 3. doi: 10.5817/CP2018-4-3
- Latané, B., & Darley, J.M. (1970). *The unresponsive bystander: Why doesn't he help?* Prentice Hall.
- Leung, A. (2021). To Help or Not to Help: Intervening in Cyberbullying Among Chinese Cyber-Bystanders. *Frontiers in Psychology*, 12, 483250. doi: 10.3389/fpsyg.2021.483250
- Ma, T.L., Meter, D.J., Chen, W.T., & Lee, Y. (2019). Defending behavior of peer victimization in school and cyber context during childhood and adolescence: A meta-analytic review of individual and peer-relational characteristics. *Psychological Bulletin*, 145(9), 891–928. doi: 10.1037/bul0000205
- Machackova, H. (2020). Bystander reactions to cyberbullying and cyberaggression: individual, contextual, and social factors. *Current Opinion in Psychology*, 36, 130–134. doi: 10.1016/j.copsyc.2020.06.003
- McVeigh-Schultz, J., Kolesnichenko, A., & Isbister, K. (2019). Shaping Pro-Social Interaction in VR. *Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems - CHI '19*. doi: 10.1145/3290605.3300794

- McVeigh-Schultz, J., Márquez Segura, E., Merrill, N., & Isbister, K. (2018). What's It Mean to "Be Social" in VR? *Proceedings of the 19th International ACM SIGACCESS Conference on Computers and Accessibility - DIS '18*. doi: 10.1145/3197391.3205451
- Molchanov, S.V., & Markina, O.S. (2014). Dinamika moral'noy orientatsii v mladshem podrostkovom, starshem podrostkovom i yunosheskom vozrastakh []. Dynamics of moral orientation in the younger adolescence, older adolescence and youth]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*, 6(4), 134–146.
- Panumaporn, J., Hongsangunsri, S., Atsariyasing, W., & Kiatrungrit, K. (2020). Bystanders' behaviours and associated factors in cyberbullying. *General Psychiatry*, 33(3), e100187. doi: 10.1136/gpsych-2019-100187
- Pérez, P., Gonzalez-Sosa, E., Gutiérrez, J. & García, N. (2022). Emerging Immersive Communication Systems: Overview, Taxonomy, and Good Practices for QoE Assessment. *Frontiers in Signal Processing*, 2:917684. doi: 10.3389/frsip.2022.917684
- Philpot, R., Liebst, L.S., Levine, M., Bernasco, W., & Lindegaard, M. R. (2020). Would I be helped? Cross-national CCTV footage shows that intervention is the norm in public conflicts. *American Psychologist*, 75(1), 66–75. doi: 10.1037/amp0000469
- Polanco-Levicán, K., & Salvo-Garrido, S. (2021). Bystander Roles in Cyberbullying: A Mini-Review of Who, How Many, and Why. *Frontiers in Psychology*, 12:676787. doi: 10.3389/fpsyg.2021.676787.
- Rean, A.A., Konovalov, I.A., Novikova, M.A., & Molchanova, D.V. (2021). *Profilaktika agressii i destruktivnogo povedeniya molodezhi: analiz mirovogo opyta* [Prevention of aggression and destructive behavior of youth: an analysis of world experience]. St. Petersburg: KOSTA.
- Rovira, A., Swapp, D., Spanlang, B., & Slater, M. (2009). The use of virtual reality in the study of people's responses to violent incidents. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*, 3(59). doi: 10.3389/neuro.08.059.2009,
- Schultze-Krumholz, A., Hess, M., Pfetsch, J., & Scheithauer, H. (2018). Who is involved in cyberbullying? Latent class analysis of cyberbullying roles and their associations with aggression, self-esteem, and empathy. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 12(4). doi: 10.5817/CP2018-4-2
- Sheldon, P., Rauschnabel, P. A., & Honeycutt J. M. (2019). *The Dark Side of Social Media: Psychological, Managerial, and Societal Perspectives*. Elsevier Academic Press.
- Soldatova, G.U., Chigarkova, S.V., & Kalinina, K.R. (2022). Psikhologicheskie osobennosti uchastnikov situatsii kiberbullinga: analiz rolevogo onlayn-povedeniya [Psychological characteristics of participants in a cyberbullying situation: analysis of role-playing online behavior]. *Poznanie i perezivanie – Cognition and Experience*, 3(1), 46–71. doi: 10.51217/cogexp_2022_03_01_03
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., & Chigarkova, S.V. (2020). Types of cyberaggression: adolescents and youth experience. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*, 2(38), 3–20. (In Russian). doi: 10.11621/npj.2020.0201
- Soldatova, G.U., & Voyskunskiy, A.E. (2021). Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(3), 431–450. (In Russian). doi: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
- Song, J., & Oh, I. (2018). Factors influencing bystanders' behavioral reactions in cyberbullying situations. *Computer Human Behavior*, 78, 273–282. doi: 10.1016/j.chb.2017.10.008
- Suler, J. (2004). The Online Disinhibition Effect. *Cyber Psychology Behavior*, 7(3), 321–326. doi: 10.1089/1094931041291295
- Velichkovskiy, B.B. (2014). Psychological factors of the emerging sense of presence in virtual environments. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal - National Psychological Journal*, 15(3), 31–38. (In Russian). doi: 10.11621/npj.2014.0304

Received 17.09.2022; Accepted 06.10.2022

Galina U. Soldatova – Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Academician of RAE, D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Svetlana V. Chigarkova – Research Fellow, Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: chigars@gmail.com

Evgenia Yu. Nikonova – Research Fellow, Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: eniconova@mail.ru

Dmitriy A. Vinitiskij – Neurophysiologist, Laboratory of knowledge.

E-mail: vinitskiy_da@mail.ru

Artem E. Popkov – Student of Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: 7451540@mail.ru

УДК 159.9.07

МЕРА ИЕРАРХИЧНОСТИ КОНЦЕПТА *СТРЕСС* И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ У ПЕРВОКУРСНИКОВ РАЗНЫХ КУЛЬТУР

Е.В. Волкова¹, И.О. Куваева²

¹ Институт психологии Российской академии наук, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, 1

² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Резюме

Турбулентное состояние современного общества предъявляет высокие требования к умению человека конструктивно разрешать стрессовые ситуации. Выбор и реализация стратегий совладания зависит от меры иерархичности концепта *Стресс*. Мера иерархичности концепта *Стресс* рассматривается как способность субъекта выделить суть проблемы с учетом существенных связей между признаками стрессовой ситуации. Обсуждаются результаты анализа соотношения меры иерархичности концепта *Стресс* и стратегий совладания у студентов разных этнокультурных групп. Мера вербальной иерархичности концепта *Стресс* диагностировалась с помощью модифицированной версии методики «Формулировка проблем» М.А. Холодной; мера невербальной иерархичности концепта *Стресс* – с помощью пиктографической методики (визуальный портрет концепта). Выделены критерии оценки вербальной и невербальной иерархичности концепта *Стресс*. Стратегии совладания оценивались с помощью опросника Adolescent Coping Scale (Frydenberg, Lewis, 1993). Выборочная совокупность представлена 712 первокурсниками крупных университетов в возрасте $19,2 \pm 2,0$ лет пяти коллективистических культур. Выявлено, что студенты отображают в наглядных образах преимущественно внешние и внутренние проявления стрессового состояния, но вербализуют стрессовые ситуации через частные конкретные признаки. Показано, что чем выше мера невербальной иерархичности концепта *Стресс*, тем больше востребованность субъектных стратегий совладания и меньше обращение к внесубъектным (GLM, $p = 0,000$). Получены данные, свидетельствующие, что вербальная иерархичность концепта *Стресс* значимо сопряжена с этнокультурной принадлежностью студента: русские студенты характеризуются высокой вербальной иерархичностью концепта *Стресс*; турецкие и китайские студенты – средней, студенты из Армении и Татарстана – низкой. Достоверных данных в пользу сопряженности невербальной иерархичности концепта *Стресс* с этнокультурной принадлежностью студента не обнаружено. Развитие способности субъекта интегрировать разноаспектную информацию о стрессовой ситуации в целостный образ способствует повышению конструктивности совладающего поведения.

Ключевые слова: стресс; совладание; концепт; иерархичность; первокурсники; культура

Введение

В условиях открытого образования обучаются студенты разных культур. Человек независимо от принадлежности к этнокультурной группе

сталкивается с трудными ситуациями, переживает стресс и ищет способы реагирования. Культура как информационная и обучающая система обуславливает особенности понимания стресса и выбор копинг-стратегий (Крюкова, Гущина, 2015). Различия в интерпретациях стрессовых ситуаций и приемлемых способах поведения могут провоцировать конфликты между представителями разных культур. Изучение концепта *Стресс* позволяет выявить особенности понимания стрессовых ситуаций и раскрыть их взаимодействие со стратегиями совладания.

Одно из направлений исследования концепта – это анализ особенностей культуры. Согласно теории лингвистической относительности лексика и грамматика конкретного языка определяют, как представители одной этнокультурной группы познают мир и думают о нем. Разные модели языка, отличающие одну культуру от другой, обуславливают специфику восприятия, мышления и оценивания событий. Например, концепт *Тревога* интерпретируется в когнитивных терминах в европейских и североамериканских культурах. В китайской культуре тревога имеет отношение к медицине, и человек может обратиться за медицинской помощью, не теряя лица. Концепт *Депрессия* в китайском языке связан с соматизацией, в африканских культурах – с симптомами вины. Концепт *Психотерапия* в западных культурах трактуется как оказание помощи посредством слова и понимания, в то время как в восточных – помощь действиями (Анолли, 2016).

Другое направление исследования концепта представляет собой психологический анализ особенностей организации ментальных репрезентаций. В данной работе концепт *Стресс* рассматривается как ментальная модель, отражающая представления субъекта о причинах, проявлениях и процессе развития стрессовых ситуаций. Особенности организации концепта *Стресс* определяют специфику конструктивно-преобразовательной активности субъекта, обуславливающую выделение признаков стрессовой ситуации и регуляцию совладающего поведения.

Организация концепта *Стресс* и стратегии совладания

Исследование организации концепта *Стресс* как носителя свойств субъекта совладания включает анализ меры дифференцированности и меры иерархичности. Мера дифференцированности означает содержательную композицию представлений о стрессовых ситуациях, связанных с анализом разных сторон стрессовой ситуации, таких как причины, состояние, последствия, процесс и управление. Мера иерархичности концепта *Стресс* определяется как способность субъекта выделить суть проблемы с учетом существенных связей между признаками стрессовой ситуации. Мера дифференцированности концепта *Стресс* соотносится с процессом анализа проблемы и выделением ее отличительных признаков, мера иерархичности – с интеграцией разноаспектной информации в целостный образ стрессовой ситуации.

Мера дифференцированности концепта *Стресс* сопоставима с понятием *тонкое различительное чувство*, отражающее дискриминативную спо-

способность мозга к обнаружению сходства и различий между стимулами (Чуприкова, 2019). Мера дифференцированности концепта *Стресс* отражает индивидуальные различия в выделении существенных и отличительных признаков стрессовой ситуации, а также обуславливает скорость реагирования на проблему и адекватность найденного решения. Мера иерархичности концепта *Стресс* соотносится с понятием *сложность индивидуальной конструктивной системы*, предложенным Дж. Келли (2022). Субъект с высокой иерархичностью концепта *Стресс* имеет многомерную модель стрессовой ситуации, видит ее с разных сторон и находит взаимосвязи между ними. Низкая иерархичность концепта *Стресс* связана с одномерной моделью стрессовой ситуации и отсутствием целостного образа проблемы.

В терминах концептуализации стрессовых ситуаций можно выделить такие типы поведения, как управление, эмоциональная регуляция и избегание, а также использование собственных ресурсов человека или привлечение внешних ресурсов.

Управление стрессовой ситуацией связано с приближением к стрессору и сосредоточением внимания на разных его аспектах. Эмоциональная регуляция проявляется в разных способах реагирования на трудность. Избегание стрессовой ситуации выражается в пассивности человека по отношению к возникшей проблеме (Bruner, Postman, 1947; Ebata, Moos, 1991; Kahnemann, 1973; Lasarus, Folkman, 1984; Mullen B., Suls, 1982; Shontz, 1975). В ряде исследований проведен анализ соотношения типа поведения и актуального состояния человека: сближение с трудной ситуацией (*управление*) краткосрочно повышает стресс, но и увеличивает контроль над ситуацией, в то время как *избегание* угрожающего стимула уменьшает напряженность и тревогу (Burgne, 1964).

В стрессовой ситуации человек может активизировать собственные ресурсы и продемонстрировать субъектные стратегии совладания. Управление трудной ситуацией проявляется в активности и ответственности субъекта: направленность на проблему с мотивацией разрешения, детальный анализ и избирательность информации, обдумывание и поиск оптимального решения. Эмоциональная регуляция выражается в использовании субъектом конструктивных способов уменьшения стресса (релаксация, позитивное реструктурирование, самоконтроль). Избегание стрессовых ситуаций предполагает отрицание факта существования проблемы и отказ от активных действий. Помимо субъектных копинг-стратегий, человек может опираться на внешние ресурсы в стрессовой ситуации и применять внесубъектные стратегии. Профессиональная помощь и объединение усилий являются примером внешних ресурсов при управлении трудной ситуацией. Внешняя эмоциональная поддержка и расширение социальных контактов регулируют состояние человека и снижают его напряженность. Внесубъектное избегающее поведение выражается в переключении внимания со стрессовой ситуации на занятия, не связанные с решением проблемы.

Организация концепта *Стресс* – мера дифференцированности и мера иерархичности – определяет особенности поведения субъекта в стрессовых

ситуациях. Разносторонний анализ и видение проблемы целиком с учетом деталей связаны с многомерной моделью стрессовой ситуации и вариативностью выбора стратегий совладания. Человек быстрее находит оптимальные решения проблемы при высокой иерархичности и дифференцированности концепта *Стресс*.

Стресс и совладание в разных культурах

Традиционно культуры России, Турции и Китая рассматриваются как близкие и похожие по параметрам «дистанция власти» и «индивидуализм» (Hofstede, 2011; The Hofstede Centre: Cultural Dimentions¹); коллективистические установки в принятии решений и регуляции поведения являются общей чертой, присущей трем культурам. Однако согласно исследованиям G. Hofstede (2011), культуры России, Турции и Китая обладают и различными особенностями (табл. 1). Отличие русской культуры от двух других заключается в наиболее высокой дистанции власти и избегании неопределенности. Китайская культура характеризуется более выраженным маскулинным распределением ролей, меньшей иерархизированностью отношений и терпимостью к неопределенным ситуациям. Турки, как и русские, избегают неясных и неструктурированных ситуаций. Культуры Армении и Татарстана в отчете Г. Хофстеде не рассматриваются.

Таблица 1

Сравнение культур России, Турции и Китая (данные отчета Г. Хофстеде)

Параметры	Россия	Турция	Китай
Дистанция власти	93	66	80
Индивидуализм	39	37	20
Маскулинность	36	45	66
Избегание неопределенности	95	85	30
Долгосрочная ориентация	81	46	87

D. Matsumoto (1989) особо подчеркивал, что культуры, избегающие неопределенность, характеризуются повышенной тревогой и стрессом, что подтверждается многими эмпирическими исследованиями. Повышенный стресс и его негативные последствия переживают русские (Чеботарева, 2018; Poltavski, Ferraro, 2003; Ruzhenkov, Ruzhenkova, Lukyantseva, Voeva, Moskvitina, 2018) и турецкие студенты (Тамбовский, Кадир, Челик, Вилдимир, 2020; Arslan et al., 2017; Bahadir-Yilumas, 2016; Bayram, Dogan, Aydogan, Bilgel, 2014; Demicri et al., 2021). Русские студенты, отвлекаясь от трудной ситуации, играют в компьютерные игры, проводят время в социальных сетях и злоупотребляют вредными привычками (Ruzhenkov et.al., 2018). Студенты из Турции купируют экзаменационный стресс с помощью уверенного поведения, оптимистического настроения и отказа от со-

¹ The Hofstede Centre: Cultural Dimentions. URL: <http://geert-hofstede.com/dimensions.html>

циальной поддержки (Bahadir-Yilumas, 2016). Студенты из Армении характеризуются снижением оптимизма и веры в будущее, в себя и свои возможности, а также отмечают травмирующие переживания, связанные с внешними стрессорами (пандемия, социальные трансформации, экономические условия, социально-политическая ситуация в стране). Им свойствен выраженный внутренний конфликт: они нацелены на будущее, проявляют активность, удовлетворяют потребность в достижении и при этом испытывают разные негативные эмоции, которым сопротивляются (Самохвалова, Тихомирова, Вишневецкая, Шипова, Асриян, 2022). В многочисленных исследованиях представлены данные о том, что студенты из Китая также испытывают повышенный стресс (Chen, Wong, Ran, Gilson, 2009; Ji, Zhang, 2011; Wu et al., 2020), что, вероятно, обусловлено особенностями жизни конкретной социальной группы (студенчество).

Согласно нашим исследованиям, русские студенты характеризуются наиболее дифференцированным концептом *Стресс*, турецкие студенты – самыми бедными представлениями о стрессовых ситуациях (Волкова, Куваева, 2019; 2020). Русские студенты анализируют ситуации в деталях, китайские студенты – в обобщенных признаках. Студенты из Армении понимают стресс как войну и смерть, студенты из Татарстана – как повседневные трудности и негативные эмоции, студенты из Турции – как экзамен и проблему трудоустройства. Продолжительность стрессовых ситуаций воспринимается по-разному: русские и армянские студенты подчеркивают длительность, студенты из Татарстана и Китая – быстроту. Ключевая стратегия у русских студентов – это самообвинение и принятие ответственности в стрессовой ситуации (Волкова и др., 2019; Крюкова, 2005). Напротив, китайские студенты демонстрируют выраженный коллективизм и организуют общественные действия для разрешения проблем, что согласуется с низкими значениями индивидуализма и долгосрочной ориентацией китайской культуры (табл. 1).

Студенты из Армении, Татарстана и Турции опираются на внесубъектный ресурс религиозной поддержки в стрессовых ситуациях (Волкова, Куваева, 2019). Полученные результаты согласуются с данными других исследований. Религия объединяет армянскую молодежь, в то время как русские студенты не считают ее смысло-жизненной ориентацией (Berberyan, Berberyan, 2016). Студенты-татары по сравнению с русскими студентами в большей степени обращаются к религиозной традиционной вере (Куваева, Абитов, 2016; Abitov et al., 2017).

Анализ соотношения меры дифференцированности концепта *Стресс* и стратегий совладания показал, что мера дифференцированности концепта оказывает главный эффект на изменение показателей четырех субъектных и трех внесубъектных стратегий (ОЛМ). Чем более разносторонние представления о стрессе, тем более субъект ориентирован на глубокий анализ проблемы и успешное ее разрешение (*Решение проблемы, Работа / достижения*). Дифференцированность концепта *Стресс* соотносится с высокой личной ответственностью (*Самообвинение*) и сильным беспокойством

за исход трудной ситуации (*Беспокойство*). Недифференцированность концепта *Стресс* связана с опорой на внесубъектные ресурсы – профессиональную помощь и религиозную поддержку (Волкова, Куваева, 2020). Однако вопрос о соотношении меры иерархичности концепта *Стресс* и копинг-стратегий остается малоразработанным.

Данное исследование посвящено анализу соотношения меры иерархичности концепта *Стресс* и стратегий совладания у первокурсников разных этнокультурных групп.

Задачи исследования:

– Изучить соотношение вербальной и невербальной иерархичности концепта *Стресс*.

– Изучить сопряженность меры иерархичности концепта *Стресс* и стратегий совладания.

– Выявить различия по показателю меры иерархичности концепта *Стресс* у студентов разных культур.

Гипотезы исследования:

– Меры вербальной и невербальной иерархичности концепта *Стресс* различаются.

– Высокая мера иерархичности концепта *Стресс* сопряжена с активизацией субъектных стратегий.

– Мера иерархичности концепта *Стресс* сопряжена с принадлежностью студента к определенной этнокультурной группе: русские и китайские студенты отличаются более высокой иерархичностью концепта.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 712 первокурсников крупных университетов (329 русских, 153 армянина, 73 татарина, 72 турка и 77 китайцев) в возрасте $19,2 \pm 2,0$ лет. Принадлежность к этнокультурной группе определялась на основе этнической идентификации респондентов, родного языка, указания национальности по паспорту. Китайские студенты приехали на обучение в российский вуз и были опрошены в первую неделю проживания в России; остальные респонденты тестировались на территории проживания (русские студенты – Уральский федеральный университет; студенты из Армении – Ереванский государственный университет; студенты из Татарстана – Казанский федеральный университет; студенты из Турции – Фракийский университет, университет Гази, Анадолу, Ататюрка). Студенты обучались на социогуманитарных специализациях (лингвистика, международные отношения, социология, политология, социальная работа). Респонденты тестировались анонимно и подписывали согласие о добровольном участии в соответствии с Всеобщей декларацией этических принципов работы психолога.

Дизайн исследования включал методы оценки меры иерархичности концепта *Стресс* (модификация методики М.А. Холодной «Формулировка проблем» (Холодная, 2012); пиктографическая методика) и совладающего

поведения (опросник Adolescent Coping Scale, ACS (Frydenberg, Lewis, 1993)). При подготовке психодиагностического комплекса применялась процедура двойного перевода с привлечением экспертов – лингвистов, филологов, специалистов в области стресса и совладания. Каждый респондент получил индивидуальный комплект методик и заполнял их на родном языке.

Мера иерархичности концепта *Стресс* определяется как мера понимания сути стрессовой ситуации. Для оценки вербальной иерархичности концепта *Стресс* применялась методика «Формулировка проблем», в которой респонденту предлагалось указать проблемы, возникающие при исследовании стресса (время выполнения – 2 мин). Невербальная иерархичность концепта *Стресс* оценивалась с помощью пиктографической методики, в которой респонденту предлагалось в рисунке отобразить существенные и отличительные признаки стресса (время выполнения – 2 мин). Критерии оценки вербальной и невербальной иерархичности концепта *Стресс* представлены в табл. 2.

Таблица 2

Критерии оценки меры иерархичности концепта *Стресс*

Виды иерархичности концепта <i>Стресс</i>	Балл	Характеристика ответа	Пояснения
Вербальная иерархичность	0	Ответ неадекватен	–
	1	Конкретизация	Конкретные проблемы изучения стресса – безработица, пробки на дорогах, бессонница, «горло сдавливает», напряжение и т.д.
	2	Переход от конкретизации к обобщению	Сочетание конкретных и обобщенных проблем
	3	Обобщение	Обобщенные проблемы изучения стресса – причины, состояние, последствия, процесс, управление
Невербальная иерархичность	0	Ответ неадекватен	–
	1	Причины	Внешние и внутренние стрессоры
	2	Состояние	Физиологические, эмоциональные, гормональные, психические, психологические проявления
	3	Связь причины и состояния	Модели и схемы, фиксирующие причинно-следственные связи в стрессовой ситуации

Вербальный и невербальный материал имеют специфические особенности, которые необходимо учитывать при обработке сырых данных. Следует подчеркнуть, что в невербальном материале стрессовая ситуация отражается целостно, отношения между разными аспектами трудной ситуации охватываются одновременно, причины и следствия оказываются рядоположенными. В вербальных схемах выделяется структура стрессовой ситу-

ации, причины и следствия разведены по разным уровням, анализ происходит последовательно.

Содержание невербального материала и характер выполнения характеризуются этнокультурными различиями. Детали стрессовых ситуаций отражены в рисунках представителей таких этнокультурных групп, как русские, армяне и татары. Схематические изображения и малая детализация характерны для рисунков китайских студентов. Изображения стрессовых ситуаций у турецких студентов являются конкретными, они фиксируют студенческую жизнь в университете и материальное благополучие человека (деньги, машина, дом).

Опросник ACS позволяет оценить выраженность восемнадцати стратегий совладания. Авторы опросника Э. Фрайденберг и Р. Льюис выделили три стиля совладания – продуктивный, социальный и непродуктивный. Согласно исследованиям, критерии продуктивности совладания обусловлены культурным контекстом (Холодная, Берестнева, Муратова, 2007). В данном исследовании стратегии методики ACS соотнесены с учетом типа совладающего поведения (*управление стрессовой ситуацией, эмоциональная регуляция, избегание*) и привлечения субъектных или внесубъектных ресурсов (табл. 3).

Таблица 3

Методика ACS: стратегии совладания в терминах концептуализации стрессовых ситуаций

Типы совладания	Субъектные стратегии	Внесубъектные стратегии
Управление стрессовой ситуацией	Решение проблемы. Работа/Достижение. Самообвинение	Профессиональная помощь. Общественные действия
Эмоциональная регуляция	Разрядка. Позитивный фокус. Уход в себя. Беспокойство	Социальная поддержка. Чувство принадлежности. Друзья. Религиозная поддержка
Избегание стрессовой ситуации	Несовладание. Игнорирование	Чудо. Активный отдых. Отвлечение

Внутренняя согласованность пунктов шкал ACS варьируется от 0,381 до 0,851. Наиболее высокая согласованность пунктов выявлена у шкал *Религиозная поддержка* (0,851), *Самообвинение* (0,802) и *Активный отдых* (0,799). Шкалы с низким значением α -Кронбаха исключались из интерпретации результатов.

Статистические методы обработки данных включали качественный и количественные процедуры анализа (описательная статистика, U-критерий Манна–Уитни, критерий Краскелла–Уоллиса, общее линейное моделирование). Процедура процентильной стандартизации использовалась для преобразования сырых баллов в зениты. Статистический анализ данных осуществлялся с применением пакета программ IBM SPSS 22.0.

Параметрический метод ОЛМ использовался для оценки эффекта влияния Меры невербальной иерархичности концепта *Стресс* на изменение показателей стратегий совладания. Проверка пригодности полученных данных показала возможность применения данного вида анализа (критерий Бокса на эквивалентность ковариационных матриц ($p > 0,05$) и критерий Ливиня равенства дисперсий ошибок ($p > 0,05$)). Согласно критерию Бокса эмпирические показатели Меры вербальной иерархичности концепта *Стресс* оказались непригодны для ОЛМ, поэтому для выявления кросс-культурных различий применялись непараметрические методы анализа.

Результаты исследования

Вербальная и невербальная иерархичность концепта *Стресс*

Данные, представленные в табл. 4, свидетельствуют о том, что вербальная иерархичность концепта *Стресс* сформирована на уровне конкретных проблем (1 балл) у половины студентов (55,3%). В качестве проблем исследования стресса они указывали перегрузку, многозадачность, трудности концентрации внимания, дефицит времени и безработицу. Переходный уровень вербальной иерархичности (2 балла) демонстрирует каждый пятый студент (21,4%). В ответах данной группы респондентов отмечались как конкретные признаки стресса (депрессия, семейные сложности), так и обобщенные категории (процесс развития стресса, способы управления). Обобщенный уровень вербальной иерархичности концепта *Стресс* (3 балла) зафиксирован у 14,5% респондентов, они изображали причинно-следственные связи в стрессовой ситуации.

Таблица 4

Распределение респондентов по мере вербальной и невербальной иерархичности концепта *Стресс*

Вербальная иерархичность			Невербальная иерархичность		
Градации	Кол-во чел.	%	Градации	Кол-во чел.	%
0	62	8,8	0	23	3,3
1	389	55,3	1	225	32
2	151	21,4	2	448	63,9
3	102	14,5	3	8	1,1

Анализ невербальной иерархичности концепта *Стресс* показывает, что большинство студентов (63,9%) обращали внимание на проявления стрессового состояния (2 балла) – слезы, взъерошенные волосы, черные круги под глазами, сомкнутые челюсти, сжатые кулаки, негативные эмоции и напряженная поза. Каждый третий респондент (32%) отражал причины стрессовых ситуаций (1 балл): войну, экзамен, любовные проблемы, трудности в обучении, плохую погоду, ДТП и т.д. Модели и схемы, отображающие причинно-следственные связи развития стрессовой ситуации (3 балла), изображаются студентами крайне редко (1,1% респондентов).

Обращает на себя внимание, что в невербальном материале стресс представлен как состояние человека (2 балла), в то время как в вербальном

указывались конкретные признаки стрессовых ситуаций (1 балл). Обобщенный уровень вербальной иерархичности концепта *Стресс* выражен у большего количества респондентов по сравнению с обобщенным уровнем невербальной иерархичности (14,5 и 1,1% соответственно).

Соотношение меры иерархичности концепта *Стресс* и копинг-стратегий

Невербальная иерархичность концепта *Стресс* оказывает значимый эффект на показатели стратегий *Беспокойство*, *Чудо*, *Общественные действия*, *Игнорирование*, *Самообвинение* и *Религиозная поддержка* (ОЛМ, След Пиллаи = 0,869; $F = 251,250$; $p = 0,000$).

Согласно данным, представленным на рис. 1, максимальная активизация субъектной стратегии *Беспокойство* отмечается при визуализации стресса как состояния человека; минимальная – соотносится с целостным видением стрессовой ситуации и выделением причинно-следственных связей.

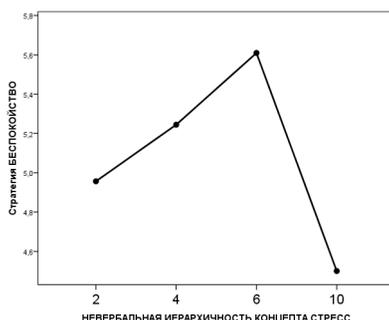

Рис. 1. Соотношение невербальной иерархичности концепта *Стресс* и стратегии *Беспокойство*: 2 – неадекватный ответ; 4 – изображение причин стресса; 6 – изображение стрессового состояния; 10 – модели и схемы, фиксирующие причинно-следственные связи

Максимальная выраженность стратегий *Самообвинение*, *Чудо* и *Игнорирование* отмечается при высокой невербальной иерархичности концепта *Стресс* (3 балла), минимальная – при низкой (концепт не сформирован) (рис. 2). Следует подчеркнуть, что в терминах концептуализации стрессовых ситуаций стратегия *Самообвинение* относится к субъектным, стратегии *Чудо* и *Игнорирование* – к внесубъектным.

Максимальная выраженность внесубъектных стратегий *Общественные действия* и *Религиозная поддержка* связаны с двумя градациями невербальной иерархичности концепта *Стресс*: 0 баллов – отсутствие образа стресса, 2 балла – визуализация стресса как состояния человека. Минимальная выраженность этой стратегии достигается в случае максимальной невербальной иерархичности концепта *Стресс* – целостного видения стрессовой ситуации и отражения причинно-следственных связей (3 балла) (рис. 3).

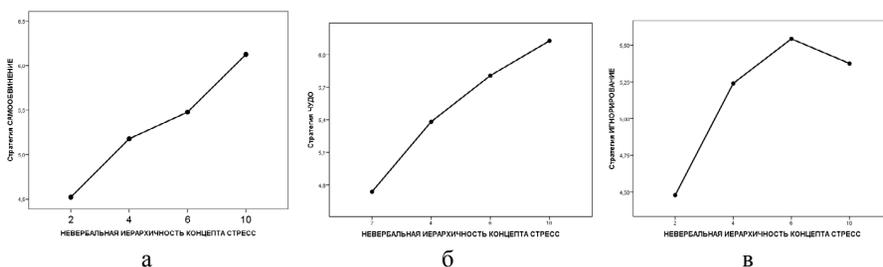

Рис. 2. Соотношение невербальной иерархичности концепта *Стресс* и стратегий *Самообвинение* (а), *Чудо* (б), *Игнорирование* (в)

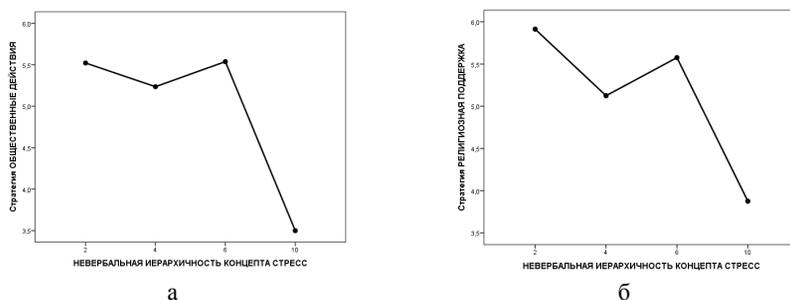

Рис. 3. Соотношение невербальной иерархичности концепта *Стресс* и стратегий *Общественные действия* (а), *Религиозная поддержка* (б)

Мера иерархичности концепта *Стресс* у студентов разных этнокультурных групп

Полученные данные демонстрируют, что вербальная иерархичность концепта *Стресс* значимо сопряжена с этнокультурной принадлежностью студента ($X^2 = 94,289$, $p = 0,000$). Достоверных данных в пользу сопряженности невербальной иерархичности концепта с этнокультурной принадлежностью студента получено не было. Вербальная иерархичность концепта *Стресс* у русских студентов статистически выше, чем у студентов из Армении и Татарстана (U-тест, $p = 0,000$), Турции ($p = 0,008$) и Китая ($p = 0,034$) (рис. 4). Вербальная иерархичность концепта *Стресс* у студентов-татар выражена меньше, чем у турецких ($p = 0,048$) и китайских студентов ($p = 0,000$). Армянские студенты отличались более низким показателем вербальной иерархичности концепта *Стресс*, чем турецкие и китайские (U-тест, $p = 0,000$; множественные сравнения). Схожей мерой вербальной иерархичности концепта *Стресс* характеризовались группы студентов из Армении и Татарстана, а также группы студентов из Турции и Китая ($p > 0,050$).

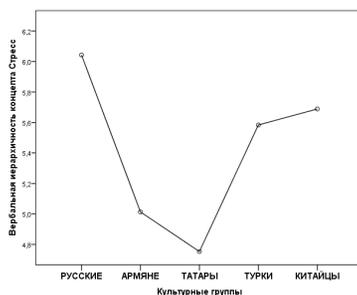

Рис. 4. Вербальная иерархичность концепта *Стресс* у студентов разных этнокультурных групп

Обсуждение результатов

Представления о Стрессе как одной из форм концепта традиционно изучаются в рамках культурологического и психолингвистического анализов. Согласно отчету Г. Хофстеде, представители разных культур по-разному относятся к неопределенным и неструктурированным ситуациям: русские и турки избегают их, в то время как китайцы терпимы к ним. Русские и китайцы ориентированы на достижение целей, но отличаются по мере выраженности параметра *индивидуализм*. Культуры Армении и Татарстана в отчете Г. Хофстеде не представлены.

Анализ лингвистических интерпретаций стресса выявил большее признаковое разнообразие концепта *Стресс* в русском и китайском языках по сравнению с армянским, татарским и турецким языками. В русском языке понятие «стресс» толкуется как нервное напряжение, вызывающее активность человека; в китайском языке – как напряжение от внешнего фактора, требующего концентрации внимания и коллективных действий; в турецком языке понимается как нервная напряженная ситуация; в татарском – нервное напряжение; в армянском – давящее напряжение. Следует отметить, что признаковый состав индивидуально-психологических представлений о стрессе оказался более разнообразным по сравнению с лингвистическим (исключая китайских студентов) (Volkova, Kuvaeva, 2021).

Новизна данного исследования состояла в изучении сопряженности меры иерархичности концепта *Стресс* со стратегиями совладания. Верифицированный в наших исследованиях метод психологического анализа организации концепта *Стресс* и особенностей совладания у представителей разных этнокультурных групп выявил высокую вербальную иерархичность данного концепта русских студентов, среднюю – у турецких и китайских, низкую – у студентов из Армении и Татарстана. Русские студенты воспринимают стрессовые ситуации в обобщенных признаках, выстраивая причинно-следственные связи, ведущие к развитию стрессовой ситуации; турецкие и китайские студенты воспринимают стрессовые ситуации как в конкретных, так и в обобщенных признаках; студенты из Армении и Татарстана – только в конкретных частных признаках.

Сопоставление меры иерархичности концепта *Стресс* и меры дифференцированности позволило обнаружить как согласованность этих показателей у русских (высокая дифференцированность, высокая иерархичность) и китайских (средняя дифференцированность, средняя иерархичность) студентов, так и несогласованность – средняя дифференцированность и низкая иерархичность концепта *Стресс* у студентов из Армении и Татарстана, а также низкая дифференцированность и средняя иерархичность – у турецких студентов. Результаты исследования свидетельствуют, что чем выше мера иерархичности и мера дифференцированности представлений о стрессе, тем больше востребованность субъектных стратегий совладания и меньше обращение к внесубъектным стратегиям, таким как коллективные действия и религиозная поддержка. То есть в случае, когда субъект совладания способен проанализировать ситуацию в самых разных аспектах и отношениях, а также выделить связи между причинами и следствиями развития стрессовой ситуации, ему не требуется прибегать к внесубъектным ресурсам. Он воспринимает ситуацию как контролируруемую и обращается к проблемно-ориентированным копингам. Но если человек воспринимает только причины трудной ситуации или не способен охватить проблему в целом, то он обращается к внесубъектным ресурсам для преодоления трудностей. Такой субъект оценивает трудную ситуацию как малоконтролируемую, он не способен самостоятельно предпринять активные действия для ее разрешения и избегает ее.

Особый интерес представляют разнообразные виды зависимостей между мерой иерархичности концепта *Стресс* и совладанием, нуждающиеся в дальнейшем исследовании. Линейные зависимости обнаружены между:

– мерой сложности визуального образа стрессовой ситуации и субъектной стратегией *Самообвинение*: чем яснее человек видит суть проблемы, тем он чаще берет ответственность за нее;

– невербальной иерархичностью концепта и внесубъектной стратегией *Чудо*: неспособность целостно охватить проблему связана с надеждой на удачное стечение обстоятельств и сознательным отрицанием трудной ситуации.

Скачкообразная зависимость выявлена между невербальной иерархичностью концепта *Стресс* и внесубъектными стратегиями *Общественные действия* и *Религиозная поддержка*.

Перевернутая U-образная зависимость отмечена между невербальной иерархичностью концепта *Стресс* и субъектной стратегией *Беспокойство*. Человек перестает беспокоиться за будущее трудной ситуации, когда видит проблему целиком и отражает взаимосвязи между ее элементами. Если субъект концептуализирует стрессовую ситуацию через признаки только неблагоприятного состояния, то это приводит к максимальной тревоге и волнению. Точка перегиба показателей стратегий *Беспокойство*, *Общественные действия*, *Религиозная поддержка* соотносится с градацией «состояние» (2 балла), что требует дальнейших исследований связи тревоги (тревожности) и разных копинг-стратегий (см. рис. 1, а; 3, а, б).

Кросскультурный анализ организации концепта *Стресс* выявил как общее, так и особенное в совладающем поведении у представителей коллективистических культур. Русские и китайские студенты ориентированы на управление стрессовой ситуацией, но русские студенты возлагают личную ответственность за решение проблемы на себя, в то время как китайские студенты предпочитают совместные усилия для ее разрешения. Полученные данные подтверждают меньшую выраженность коллективизма у русских студентов по сравнению с китайскими студентами. Студенты из Армении, Татарстана и Турции опираются на религиозную поддержку для управления стрессовой ситуацией и регуляцию эмоционального состояния. Согласно нашему анализу ресурсные функции религиозной поддержки состоят в содействии улучшению эмоционального состояния (Koenig, McCullough, Larson, 2001), поиске путей решения проблемы (Koenig, Pargament, Nielsen, 1998), в переосмыслении трагических событий и нахождении новых источников силы (Pargament, 2001; Pargament et al., 2013).

Результаты исследования выявили актуальный уровень концептуализации стрессовых ситуаций у первокурсников. Студенты отображают в наглядных образах преимущественно внешние и внутренние проявления стрессового состояния, но вербализуют стрессовые ситуации через частные конкретные признаки. Зона ближайшего развития студента – это учиться анализировать стрессовую ситуацию в причинно-следственных связях: выделять источники стресса и прогнозировать возможные последствия, рефлексировать собственное состояние и способы реагирования. Формирование высокой меры иерархичности концепта *Стресс* связано с сопоставлением вербальных и невербальных представлений о стрессовой ситуации и поиском оптимальных копинг-ресурсов. Главная задача университета в условиях открытого образования состоит в обучении студента конструктивному преобразованию трудных ситуаций.

Литература

- Анолли, Л. (2016). *Психология культуры*. Харьков: Гуманитарный центр.
- Волкова, Е. В., Куваева, И. О. (2019). Кросс-культурные особенности организации концепта Стресс и стратегий совладания у молодых представителей разных культур. *Мир психологии*, 4, 137–151. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44499241>
- Волкова, Е. В., Куваева, И. О. (2020). Мера дифференцированности концепта Стресс как фактор совладающего поведения субъекта: кросскультурный подход. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 3, 98–105. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-3-98-105>
- Келли, Дж. (2022). *Теория личности (теория личностных конструкторов)*. СПб.: Питер.
- Крюкова, Т. Л. (2005). Возрастные и культурные различия в стратегиях совладающего поведения. *Психологический журнал*, 2, 5–15.
- Крюкова, Т. Л., Гущина, Т. В. (2015). *Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения*. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; КГТУ.
- Куваева, И. О., Абитов, И. Р. (2016). Учебно-профессиональные и национальные ресурсы преодоления стрессовых ситуаций. В кн.: *Материалы IV Международной науч-*

- ной конференции: в 2 т. Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие, 22–24 сентября 2016 г.: сборник трудов конференции, 1, 218–220. Кострома: Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова.
- Самохвалова, А. Г., Тихомирова, Е. В., Вишневская, О. Н., Шипова, Н. С., Асриян, Э. В. (2022). Особенности психологического благополучия русских и армянских студентов. *Социальная психология и общество*, 13(2), 123–143.
- Тамбовский, А. Н., Кадир, Б. Н., Челик, Н. М., Вилдирим, Л. (2020). Результаты функциональных показателей студентов турецкого вуза в начале и в конце учебного года. *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*, 7(185), 384–389.
- Холодная, М.А. (2012). *Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям*. М.: Институт психологии РАН.
- Холодная, М. А., Берестнева, О. Г., Муратова, Е. А. (2007). Структура стратегий совладания в юношеском возрасте (к проблеме валидности опросника «Юношеская копинг-шкала»). *Вопросы психологии*, 4, 143–156.
- Чеботарева, Е. Ю. (2018). Кросс-культурные особенности копинг-стратегий российских и французских студентов в контексте психологического благополучия. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 7(2), 156–163.
- Чуприкова, Н. И. (2019). *Время реакции человека: Физиологические механизмы, вербально-смысловая регуляция, связь с интеллектом и свойствами нервной системы*. М.: Издательский Дом ЯСК.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 24.10.2021 г.; повторно 19.09.2022 г.; принята 26.10.2022 г.

Волкова Елена Вениаминовна – главный научный сотрудник, заведующая лабораторией психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина Института психологии РАН, доктор психологических наук.

E-mail: volkovaev@ipran.ru

Куваева Ирина Олеговна – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета, кандидат психологических наук.

E-mail: irina.kuvaeva@urfu.ru

For citation: Volkova, E. V., Kuvaeva, I. O. (2022). The Measure of Hierarchy of the Concept Stress and Copings in freshmen of Different Cultures. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 86, 48–65. In Russian. English Summary. doi:10.17223/17267080/86/3

The Measure of Hierarchy of the Concept Stress and Copings in freshmen of Different Cultures

E.V. Volkova¹, I.O. Kuvaeva²

¹ Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation

² Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

Abstract

The turbulent state of modern society puts forward high demands on a person's ability to constructively resolve stressful situations. The choice and implementation of coping strategies

depends on the measure of hierarchy of the Stress concept. The measure of the hierarchy of the Stress concept determines the ability of the subject to highlight the essence of the problem, taking into account significant relationships between the signs of a stressful situation. The results discussed, were an analysis with a ratio to the hierarchical measurement of the concept of Stress and coping strategies among students of different ethno-cultural groups. The verbal hierarchy of the Stress concept was evaluated by the modified version of the "Problem Formulation technique" (Kholodnaya, 2019); the nonverbal hierarchy of the Stress was assessed by pictographic technique. The criteria for assessing the verbal and nonverbal hierarchy of the Stress concept are defined. Coping strategies were measured by the Adolescent Coping Scale (Frydenberg, Lewis, 1993). The sample is represented by 712 first-year students of large universities aged from 19.2 ± 2.0 years old from five collectivistic cultures. It was revealed that students display in visual images mainly external and internal manifestations of a stressful state, but verbalize stressful situations through partial concrete signs. It is shown that the higher is the measure of hierarchy of the Stress concept, the greater is the demand for subjective copings and the less is recourse to non-subjective ones (GLM, $p = 0.000$). The data obtained show that the verbal hierarchy of the concept Stress is significantly associated with the student's ethno-cultural affiliation: Russian students are characterized by a high verbal hierarchy of the Stress concept; Turkish and Chinese students are of average verbal hierarchy, students from Armenia and Tatarstan are of low verbal hierarchy. Significant data in favor of the conjugation of the non-verbal hierarchy of the Stress concept with the student's ethno-cultural affiliation was not found. The development of the subject's ability to integrate diverse information about a stressful situation into a holistic image provides an increase in the constructiveness of coping behavior.

Keywords: stress; coping; concept; hierarchy; freshmen; culture

References

- Abitov, I.R., Gorodetskaya, I.M., Akbirova, R.R., & Sibgatullina, L.R. (2017). Superstitiousness and paranormal beliefs of the Russian and Tatar students. *Man in India*, 97(15), 93–105.
- Anolli, L. (2016). *Psikhologiya kul'tury* [Psychology of culture] (Trans. from Italian). Khar'kov: Gumanitarnyy tsentr.
- Arslan, G., Ayranci, U., Unsal, A., & Arslantas, D. (2009). Prevalence of depression, its correlates among students, and its effect on health-related quality of life in a Turkish university. *Upsala Journal of Medical Sciences*, 114(3), 170–177. <http://doi.org/10.1080/03009730903174339>
- Bahadır-Yılmaz, E. (2016). Academic and clinical stress, stress resources and ways of coping among Turkish first-year nursing students in their first clinical practice. *Kontakt*, 18(3), e145-e151. doi: 10.1016/j.kontakt.2016.08.001
- Bayram, N., Dogan, A., Aydoğan, I., & Bilgel, N. (2014). Anger expression, depression, anxiety and stress among Turkish students living in Turkey and Germany. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 4(3), 1–18. doi: 10.6007/IJARBS/v4-i3/669
- Berberyan, A.S., Berberyan, H.S. (2016). Ethnopsychological aspects of the meaning-of-life and value orientations of Armenian and Russian students. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(1), 121–137. doi: 11621/pir.2016.0109
- Bruner, J.S., & Postman, L. (1947). Emotional selectivity in perception and reaction. *Journal of Personality*, 16, 449–485. doi: 10.1111/j.1467-6494.1947.tb01076.x
- Byrne, D. (1964). Repression-sensitization as a dimension of personality. In B.A. Maher (Ed.), *Progress in experimental personality research* (pp. 169–220). New York: Academic Press.
- Chebotareva, E.Yu. (2018). Kross-kul'turnye osobennosti koping-strategiy rossiyskikh i frantsuzskikh studentov v kontekste psikhologicheskogo blagopoluchiya [Cross-cultural features of coping strategies of Russian and French students in the context of

- psychological well-being]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psiko-logiya razvitiya*, 7(2), 156–163.
- Chen, H., Wong, Y-C., Ran, M-S., & Gilson, C. (2009). Stress among Shanghai University Students. *Journal of Social Work*, 9(3), 323–344. doi: 10.1177/1468017309334845
- Chuprikova, N.I. (2019). *Vremya reaktsii cheloveka: Fiziologicheskie mekhanizmy, verbal'no-smyslovaya regulyatsiya, svyaz' s intellektom i svoystvami nervnoy sistemy* [Human reaction time: Physiological mechanisms, verbal-semantic regulation, connection with intelligence and properties of the nervous system]. Moscow: YaSK.
- Demirci, M., Tekce, N., Cobanoglu, N., Tuncer, S., Unlu, O., Sismanoglu, S., & Baydemir, C. (2021). Perceived Sources and Levels of Stress Among Turkish Dental Students: A Multi-centre Study/Turk Dis Hekimligi Ogrencileri Arasinda Algılanan Stres Kaynakları ve Düzeyleri: Çok Merkezli Bir Çalışma. *Bezmialem Science*, 9(3), 271–283. doi: 10.14235/bas.galenos.2020.4409
- Ebata, A.T., & Moos, R.H. (1991). Coping and adjustment in distressed and healthy adolescents. *J. of Appl. Develop. Psychol.*, 12(1), 33–54. doi: 10.1016/0193-3973(91)90029-4
- Frydenberg, E., & Lewis, R. (1993). *Adolescent Coping Scale: Manual*. ACER press, Melbourne.
- Hofstede, G. (2011). Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1). doi: 10.9707/2307-0919.1014
- Ji, H., & Zhang, L. (2011). Research on college students' stresses and coping strategies. *Asian Social Science*, 7(10), 30–34. doi: 10.5539/ass.v7n10p30
- Kahneman, D. (1973). *Attention and effort* (Vol. 1063, pp. 218–226). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Kelly, J. (2022). *Teoriya lichnosti (teoriya lichnostnykh konstruktov)* [Theory of personality (the theory of personality constructs)] (Trans. from English). SPb.: Piter.
- Kholodnaya, M.A. (2012). *Psikhologiya ponyatiynogo myshleniya: Ot kontseptual'nykh struktur k ponyatiynym sposobnostyam* [Psychology of conceptual thinking: From conceptual structures to conceptual abilities]. Moscow: Institut psikhologii RAN.
- Kholodnaya, M.A., Berestneva, O.G., & Muratova, E.A. (2007). Struktura strategiy sovladaniya v yunosheskom vozraste (k probleme validnosti oprosnika “Yunosheskaya koping-shkala”) [The structure of coping strategies in adolescence (to the problem of the validity of the questionnaire "Youth Coping Scale")]. *Voprosy psikhologii*, 4, 143–156.
- Koenig, H.G., McCullough, M.E., & Larson, D.B. (2001). *Handbook of religion and health*. New York: Oxford University Press.
- Koenig, H.G., Pargament, K.L., & Nielsen, J. (1998). Religious coping and health status in medically ill hospitalized older adults. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 186(9), 513–521. doi: 10.1097/00005053-199809000-00001
- Kryukova, T.L. (2005). Vozrastnye i kul'turnye razlichiya v strategiyakh sovladayushchego povedeniya [Age and cultural differences in coping behavior strategies]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2, 5–15.
- Kryukova, T.L., & Gushchina, T.V. (2015). *Kul'tura, stress i koping: sotsiokul'turnaya kontekstualizatsiya sovladayushchego povedeniya* [Culture, stress and coping: Sociocultural contextualization of coping behavior]. Kostroma: KSU, KSTU.
- Kuvaeva, I.O., Abitov, I.R. (2016, September). Uchebno-professional'nye i natsional'nye resursy preodoleniya stressovykh situatsiy [Educational, professional and national resources for overcoming stressful situations]. In T.L. Kryukova, M.V. Saporovskaya, S.A. Khazova (Eds.), *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: resursy, zdorov'e, razvitie* [Psychology of stress and coping behavior: resources, health, development] (pp. 218–220). Kostroma: Kostroma State University.
- Lasarus, R.S., & Folkman, S. (1984). Cognitive theories of stress and the issue the circularity. In M.N. Appley, R. Trumbell (Eds.). *Dynamics of Stress: Physiological, Psychological and Social Perspectives* (pp. 63–79). New York: Plenum Press.
- Matsumoto, D. (1989). Cultural influence on the perception of emotion. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 20(1), 92–105. doi: 10.1177/0022022189201006

- Mullen, B., & Suls, J. (1982). The effectiveness of attention and rejection as coping styles. *Journal of Psychosomatic Research*, 26, 43–49. doi: 10.1016/0022-3999(82)90061-7
- Pargament, K.I. (2001). *The psychology of religion and coping: Theory, research, practice*. New York: Guilford press.
- Pargament, K.I., Falb, M.D., Ano, G.G., & Wachholtz, A.B. (2013). The religious dimension of coping: Advances in theory, research, and practice. In R.F. Paloutzian & C.L. Park (Eds.), *Handbook of the Psychology of Religion and Spirituality* (pp. 560–579). The Guilford Press.
- Poltavski, D., & Ferraro, F.R. (2003). Stress and illness in American and Russian college students. *Personality and Individual Differences*, 34, 971–982. doi: 10.1016/S0191-8869(02)00082-X
- Ruzhenkov, V.A., Ruzhenkova, V.V., Lukyantseva, I.S., Boeva, A.V., & Moskvitina, U.S. (2018). Academical stress for the first and second year medical students and possible risks to mental health. *International Journal of Advanced Biotechnology and Research*, 9(1), 1066–1073. Retrieved from: <http://www.bipublication.com>
- Samokhvalova, A.G., Tikhomirova, E.V., Vishnevskaya, O.N., Shipova, N.S., Asriyan, E.V. (2022). Osobennosti psikhologicheskogo blagopoluchiya russkikh i armyanskikh studentov [Specificity of the psychological well-being of Russian and Armenian students]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 13(2), 123–143.
- Shontz, F.C. (1975). *The psychological aspects of physical illness and disability*. New York: Macmillan.
- Tambovskiy, A.N., Kadir, B.N., Chelik, N.M., & Vildirim, L. (2020). Rezul'taty funktsional'nykh pokazateley studentov turetskogo vuza v nachale i v kontse uchebnogo goda [The results of the functional indicators of Turkish university students at the beginning and at the end of the academic year]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*, 7(185), 384–389.
- Volkova, E.V., & Kuvaeva, I.O. (2019). Kross-kul'turnye osobennosti organizatsii kontsepta “stress” i strategiy sovladaniya u molodykh predstaviteley raznykh kul'tur [Cross-cultural features of the concept “stress” and coping strategies among young representatives of different cultures]. *Mir psikhologii*, 4, 137–151. Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44499241>
- Volkova, E.V., & Kuvaeva, I.O. (2020). Differentiated conceptualisation of stress as a factor in coping behaviour: a cross-cultural approach. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 3, 98–105. (In Russian). doi: 10.34216/2073-1426-2020-26-3-98-105
- Volkova, E.V., & Kuvaeva, I.O. (2021, October). Stress Conceptualizing in Student of Different Cultures. *European Proceedings of International Conference on Education & Educational Psychology EpICEEPSY*. doi: 10.15405/epiceepsy.21101.9
- Wu, D., Yu, L.W., Yang, T.Z., Cottrell, R., Peng, S.H., Guo, W., & Jiang, S.H. (2020). The Impacts of Uncertainty Stress on Mental Disorders of Chinese College Students: Evidence From a Nationwide Study. *Frontiers In Psychology*, 11(243), 1–9. doi: 10.3389/fpsyg.2020.0024

Received 24.10.2021; Revised 19.09.2022; Accepted 26.10.2022

Elena V. Volkova – Chief Researcher, Head of the Laboratory of Psychology of Abilities and Mental Resources named after V.N. Druzhinin, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: volkovaev@ipran.ru

Irina O. Kuvaeva – Senior Lecturer of Chair of Pedagogic and Educational Psychology, Ural Federal University, Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: irina.kuvaeva@urfu.ru

УДК 159.95

ВЛИЯНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ СТРУКТУР НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ¹

А.О. Прохоров¹, А.В. Чернов¹, М.И. Карташева¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Резюме

В статье раскрываются ментальные основания регуляции психических состояний студентов в ходе учебной деятельности. При анализе теоретических подходов к регуляции психической деятельности основной акцент делается на системно-функциональной парадигме саморегуляции психических состояний как класса психических явлений. В рамках данного подхода реализуется иерархическая система регуляции психических состояний, ведущим уровнем которой являются ментальные структуры. Цель исследования – установить роль ментальных структур (смысловых, рефлексии, системы Я) в процессе регуляции психических состояний в повседневных (лекции и семинары) и напряженных ситуациях деятельности (экзамены). На первом этапе исследования были выявлены особенности ментальных структур респондентов: характеристики компонентов системы Я, выраженность и направленность рефлексии, а также уровень смысло-жизненных ориентаций и ее составляющих. На втором этапе студентам было предложено описать собственные психические состояния и оценить эффективность их саморегуляции на лекциях, семинарах и экзаменах. В результате исследования было установлено, что влияние отдельных ментальных структур и их сочетаний на эффективность саморегуляции психических состояний студентов дифференцируется в зависимости от форм и напряженности учебной деятельности. Показано, что наибольшая эффективность саморегуляции психических состояний в повседневных формах обучения достигается в случае взаимодействия высокого уровня осмысленности жизни, рефлексии прошлого опыта и самооценности студентов. В свою очередь, в напряженной ситуации экзамена наиболее эффективной регуляцией состояний способствует сочетание высокого уровня рефлексии состояний и смысло-жизненных ориентаций при низкой внутренней конфликтности студентов.

Ключевые слова: психическое состояние; саморегуляция; система Я; рефлексия; смысловые структуры; учебная деятельность

Введение

В возрастающем числе исследований регуляции психической деятельности человека – когнитивных процессов, поведения, разных видов дея-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00076.

тельности и др., выполненных в нашей стране (Моросанова, 2020; Сергиенко, 2018 и др.), наименее изученными являются регуляторные процессы, связанные с коррекцией психических состояний, тогда как востребованность в таких исследованиях постоянно возрастает.

В последние годы отмечается рост числа зарубежных исследований, связанных с регуляцией эмоциональных состояний у детей и подростков (Klosowska et al., 2020; Verzeletti, Zammuner, Galli, Agnoli & Duregger, 2016).

Кроме того, значительная часть научных работ посвящена изучению механизмов саморегуляции и ее связи с эмоциональными состояниями (Baumeister, 2014; Burman, Green & Shanker, 2015; Schmeichel & Baumeister, 2004; Vohs & Heatherton, 2000).

Проблема регуляции психических состояний имеет разные векторы изучения. Традиционные направления связаны с рассмотрением саморегуляции класса функциональных (психофизиологических) состояний. В основе методов и приёмов исследований находится деятельностная парадигма А.Н. Леонтьева. Исследования саморегуляции состояний (структурно-функциональный подход) рассматриваются на разных уровнях деятельности субъекта: операциональном, уровне действий и деятельности в целом. По мнению А.Б. Леоновой, эта схема удобна для анализа динамики и структурных трансформаций механизмов регуляции деятельности в двух плоскостях: вертикальной – при рассмотрении взаимосвязей между иерархическими уровнями «деятельность – действие – операция» и горизонтальной – как соотношение «ситуация – нагрузки – условия – текущие адаптационные перестройки» внутри каждого из названных иерархических уровней (Леонова, 2007; 2020).

Другой подход (системно-деятельностный) связан с взаимодействием личностных и деятельностных составляющих регуляции (Дикая, 2003). По мнению автора, психическая саморегуляция функциональных (психофизиологических) состояний представляет собой специфический вид деятельности субъекта, для которой характерны определенные отношения с профессиональной деятельностью и развитие которой обуславливает становление адаптивных личностных свойств субъекта, обеспечивающих эффективность, надежность, работоспособность и другие характеристики профессиональной деятельности. Уровни саморегуляции состояния определяются Л.Г. Дикой по их отношению к таким характеристикам активности, как произвольность / непроизвольность, осознаваемость / неосознаваемость, целенаправленность. Выделено четыре уровня саморегуляции, для каждого из которых определены ведущий компонент структуры саморегуляции и способы саморегуляции, отнесенные к тому или иному компоненту психологической структуры деятельности.

Позиции авторов близки с точки зрения использования системного подхода к одному и тому же объекту исследования: классу функциональных состояний; различия обнаруживаются в разном понимании средств изучения данных состояний и использовании соответствующего методического аппарата.

В разрабатываемой нами системно-функциональной парадигме саморегуляции психических состояний как класса психических явлений выделены три уровня регуляции: базовый, связанный с саморегуляцией отдельного состояния, уровень регуляции комплексов психических состояний и интегрированная, целостная саморегуляция, включающая предыдущие уровни (Прохоров, 2005). Иерархическая система регуляции состояний обеспечивает адаптацию субъекта к социальным условиям функционирования и требованиям предметно-профессионального характера деятельности.

Ведущей составляющей целостной системы саморегуляции психических состояний, на наш взгляд, являются ментальные характеристики субъекта, образующие структурно-функциональную организацию (репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры, ментальный (субъективный) опыт, система Я, целевые характеристики). Центральное интегрирующее образование в модели – субъективный (ментальный) опыт человека, в структуре которого осуществляется интеграция составляющих сознания, направленная на достижение цели – регуляцию психического состояния субъекта (Прохоров, 2020).

В функциональном плане в основании саморегуляции находятся механизмы регуляции отдельного психического состояния. Достижение цели – желаемого состояния – связано с включенностью в регуляторный процесс ментальных структур (смысловых, рефлексии, переживаний и др.) и осуществляется через цепь переходных состояний. Переход от состояния к состоянию реализуется при использовании различных психорегулирующих приемов и средств. Информация о достижении желаемого состояния осуществляется при помощи обратной связи. Регуляция совершается при активном участии психических процессов и с опорой на психологические свойства (темперамент, характер, способности и пр.) (Прохоров, 2017).

«Развертывание» регуляторного процесса, а также его параметры и их изменения в жизнедеятельности определяются требованиями социального функционирования субъекта, спецификой профессиональной деятельности с опорой на субъектно-личностные особенности (Прохоров, Чернов, 2022).

Исследования, связанные с изучением влияния ментальных структур на психические состояния и их регуляцию, позволили установить ряд закономерностей такого влияния, подтверждающих наши концептуальные представления. В частности, установлено, что выбор способов регуляции зависит от личностного смысла (Прохоров, Мирзиев, 2004). Выявлена роль смысловых конструктов и ценностей в регуляции состояний студентов в различных ситуациях (учебной и внеучебной) деятельности (Мухрыгина, 2009). Закономерности влияния рефлексии на регуляцию состояний освещены в известных работах (Прохоров, Чернов, 2019; Takano & Tanno, 2009; Brown J. & Brown M., 2011). Установлена роль системы Я и субъективных ценностей в обеспечении внутренней самоорганизации и саморегуляции субъекта (Голубь, 2012; Berkman, Livingston & Kahn, 2017). Система Я рассматривается как экзистенциальное ядро личности, обеспечивающее ее внутреннюю самоорганизацию и саморегуляцию. Установлено,

что позитивное отношение к своему Я противодействует развитию профессионального выгорания (Водопьянова, Густелева, 2009). В исследованиях М.И. Карташевой (2022) выявлены закономерности влияния составляющих системы Я на регуляцию студентов во время экзаменов.

В то же время отметим, что фактически исследования влияния ментальных структур на психические состояния только начинают разворачиваться. Однако многие вопросы до сих пор не изучены: не исследованы особенности влияния структур сознания на психические состояния в повседневной и напряженной ситуациях жизнедеятельности и их взаимосвязь в этих влияниях, нет ясности в отношении динамики влияний, зависимости от длительности, особенностей перестройки этих отношений, совокупных влияний разных структур на состояния и их регуляцию и т.д.

Попытка ответить на часть из этих вопросов представлена в данном исследовании, целью которого являлось изучение влияния ментальных структур (смысловых, рефлексии, системы Я) на регуляцию психических состояний в повседневных (лекции, семинары) и напряженных ситуациях учебной деятельности (экзамены).

Организация и методика исследования

В исследовании приняли участие 80 студентов Казанского университета. Средний возраст – 19,5 лет.

На первом этапе исследования была выявлена выраженность ментальных структур респондентов: характеристики компонентов системы Я (самоотношения и глобального дифференциала Я), выраженность и направленность рефлексии, а также уровень смысло-жизненных ориентаций и ее составляющих. На следующем этапе, организованном непосредственно в ходе учебной деятельности, студентам было предложено описать собственные психические состояния и оценить эффективность саморегуляции на лекциях, семинарах и экзаменах.

Были использованы следующие методики.

Для изучения компонентов системы Я применялись:

1. Опросник «Глобальный дифференциал – Я» Н.А. Батурина и Е.В. Гудковой, позволяющий определить обобщенный уровень отношения к себе (Гудкова, 2010). Методика представляет собой семантический дифференциал, состоящий из 14 пар биполярных характеристик, и включает в себя, помимо интегрального показателя, когнитивный и аффективный компоненты.

2. Диагностика более дифференцированных аспектов системы Я студентов осуществлялась при помощи «Методики исследования самоотношения» (МИС) С.Р. Пантилеева (1993).

При определении уровня и направленности рефлексии использовались:

3. Опросник диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой (Карпов, Скитяева, 2005). Методика включает в себя шка-

лы для изучения общего уровня развития рефлексивности, а также коммуникативной, ретроспективной, актуальной и перспективной рефлексии.

4. Методика диагностики уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта (в адаптации А.В. Карпова), которая включает в себя шкалы ауторефлексии и социорефлексии (Карпов, Скитяева, 2005).

5. Методика диагностики рефлексивных процессов: распознавания, осознания и идентификации (Прохоров, Чернов, 2015), которая направлена на диагностику рефлексии образа психического состояния.

6. Методика диагностики онтогенетической рефлексии (Фетискин, 2002), направленная на изучение рефлексии прошлого опыта личности.

7. Для изучения осмысленности жизни применялась методика «Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)» Д.А. Леонтьева (2000), которая включает в себя общий показатель осмысленности жизни, а также пять субшкал, отражающих три смысложизненные ориентации (цели в жизни, процесс жизни, результат жизни) и два аспекта локуса контроля (локус контроля – Я и локус контроля – жизнь).

8. С целью изучения индивидуальной эффективности способов саморегуляции состояний и отдельных его составляющих в ходе учебной деятельности применялась методика А.О. Прохорова и А.Н. Назарова «Эффективность саморегуляции психических состояний» (2018).

Для выявления значимых взаимосвязей ментальных структур (видов рефлексии, составляющих системы Я, смысложизненных ориентаций) и их связи с эффективностью саморегуляции состояний был применен корреляционный анализ (метод Спирмена). Для установления ведущих структур сознания в системе ментальной регуляции в каждой форме учебной деятельности вычислялся индекс организованности структур (ИОС) (Карпов, 2004). Согласно данному методу анализа взаимосвязям на уровне ($p < 0,05$) присваивается 1 балл, на уровне ($p < 0,01$) – 2 балла, а на уровне ($p < 0,001$) – 3 балла. С целью установления влияния ментальных структур на эффективность саморегуляции психических состояний был использован однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), входящий в стандартную программу математико-статистического анализа данных SPSS Statistics 18.0.

Цель исследования – выявить влияние ментальных структур (видов рефлексии, составляющих системы Я, общего уровня смысло-жизненных ориентаций) на эффективность саморегуляции психических состояний студентов в ходе повседневных и напряженных форм учебной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования были установлены взаимосвязи составляющих системы Я с общим уровнем эффективности саморегуляции психических состояний в ходе различных по напряженности форм учебной деятельности (на лекции, семинаре и экзамене). Как показали исследования, характер взаимосвязей компонентов самоотношения и эффективности

саморегуляции состояний (табл. 1) различается: преобладают прямые корреляции, однако существуют и обратные (при негативных компонентах самоотношения). Компоненты системы Я имеют значимые взаимосвязи с показателями эффективности саморегуляции во всех ситуациях учебной деятельности, однако сила взаимосвязей уменьшается по мере увеличения напряженности учебной деятельности от лекции / семинара к экзамену. Было выдвинуто предположение о нелинейности связи исходя из полученных ранее результатов исследований ментальных структур (в том числе в ходе экзамена).

Таблица 1

Взаимосвязь между компонентами системы Я и общей эффективностью саморегуляции студентов в различных формах учебной деятельности

Компоненты системы Я	Эффективность саморегуляции		
	Лекция	Семинар	Экзамен
Коэффициент корреляции Спирмена			
Глобальное отношение к себе			
Интегральный показатель	0,430**	0,410**	0,253**
Когнитивный компонент	0,448**	0,431**	0,219*
Аффективный компонент	0,258**	0,269**	0,231**
Самоуважение			
Уверенность в себе	0,380**	0,424**	0,326**
Саморуководство	0,352**	0,312**	0,244**
Отражённое самоотношение	0,415**	0,474**	0,342**
Открытость	0,212*	0,295**	0,125
Аугосимпатия			
Самоценность	0,215*	0,314**	0,183*
Самопринятие	0,013	0,103	0,125
Самопривязанность	0,317**	0,338**	0,222*
Самоуничижение			
Внутренняя конфликтность	-0,276**	-0,358**	-0,184*
Самообвинение	-0,318**	-0,425**	-0,169
Среднее по компонентам	0,346**	0,374**	0,304**

* $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Полученные результаты свидетельствуют о значимой роли компонентов системы Я в саморегуляции психических состояний студентов. Основанием для такого заключения являются разные методики, используемые нами. Методики опираются на разные концепции, а специфика взаимосвязи указывает на неоднозначность отношений данных структур. Как видно из табл. 1, коэффициент корреляции ниже в случае напряженной ситуации учебной деятельности. Кроме того, не все компоненты самоотношения связаны с эффективностью саморегуляции. Это касается как компонентов глобального отношения к себе, так и составляющих самоотношения – самоуважения, аугосимпатии и самоуничижения. Позитивное отношение к себе и высокая самооценка способствуют повышению общей эффективности саморегуляции состояний студентов. Отметим, что показатели внутренней конфликтности и самообвинения отрицательно влияют на эффек-

тивность саморегуляции состояний независимо от формы учебной деятельности.

Далее были выделены ведущие компоненты системы Я, связанные с составляющими эффективности саморегуляции психических состояний, а также вычислен ИОС для каждой формы учебной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

ИОС взаимосвязи компонентов системы Я с эффективностью саморегуляции состояний в различных формах учебной деятельности

Компоненты системы Я	Лекция	Семинар	Экзамен
Открытость	9	9	0
Уверенность в себе	15	14	6
Саморуководство	13	10	4
Отражённое самоотношение	15	15	9
Самоценность	8	12	5
Самопринятие	0	0	1
Самопривязанность	11	13	2
Внутренняя конфликтность	9	13	1
Самообвинение	9	12	0
Интегральный показатель глобального дифференциала Я	15	13	2
Когнитивный компонент глобального дифференциала Я	15	14	1
Аффективный компонент глобального дифференциала Я	8	9	2
Итого	127	134	33
<i>Примечание.</i> Полу жирным шрифтом выделены ведущие компоненты системы Я в каждой форме учебной деятельности.			

Установлено, что составляющие системы Я в наибольшей степени связаны с эффективностью саморегуляции состояний в повседневных формах учебной деятельности, о чем свидетельствуют близкие значения индекса организованности структур. Отметим также, что ведущие структуры на лекциях и семинарах представлены компонентами уверенности в себе, отраженного самоотношения, а также когнитивным и интегральным показателями глобального дифференциала Я. Указанные компоненты самоотношения, наряду с самоценностью, значимы и в ситуации экзамена. Несколько более высокая роль самоотношения в эффективной саморегуляции состояний на семинаре обусловлена спецификой данной формы занятия (отметим, что рассматривается «типичный» вариант семинарского занятия), где большая роль отводится взаимодействию студентов друг с другом и преподавателем. Последнее в немалой степени сказывается на самоотношении студентов. Также надо отметить, что в случае внутренней конфликтности и самообвинения наблюдается обратное влияние на эффективность саморегуляции во всех формах учебной деятельности: высокие показатели вторичного фактора самоуничижения снижают эффективность управления состояниями.

Существенно меньшее число связей системы Я в напряженной ситуации экзамена, вероятно, связано с переживанием студентами ограниченного спектра неравновесных состояний (в основном волнение, тревога). То есть независимо от особенностей самоотношения практически каждый студент на экзамене переживает близкие по интенсивности и модальности состояния, что затрудняет возможность оценки роли различных компонентов самоотношения в регуляции состояний. По-видимому, здесь наибольшую роль играют другие ментальные составляющие: смысловые структуры и рефлексия.

С целью выделения ведущих структур системы Я с другими структурами сознания (рефлексия, смысловые структуры) был осуществлен анализ индекса организованности этих структур (табл. 3).

Таблица 3

**ИОС взаимосвязи компонентов
системы Я со смысловыми структурами и рефлексией**

Компоненты системы Я	Смысловые структуры	Рефлексия
Открытость	4	0
Уверенность в себе	15	10
Саморуководство	12	7
Отражённое самоотношение	9	11
Самоценность	12	8
Самопринятие	4	1
Самопривязанность	10	5
Внутренняя конфликтность	12	13
Самообвинение	14	9
Интегральный показатель глобального дифференциала Я	14	13
Когнитивный компонент глобального дифференциала Я	15	12
Аффективный компонент глобального дифференциала Я	10	7
<i>Примечание.</i> Полужирным шрифтом выделены наиболее высокие показатели ИОС.		

Как показано в таблице, практически все компоненты системы Я связаны с ментальными структурами – рефлексией и смысложизненными ориентациями. Однако существует определенная специфика этой взаимосвязи: смысловые структуры в большей степени коррелируют с показателями уверенности в себе и самообвинения, в то время как рефлексивные структуры – с отраженным самоотношением и внутренней конфликтностью. В обоих случаях ведущим является когнитивный компонент системы Я, а также интегральный показатель. При этом показатели открытости / замкнутости и самопринятия слабо связаны с остальными составляющими ментальной регуляции состояний.

Отдельно отметим, что ведущими смысловыми структурами в корреляционной плеяде выступают показатели цели и результативности жизни, а

также общий уровень смысложизненных ориентаций личности. Знак и сила корреляции свидетельствуют о связи данных показателей с позитивным самоотношением и рефлексией у учащихся, независимо от формы учебной деятельности. В свою очередь, среди рефлексивных структур следует выделить значимую роль онтогенетической рефлексии, идентификации (рефлексии) состояний, а также общего уровня рефлексивности студентов. Так же, как и в случае с отрицательными составляющими системы Я (самообвинение и внутренняя конфликтность), показатель рефлексии прошлого опыта имеет отрицательные связи с другими компонентами ментальной регуляции состояний (смысложизненными ориентациями и самоотношением личности).

С целью установления взаимного влияния смысловых структур (смысложизненных ориентаций, рефлексии, системы Я) на эффективность саморегуляции психических состояний был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Было показано, что эффективность саморегуляции состояний различна при разных по напряженности формах учебной деятельности (лекция, семинар, экзамен). Различия эти обусловлены выраженностью ментальных структур (рефлексии, смысложизненных ориентаций, самоотношения). Анализ показал, что существует специфика такого влияния, зависящая от напряженности форм учебной деятельности. Так, в повседневных формах обучения (семинар и лекция) обнаружено влияние совокупности показателей смысложизненных ориентаций, самооценности личности и онтогенетической рефлексии на эффективность саморегуляции психических состояний. Как показано в табл. 4, представленная модель значима на уровне $p \leq 0,010$, а взаимодействие всех трех указанных переменных влияет на эффективность саморегуляции психических состояний в повседневной ситуации учебной деятельности на уровне $p \leq 0,007$.

В качестве иллюстрации рассмотрим влияние уровня рефлексии прошлого опыта и смысложизненных ориентаций на эффективность саморегуляции состояний при разном уровне самооценности личности (рис. 1).

На рисунке показано, что эффективность саморегуляции состояний студентов в повседневных формах обучения в целом выше в случае ощущения высокой ценности собственной личности и возможной ценности Я для других. Отметим, что наибольшая эффективность саморегуляции достигается в случае сочетания высокого уровня смысложизненных ориентаций и онтогенетической рефлексии студентов. И наоборот, низкая осмысленность жизни, сопровождающаяся высокой рефлексией прошлого опыта, приводит к значительному снижению субъективной успешности саморегуляции состояний.

По-видимому, отсутствие жизненных ориентиров при глубокой рефлексии у студентов приводит лишь к «зацикливанию» на прошлом опыте и не дает возможности эффективно управлять собственными состояниями. У студентов с низкой самооценностью личности подобная картина наблюдается при высоком уровне рефлексии независимо от выраженности общей осмысленности жизни.

Таблица 4

Влияние ментальных структур на эффективность саморегуляции психических состояний в повседневных формах учебной деятельности (семинар / лекция)

Источник изменчивости	Сумма квадратов	Степень свободы (df)	Средний квадрат (MS)	Значение F-критерия	p-уровень
Модельный	8732,04	7	1247,434	2,94	0,010
Смысловые структуры	383,347	1	383,347	0,90	0,346
Рефлексия	1585,650	1	1585,650	3,73	0,058
Самоотношение (самоценность)	2593,540	1	2593,540	6,10	0,016
Смысловые структуры *Рефлексия	16,705	1	16,705	0,04	0,843
Смысловые структуры *Самоотношение	485,960	1	485,960	1,14	0,289
Рефлексия *Самоотношение	189,515	1	189,515	0,45	0,507
Смысловые структуры *Рефлексия *Самоотношение	3335,253	1	3335,253	7,85	0,007

Примечания. Здесь и далее в столбце «Источник изменчивости» показаны ментальные структуры, влияющие на показатель эффективности саморегуляции состояний; в строке «Модельный» – значимость полученной модели дисперсионного анализа.
*Показатель взаимодействия переменных.

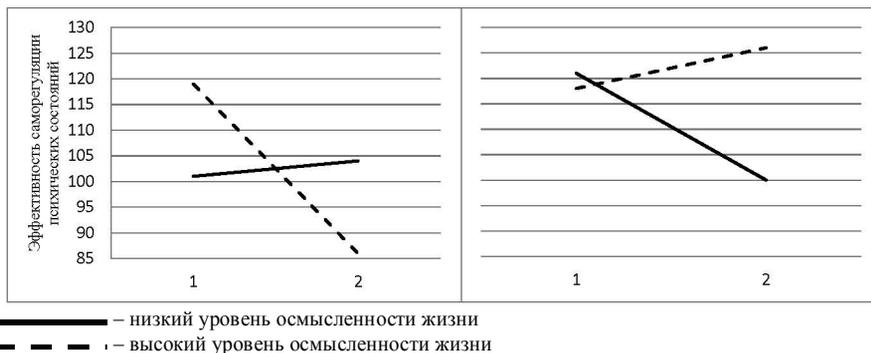

Рис. 1. Влияние ментальных структур на эффективность саморегуляции психических состояний в повседневных формах учебной деятельности:

1 – низкая рефлексия прошлого опыта; 2 – высокая рефлексия прошлого опыта.

Слева на рисунке представлено влияние рефлексии и смысложизненных ориентаций на эффективность саморегуляции состояний при низком уровне самооценности, справа – при высоком

Низкая онтогенетическая рефлексия в сочетании с таким же уровнем самооценности будет способствовать высокой эффективности саморегуля-

ции лишь при высоких показателях осмысленности жизни. Отдельно отметим, что студентам с высокой осмысленностью жизни и глубокой рефлексией прошлого опыта свойственно хуже других справляться с негативными состояниями на занятиях. Высокая онтогенетическая рефлексия здесь выступает в качестве негативного фактора саморегуляции, однако в случае высокой ценности собственного Я и осмысленности жизни может благоприятно влиять на процесс регуляции, усиливая их взаимодействие.

В напряженной ситуации экзамена картина взаимодействия ментальных структур иная. Здесь на первый план выходят показатели внутренней конфликтности, рефлексии состояний и смысложизненных ориентаций личности. Как показано в табл. 5, представленная модель значима на уровне $p \leq 0,005$. Установлено, что влияние отдельных переменных не достигает требуемого уровня значимости, в то время как их взаимодействие влияет на эффективность саморегуляции психических состояний на экзамене на уровне $p \leq 0,029$.

Таблица 5

Влияние ментальных структур на эффективность саморегуляции психических состояний в ходе экзамена

Источник изменчивости	Сумма квадратов	Степень свободы (df)	Средний квадрат (MS)	Значение F-критерия	P-уровень
Модельный	14 503,125	7	2071,875	3,160	0,005
Смысловые структуры	583,740	1	583,740	0,890	0,348
Самоотношение (Внутренняя конфликтность)	1 086,112	1	1086,112	1,657	0,201
Рефлексия	595,946	1	595,946	0,909	0,343
Смысловые структуры *Самоотношение	833,108	1	833,108	1,271	0,263
Смысловые структуры *Рефлексия	2 576,843	1	2576,843	3,930	0,051
Самоотношение *Рефлексия	104,684	1	104,684	0,160	0,690
Смысловые структуры *Самоотношение *Рефлексия	3 245,959	1	3245,959	4,951	0,029
*Показатель взаимодействия переменных.					

На рис. 2 представлены диаграммы, отражающие эффективность саморегуляции психических состояний у студентов с низким и высоким уровнем внутренней конфликтности при различном уровне рефлексии состояний и осмысленности жизни. Выявлено, что в целом у студентов с высоким уровнем внутренней конфликтности показатели эффективности саморегуляции ниже, однако по мере роста уровня рефлексии состояния и

осмысленности жизни ее эффективность возрастает. То есть в случае высокой внутренней конфликтности личности способность к рефлексии состояний и высокая осмысленность жизни студентов выступают модераторами повышения эффективности саморегуляции состояний.

Иная картина наблюдается при низкой внутренней конфликтности: здесь сочетание высокого уровня рефлексии состояний и смысложизненных ориентаций способствует наиболее эффективной регуляции состояний. Близкие показатели обнаружены для взаимодействия низких показателей указанных переменных. Вероятно, это связано с тем, что такие студенты не в полной мере осознают себя, свои цели в жизни и не склонны дифференцировать эффективность процесса саморегуляции состояний (видят мир в ярком цвете, независимо от особенностей окружающей действительности). Отметим также низкую эффективность саморегуляции состояний на экзамене у высокорефлексивных студентов с низкой осмысленностью жизни и у низкорефлексивных с высокими смысложизненными ориентациями. Здесь высокая рефлексия собственного состояния в сочетании с осмысленностью жизни позитивно влияет на эффективность его регуляции, выступает важным механизмом осознания состояния, его несоответствия текущей ситуации и деятельности в целом (рис. 2).

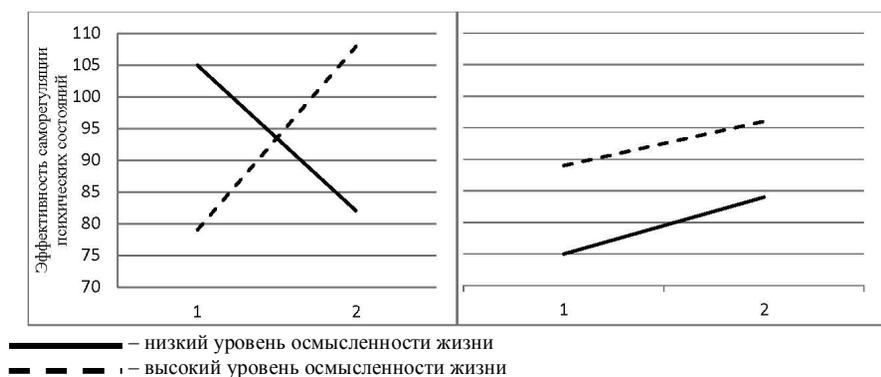

Рис. 2. Влияние ментальных структур на эффективность саморегуляции психических состояний во время экзамена: 1 – низкая рефлексия состояний; 2 – высокая рефлексия состояний. Слева на рисунке представлено влияние рефлексии и смысложизненных ориентаций на эффективность саморегуляции состояний при низком уровне внутренней конфликтности, справа – при высоком

Заметим, что эффективность саморегуляции состояний в повседневных ситуациях учебной деятельности у студентов выше, нежели на экзамене, что связано с более низкой напряженностью данной формы учебной деятельности. Следует отметить, что система Я значимо влияет на эффективность саморегуляции состояний студентов в различных по напряженности формах учебной деятельности. Данное влияние зависит от выраженности конкретного компонента системы Я, уровня и направленности рефлексии, а также сформированности смысложизненных ориентаций студентов.

Заключение

1. Установлено влияние ментальных структур (смысловых, рефлексивных, системы Я) на саморегуляцию психических состояний студентов: эти влияния дифференцируются в зависимости от форм учебной деятельности. Выявлены различия в обусловленности регуляции разными структурами сознания: каждая структура характеризуется спецификой воздействия на регуляторный процесс. В такой структуре, возникающей в процессе саморегуляции, ментальные характеристики сочетаются различными взаимосвязями между собой, последние могут быть как линейными, так и нелинейными, что отражается в специфике влияния на саморегуляцию. Взаимодействия между структурами сознания в процессе саморегуляции состояний определяются характером форм и напряженностью ситуаций учебной деятельности.

2. Системы Я и ее компоненты связаны с показателями эффективности саморегуляции психических состояний студентов во всех формах учебной деятельности, причем значимость связей растет по мере уменьшения напряженности обучения. Общее позитивное отношение к себе, высокие значения самоуважения и аутосимпатии способствуют продуктивной регуляции состояний, в то время как высокие показатели самоуничтожения снижают эффективность управления состояниями у студентов.

3. Выявлено, что смысловые структуры разнонаправленно связаны с уверенностью в себе и самообвинением у студентов. Рефлексивные структуры, в свою очередь, взаимосвязаны с отраженным самоотношением и внутренней конфликтностью личности. Ведущими смысловыми структурами, помимо общей осмысленности жизни, выступают показатели целей и результативности жизни. Среди рефлексивных структур значима роль онтогенетической рефлексии, рефлексии состояний, а также общего уровня рефлексивности студентов.

4. Установлено, что наибольшая эффективность саморегуляции психических состояний в повседневных формах обучения достигается в случае сочетания высокого уровня осмысленности жизни, рефлексии прошлого опыта и самооценности студентов. И наоборот, низкая осмысленность жизни, сопровождающаяся высокой рефлексией прошлого опыта, приводит к значительному снижению субъективной успешности саморегуляции состояний.

5. В напряженной ситуации экзамена эффективность саморегуляции состояний у студентов ниже. Здесь на первый план выходят уровень внутренней конфликтности, рефлексии состояний и общей осмысленности жизни. У студентов с высокой выраженностью внутренней конфликтности эффективность саморегуляции состояний ниже, однако по мере роста уровня рефлексии состояния и осмысленности жизни она возрастает. При низкой внутренней конфликтности наиболее эффективной регуляции состояний способствует сочетание высокого уровня рефлексии состояний и смысложизненных ориентаций.

Литература

- Водопьянова, Н. Е., Густелева, А. Н. (2009). Смысложизненные ориентации и актуальные смысловые состояния, препятствующие синдрому выгорания. В сб.: *Психология психических состояний. Вып. 6*, 315–342. Казань: Отечество.
- Голубь, О. В. (2012). Я-концепция как экзистенциальное ядро личности, обеспечивающее ее внутреннюю самоорганизацию и саморегуляцию. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки*, 1(3), 94–100.
- Гудкова, Е. В. (2010). *Глобальные отношения личности к себе и к миру* (кандидатская диссертация). Южно-Уральский государственный университет, Челябинск.
- Дикая, Л. Г. (2003). *Психическая саморегуляция функционального состояния*. М.: Институт психологии РАН.
- Карпов, А. В. (2004). *Психология рефлексивных механизмов деятельности*. М.: Институт психологии РАН.
- Карпов, А. В., Скитяева, И. М. (2005). *Психология метакогнитивных процессов личности*. М.: Институт психологии РАН.
- Карташева, М. И. (2022). Роль системы «Я» в структуре ментальной регуляции психических состояний в процессе учебной деятельности. *Ярославский педагогический вестник*, 124(1), 162–174. doi: 10.20323/1813-145X-2022-1-124-162-174
- Леонова, А. Б. (2007). Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний человека. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 87–104.
- Леонова, А. Б. (2020). Системная методология анализа механизмов регуляции функциональных состояний работающего человека. В кн.: Ю. П. Зинченко, В. И. Моросанова (ред.). *Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени* (с. 37–65). СПб.: Нестор-История.
- Леонтьев, Д. А. (2000). *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. 2-е изд. М.: Смысл.
- Моросанова, В. И. (2020). Развитие ресурсного подхода к исследованию осознанной саморегуляции достижения целей и саморазвития человека. В кн.: Ю. П. Зинченко, В. И. Моросанова (ред.). *Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени* (с. 11–37). СПб.: Нестор-История.
- Мухрыгина, О. И. (2009). Смысловая саморегуляция психических состояний студентов вузов в специфике связей ценностей и потребностей. В сб.: А. О. Прохоров (ред.). *Психология психических состояний. Вып. 6* (с. 464–473). Казань: Отечество.
- Назаров, А. Н., Прохоров, А. О. (2018). Методика изучения эффективности саморегуляции психических состояний. В сб.: Б. С. Алишев, А. О. Прохоров, А. В. Чернов (ред.). *Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы Третьей международной научной конференции* (с. 361–364). Казань: Казанский федеральный университет.
- Пантилеев, С. Р. (1993). *Методика исследования самоотношения*. М.: Смысл.
- Прохоров, А. О. (2005). *Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности*. М.: ПЕР СЕ.
- Прохоров, А. О. (2017). Саморегуляция психических состояний в повседневной, обыденной жизнедеятельности человека. *Психологические исследования*, 10(56). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.07.2022). doi: 10.54359/ps.v10i56.341
- Прохоров, А. О. (2020). Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта. *Психологический журнал*, 41(1), 5–18. doi: 10.31857/S020595920007852-3
- Прохоров, А. О., Мирзиев, И. Х. (2004). Влияние личностного смысла на регуляцию состояний. В А. О. Прохоров (ред.), *Психология психических состояний. Сборник статей. Вып. 5* (с. 123–141). Казань: Центр инновационных технологий.

- Прохоров, А. О., Чернов, А. В. (2015). Методика диагностики рефлексивных процессов: распознавания, осознания и идентификации. В сб.: А. В. Артищева (ред.). *Психология психических состояний: материалы 9-й Международной зимней школы по психологии состояний* (с. 122–126). Казань: Казанский федеральный университет.
- Прохоров, А. О., Чернов, А. В. (2019). *Рефлексивная регуляция психических состояний. (Экспериментальные исследования)*. М.: Институт психологии РАН.
- Прохоров, А. О., Чернов, А. В. (2022). Становление системы ментальной регуляции психических состояний студентов в процессе обучения в вузе. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 15(1), 101–121. doi: 10.24412/2073-0861-2022-1-101-121
- Прохоров, А. О., Юсупов, М. Г. (2011). Методика измерения психического состояния в учебной деятельности студентов (краткий вариант). В сб.: А. О. Прохоров (ред.). *Психология психических состояний. Вып. 8* (с. 277–288). Казань: Казанский университет.
- Сергиенко, Е. А. (2018). Контроль поведения как основа саморегуляции. *Южно-российский журнал социальных наук*, 19(4), 130–146. doi: 10.31429/26190567-19-4-130-146
- Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. М.: Издательство Института Психотерапии.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 04.08.2022 г.; повторно 21.08.2022 г.; принята 27.10.2022 г.

Прохоров Александр Октябрьнович – профессор кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: alprokhor1011@gmail.com

Чернов Альберт Валентинович – доцент кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: albertprofit@mail.ru

Карташева Мадина Ильгизовна – аспирант кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: madin-ka@mail.ru

For citation: Prokhorov, A. O., Chernov, A. V., Kartasheva, M. I. (2022). The Influence of Mental Structures on the Efficiency of Self-Regulation of Mental States in Students' Learning Activities: *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 86, 66–83. In Russian. English Summary. doi:10.17223/17267080/86/4

The Influence of Mental Structures on the Efficiency of Self-Regulation of Mental States in Students' Learning Activities¹

A.O. Prokhorov¹, A.V. Chernov¹, M.I. Kartasheva¹

¹ *Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya str, Kazan, 420008, Russian Federation*

Abstract

The article presents a study of the psychological mechanisms of mental states regulation. Considered the main theoretical approaches, among which the emphasis is on the system-

¹ The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-013-00076.

functional paradigm of self-regulation of psychological states as a class of mental phenomena. Within the framework of this approach, a hierarchical system of regulation of mental states is implemented, the leading level of which is mental structures. The aim of the research is to study the peculiarities of the mental structures (semantic, reflection, the self-system) influence on the regulation of mental states in everyday (lectures, seminars) and stressful situations of activity (exams). The study involved second-year students of the Institute of Psychology and Education of the Kazan Federal University. At the first stage of the study, we identified the features of the mental structures of the respondents: the characteristics of the components of the self-system, the severity and direction of reflection, as well as the level of meaning-life orientations and its components. At the second stage, students were asked to describe their own mental states and evaluate the effectiveness of their self-regulation during lectures, seminars and exams. Various methods to study semantic structures, reflection, the self-system, and self-regulation were used. It was established that the influence of individual mental structures and their combinations on the self-regulation of students' mental states was differentiated depending on the forms and intensity of educational activity. It was shown that the relations between structures were characterized by linear and non-linear dependencies in the process of self-regulation of states. It was also shown that the greatest efficiency of mental states self-regulation in everyday forms of education was achieved in the case of the interaction of a high level of life meaningfulness, reflection of past experience and self-worth of students. In a stressful exam situation, the most effective regulation of states was facilitated by a combination of a high level of mental states reflection and meaningful life orientations with low internal conflict of students.

Keywords: mental state; self-regulation; self-system; reflection; semantic structures; educational activity.

References

- Baumeister, R.F. (2014). Self-regulation, ego depletion, and inhibition. *Neuropsychologia*, 65, 313–319. doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2014.08.012
- Berkman, E.T., Livingston, J.L., & Kahn, L.E. (2017). Finding The “Self” in Self-Regulation: The Identity-Value Model. *Psychological Inquiry*, 28(2–3), 77–98. doi: 10.1080/1047840X.2017.1323463
- Brown, J., & Brown, M. (2011). Self-reflection and feelings of self-worth: When Rosenberg meets Heisenberg. *Journal of Experimental Social Psychology*, 47, 1269–1275. doi: 10.1016/J.JESP.2011.05.019
- Burman, J.T., Green, C.D., & Shanker, S. (2015). On the Meanings of Self-Regulation: Digital Humanities in Service of Conceptual Clarity. *Child Development*, 86(5), 1507–1521. doi: 10.1111/cdev.12395.
- Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V., & Manuylov, G.M. (2002). *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Institute of Psychotherapy.
- Golub, O.V. (2012). Ya-kontseptsiya kak ekzistentsial'noe yadro lichnosti, obespechivayushchee ee vnutrennyuyu samoorganizatsiyu i samoregulyatsiyu [Self-concept as an existential core of the personality, providing its internal self-organization and self-regulation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11: Estestvennye nauki*, 1(3), 94–100.
- Gudkova, E.V. (2010). *Global'nye otnosheniya lichnosti k sebe i k miru* [Global relations of the individual to himself and to the world] (Cand. Diss.). South Ural State University, Chelyabinsk.
- Dikaya, L.G. (2003). *Psikhicheskaya samoregulyatsiya funktsional'nogo sostoyaniya* [Mental self-regulation of the functional state]. Moscow: In-stitut psikhologii RAN.

- Karpov, A. V. (2004). *Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatel'nosti* [Psychology of activity reflexive mechanisms]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
- Karpov, A.V., & Skityaeva, I.M. (2005). *Psikhologiya metakognitivnykh protsessov lichno-sti* [Psychology of metacognitive processes of personality]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
- Kartasheva, M.I. (2022). Rol' sistemy "Ya" v strukture mental'noy regulyatsii psikhicheskikh sostoyaniy v protsesse uchebnoy deyatel'nosti [The role of the "I" system in the structure of mental regulation of mental states in the process of learning activities]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 124(1), 162–174. doi: 10.20323/1813-145X-2022-1-124-162-174
- Klosowska, J., Verbeken, S., Braet, C., Wijnant, K., Debeuf, T., De Henauw, S., & Michels, N. (2020). The Moderating Role of Emotion Regulation in the Association Between Stressors With Psychological and Biological Measures in Adolescence. *Psychosomatic medicine*, 82(5), 495–507. doi: 10.1097/PSY.0000000000000804
- Leonova, A.B. (2007). Strukturno-integrativnyy podkhod k analizu funktsional'nykh sostoyaniy cheloveka [Structural-integrative approach to the analysis of human functional states]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 87–104.
- Leonova, A.B. (2020). Sistemnaya metodologiya analiza mekhanizmov regulyatsii funktsional'nykh sostoyaniy rabotayushchego cheloveka [System methodology for analyzing the mechanisms of regulation of the functional states of a working person]. In Yu.P. Zinchenko, V.I. Morosanova (Eds.), *Psikhologiya samoregulyatsii: evolyutsiya podkhodov i vyzovy vremeni* [Psychology of self-regulation: Evolution of approaches and challenges of the time] (pp. 37–65). St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Leontiev, D.A. (2000). *Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZHO)* [Life Meaning Orientation Test]. (2nd ed.). Moscow: Smysl.
- Morosanova, V.I. (2020). Razvitiye resursnogo podkhoda k issledovaniyu osoznannoy samoregulyatsii dostizheniya tseye i samorazvitiya cheloveka [Development of a resource approach to the study of conscious self-regulation of achieving goals and self-development of a person]. In Yu.P. Zinchenko, V.I. Morosanova (Eds.), *Psikhologiya samoregulyatsii: evolyutsiya podkhodov i vyzovy vremeni* [Psychology of self-regulation: Evolution of approaches and challenges of the time] (pp. 11–37). St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Mukhr'ygina, O.I. (2009). Smyslovaya samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy studentov vuzov v spetsifike svyazey tsennostey i potrebnostey [Semantic self-regulation of the mental states of university students in the specifics of the relationship of values and needs]. In A.O. Prokhorov (Ed.), *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy* [Psychology of mental states] (Vol. 6, pp. 464–473). Kazan: Otechestvo.
- Nazarov, A.N., & Prokhorov, A.O. (2018). Metodika izucheniya effektivnosti samoregulyatsii psikhicheskikh sostoyaniy [Methodology for studying the effectiveness of self-regulation of mental states]. In B.S. Alishev, A.O. Prokhorov, A.V. Chernov (Eds.), *Psikhologiya sostoyaniy cheloveka: aktual'nye teoreticheskie i prikladnye problem* [Psychology of Human States: Actual Theoretical and Applied Problems] (pp. 361–364). Kazan: Kazan Federal University.
- Pantileev, S.R. (1993). *Metodika issledovaniya samootnosheniya* [Methodology for the study of self-attitude]. Moscow: Smysl.
- Prokhorov, A.O. (2005). *Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniya: fenomenologiya, mekhanizmy, zakonomernosti* [Self-regulation of mental states: phenomenology, mechanisms, patterns]. Moscow: PER SE.
- Prokhorov, A.O. (2017). Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy v povsednevnoy, obydennoy zhiznedeyatel'nosti cheloveka [Self-regulation of mental states in everyday, everyday life of a person]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 10(56). Retrieved from: <http://psystudy.ru> (Accessed: 25 July 2022). doi: 10.54359/ps.v10i56.341
- Prokhorov, A.O. (2020). Strukturno-funktsional'naya model' mental'noy regulyatsii psikhicheskikh sostoyaniy sub"ekta [Structural-functional model of mental regulation of mental states of the subject]. *Psikhologicheskiy zhurnal*, 41(1), 5–18. doi: 10.31857/S020595920007852-3

- Prokhorov, A.O., & Mirziev, I.Kh. (2004). Vliyanie lichnostnogo smysla na regulyatsiyu sostoyaniy [The influence of personal meaning on the regulation of states]. In A.O. Prokhorov (Ed.), *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy* [Psychology of Mental States] (Vol. 5 pp. 123–141). Kazan: Center for Innovative Technologies.
- Prokhorov, A.O., & Chernov, A.V. (2015). Metodika diagnostiki reflektivnykh protsessov: raspoznavaniya, ooznaniya i identifikatsii [Methods for diagnosing reflexive processes: recognition, awareness and identification]. In A.V. Artishcheva (Ed.), *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy* [Psychology of Mental States] (pp. 122–126). Kazan: Kazan Federal University.
- Prokhorov, A.O., & Chernov, A.V. (2019). *Refleksivnaya regulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy. (Eksperimental'nye issledovaniya)* [Reflexive regulation of mental states. (Experimental studies)]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
- Prokhorov, A.O., & Chernov, A.V. (2022). Stanovlenie sistemy mental'noy regulyatsii psikhicheskikh sostoyaniy studentov v protsesse obucheniya v vuze [Formation of the system of mental regulation of the students' mental states in the process of studying at the university]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya – Journal of Theoretical and Experimental Psychology*, 15(1), 101–121. doi: 10.24412/2073-0861-2022-1-101-121
- Prokhorov, A.O., & Yusupov, M.G. (2011). Metodika izmereniya psikhicheskogo sostoyaniya v uchebnoy deyatelnosti studentov (kratkiy variant) [Methodology for measuring the mental state in the educational activities of students (an abridged version)]. In A.O. Prokhorov (Ed.), *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy* [Psychology of Mental States] (Vol. 8, pp. 277–288). Kazan: Kazan Federal University.
- Schmeichel, B.J., & Baumeister, R.F. (2004). Self-regulatory strength. In R.F. Baumeister & K.D. Vohs (Eds.), *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications*, 84–98. New York: Guilford.
- Sergienko, E.A. (2018). Kontrol' povedeniya kak osnova samoregulyatsii [Control of behavior as the basis of self-regulation]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 19(4), 130–146. doi: 10.31429/26190567-19-4-130-146
- Takano, K., & Tanno, Y. (2009). Self-rumination, self-reflection, and depression: Self-rumination counteracts the adaptive effect of self-reflection. *Behaviour Research and Therapy*, 47(3), 260–264. doi:10.1016/j.brat.2008.12.008
- Verzeletti, C., Zammuner, V.L., Galli, C., Agnoli, S., & Duregger, C. (2016). Emotion regulation strategies and psychosocial well-being in adolescence. *Cogent Psychology*, 3(1). doi: 10.1080/23311908.2016.1199294
- Vodopyanova, N.E., & Gusteleva, A.N. (2009). Smyslozhiznennyye orientatsii i aktual'nye smyslovye sostoyaniya, prep'yatstvuyushchie sindromu vygoraniya [Meaningful life orientations and actual semantic states that prevent burnout syndrome]. In A.O. Prokhorov (Ed.), *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy* [Psychology of mental states] (Vol. 6, pp. 315–342). Kazan: Otechestvo.
- Vohs, K., & Heatherton, T. (2000). Self-Regulatory Failure: A Resource-Depletion Approach. *Psychological Science*, 11(3), 249–254. doi: 10.1111/1467-9280.00250

Received 04.08.2022; Revised 21.08.2022; Accepted 27.10.2022

Alexander O. Prokhorov – Professor, Department of General Psychology, Kazan Federal University, D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: alprokhor1011@gmail.com

Albert V. Chernov – Associate Professor, Department of General Psychology, Kazan Federal University, Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: albertprofit@mail.ru

Madina I. Kartasheva – Post-graduate student, Department of General Psychology of the Kazan Federal University.

E-mail: madin-ka@mail.ru

УДК 159.922.6

ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПОЗДНЕМ ОНТОГЕНЕЗЕ¹

Н.С. Павлова¹

¹Институт психологии Российской академии наук, 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1

Резюме

В настоящее время высокую актуальность приобретает проблема поиска способов позитивного / оптимального функционирования личности. Особенно важно это становится на поздних этапах онтогенеза.

В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого являлось изучение особенностей субъективного благополучия и качества жизни, связанного со здоровьем, людей 49–93 лет, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания. Общая выборка (N = 155) анализируется в подгруппах в зависимости от пола, возраста (49–64 года; 65–74 года; 75–93 года) и объективного состояния здоровья (группа инвалидности или её отсутствие). Использовались методики: опросник SF-36 «Health status survey», «Шкала удовлетворенности жизнью» E. Diener, «Шкала субъективного счастья» S. Lyubomirsky.

Показано, что субъективные оценки здоровья людей позднего возраста, проживающих в учреждениях социального обслуживания, находятся на довольно низком уровне и характеризуются неоднородностью, при этом уровень субъективного благополучия соответствует среднему интервалу. Качество жизни, связанное со здоровьем, удовлетворённость жизнью, а также субъективное счастье сопряжены между собой. Мужчины выше, чем женщины, оценивают своё здоровье по всем показателям. С увеличением возраста качество жизни, связанное со здоровьем, снижается (кроме показателя «Физическое функционирование (PF)»). При этом существуют половые различия в динамике. Самооценка здоровья не имеет сопряжённости с объективным состоянием соматического здоровья, кроме показателя «физическое функционирование (PF)». Удовлетворённость жизнью и субъективное счастье не имеют взаимосвязей с хронологическим возрастом. Объективное состояние здоровья не отражается на удовлетворённости жизнью, но сказывается на субъективном счастье. Наличие дефицитарных аспектов (высокие значения хронологического возраста и I группа инвалидности) связано с увеличением числа взаимосвязей между субъективным благополучием и показателями качества жизни.

Люди с разными объективными и субъективными оценками здоровья чувствуют себя счастливыми и удовлетворены своей жизнью. Это, по нашему мнению, обеспечивается опорой на внутриличностные ресурсы.

Исследование вносит вклад в формирование представления о процессе старения как периоде развития и о субъективных ресурсах благополучного старения.

¹ Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2022-0005 «Онто- и субъектогенез психического развития человека в разных жизненных ситуациях».

Ключевые слова: благополучное старение; качество жизни; физическое здоровье; психологическое здоровье; самооценка здоровья; субъективное благополучие; пожилой возраст; старческий возраст; поздний онтогенез

Введение

В настоящее время высокую актуальность и социальную значимость приобретает проблема поиска способов позитивного (Лактионова, Матюшина, 2018) / оптимального (Савченко, Головина, 2019) функционирования личности. Несмотря на ряд сложностей, связанных с большим количеством синонимичных понятий (психологическое благополучие, субъективное благополучие, счастье, удовлетворённость жизнью, качество жизни, психологическое здоровье, и др.) и разнообразием их дефиниций, можно выделить общий вектор – поиск способов улучшения жизни человека (Лактионова, Матюшина, 2018). Особое значение это приобретает на поздних этапах онтогенеза.

Отмечается рост числа исследований в сфере благополучного старения. Изучаются различные аспекты, влияющие на уровень благополучия и качества жизни в позднем онтогенезе. Например, А.А. Нестерова и С.М. Жучкова (2018) на основе факторного анализа описывают особенности социально-психологических детерминант удовлетворённости жизнью людей пожилого и старческого возраста.

Исследуется социальная включённость как один из важнейших предикторов благополучия в позднем онтогенезе. В работе Н. Litwin, S. Shiovitz-Ezra (2006) как аспект неформальной деятельности изучалось *качество социальных отношений* («social relationship quality»), выступающее наиболее влиятельной переменной в связи между активностью и благополучием. Результаты эмпирического исследования показали, что предиктором благополучного старения является именно качество социальных отношений, а не участие в деятельности как таковое. Исследования испанских ученых (Hernandis, Martinez, 2005) продемонстрировали индивидуальный характер потребности в социальной включённости, важность межпоколенных, романтических и сексуальных отношений для субъективного благополучия в позднем онтогенезе (Стрижицкая, Хункос-Рабдан, 2014).

Важными составляющими удовлетворённости жизнью в возрасте 50–77 лет также являются устойчивость к негативным эмоциям и воздействиям. Совладание с отрицательными воздействиями и эмоциями может создавать ощущение собственной компетентности и некоторой степени контроля над ситуацией в позднем возрасте (Стрижицкая, 2017).

Ряд исследований посвящён проблемам смысла в позднем онтогенезе. Так, Н.С. Пряжников (2017) подчёркивает, что удовлетворённость жизнью людей позднего возраста зависит от разных факторов, но обязательным условием является их объединённость общим жизненным смыслом: «Ради чего я живу?», «Удалось ли осуществить задуманное, желаемое?». Л.В. Сенкевич, А.Б. Шагидаева (2017) отмечают, что в позднем онтогенезе

смысл жизни, опирающийся на систему ценностей и нравственных принципов, является медиатором психологического благополучия и жизненного оптимизма. Т.Ф. Суслова и М.Ф. Жучкова (2014) изучают взаимосвязь удовлетворённости жизнью и смысловых ориентаций. Показано, что на этапе позднего онтогенеза у людей с высоким уровнем удовлетворённости жизнью (по сравнению с людьми с низким уровнем) выше уровень осмысленности жизни и ниже показатели внутриличностных конфликтов в ценностно-смысловой сфере. По результатам эмпирического исследования Т.А. Попова (2019) сделала вывод о том, что ценность жизни, ее смыслы и интернальность локуса контроля могут выступать личностным ресурсом благополучного старения.

Большой интерес вызывает вклад отношения к своему здоровью в психологическое благополучие на поздних этапах онтогенеза. В нашем предыдущем исследовании (Павлова, Сергиенко, 2020; Pavlova, Sergienko, 2021) показано, что, несмотря на довольно низкие показатели самооценки здоровья, уровень психологического благополучия соответствует высокому и среднему интервалам ($N = 48$, возраст 58–93 лет, г. Москва). На основе этих наблюдений был сделан вывод о множественных вариантах благополучного старения, что обеспечивается опорой на внутренние ресурсы личности. Однако остались вопросы относительно возрастной динамики изучаемых переменных, половых различий, а также соотношения объективной и субъективной оценок здоровья. В этой связи работа была продолжена. В данном исследовании значительно увеличена выборка респондентов из числа людей, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания Ульяновской области; кроме того, мы рассматриваем новые переменные. В этой статье будут отражены результаты изучения субъективного благополучия и показателей качества жизни, связанных со здоровьем.

Уже было отмечено существование множества подходов к определению благополучия человека. Цель нашей работы не заключается в соотношении теоретических концепций и понятий. Это отдельная проблема и направление психологических исследований (см.: Воронина, 2005; Карапетян, 2017; Лактионова, Матюшина, 2018; Леонтьев, 2020; Манукян, Трошихина, 2016; Савченко, Головина, 2019 и др.). В данной работе, отталкиваясь от психодиагностического инструментария, мы опираемся на тот подход и те определения, на которых базируются выбранные методики. В предыдущем исследовании мы опирались на подход и методику «Шкалы психологического благополучия» С.Д. Ryff (Шевеленкова, Фесенко, 2005; Ryff, Keyes, 1995). Для актуального исследования были отобраны методы экспресс-диагностики, чтобы иметь возможность диагностировать благополучие человека и изучить другие переменные: контроль поведения и отношение ко времени (временная перспектива и субъективный возраст).

Мы будем опираться на концепцию субъективного благополучия Е. Diener (Diener, 1984). Согласно Е. Diener, субъективное благополучие включает такие аспекты, как когнитивная оценка удовлетворённости жизнью, эмоциональная составляющая (низкий уровень отрицательных эмо-

ций и высокий уровень положительных эмоций). «Наиболее распространенные методы прямого измерения субъективного благополучия, которые при очень простой структуре имеют хорошие психометрические показатели, – это шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (Diener et al., 1985) и шкала субъективного счастья С. Любомирски (Lyubomirsky, Lepper, 1999). Первая методика в несколько большей степени отражает рефлексивно-оценочные компоненты субъективного благополучия, а вторая – его эмоционально-чувственные компоненты» (Осин, Леонтьев, 2020, с. 120).

Рассмотрим междисциплинарное и многомерное понятие «качество жизни» (Савченко, Головина, 2019). Мы исследовали лишь один из его аспектов – качество жизни, связанное с субъективной оценкой здоровья.

Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Самооценка здоровья и субъективное благополучие взаимосвязаны, но количество и сила связей отличаются у людей с разной группой инвалидности или её отсутствием, а также у представителей разного возраста (49–64 лет; 65–74 лет; 75–90 лет) и пола.

2. Уровни качества жизни, связанного со здоровьем, и субъективного благополучия различаются в зависимости от пола, возраста (49–64 лет; 65–74 лет; 75–90 лет) и группы инвалидности или её отсутствия.

Методы

В процессе исследования применялись следующие психодиагностические методики:

1. Опросник SF-36 «Health status survey» – русскоязычная версия, созданная и рекомендованная Межнациональным центром исследования качества жизни для оценки физического и психологического компонентов здоровья (Гуревич, Фабрикант, 2008; Новик, Ионова, 2007).

2. Опросник «Шкала удовлетворенности жизнью» (ШУЖ) Е. Diener в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина для оценки когнитивного аспекта субъективного благополучия (Осин, Леонтьев, 2020).

3. Опросник «Шкала субъективного счастья» (ШСС) S. Lyubomirsky в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина для оценки эмоционального аспекта субъективного благополучия (Осин, Леонтьев, 2020).

Использовались статистические методы: для проверки первой гипотезы – коэффициент ранговой корреляции Спирмана (r_s); для проверки второй гипотезы – U-критерий Манна–Уитни, t-критерий Стьюдента; для сопоставления анализируемых подгрупп по соотношению количества мужчин и женщин, а также людей с отсутствием и разной группой инвалидности – критерий X^2 Пирсона, угловое преобразование Фишера (ϕ^* -критерий); для сопоставления анализируемых подгрупп по возрасту – U-критерий Манна–Уитни, t-критерий Стьюдента; для проверки формы распределения – критерий Колмогорова–Смирнова. Анализ данных выполнен с помощью пакета программ SPSS/Win (версия 16.0; SPSS Inc., США).

Исследование проведено посредством индивидуального тестирования людей 49–93 лет, постоянно проживающих (не менее 1 года) в Областном государственном автономном учреждении социального обслуживания «Геронтологический центр «Забота» в г. Ульяновске», а также в Областном государственном бюджетном учреждении социального обслуживания «Пансионат для граждан пожилого возраста «Серебряный рассвет» в р.п. Языково» (Ульяновская область). Средний возраст респондентов составил $71,5 \pm 10,5$ лет.

Для анализа общая выборка ($N = 155$) разбита на подгруппы в зависимости от пола, возраста и объективного состояния соматического здоровья (группа инвалидности или её отсутствие). В табл. 1 представлены половозрастные и социальные характеристики респондентов.

Таблица 1

Половозрастные и социальные характеристики выборки

Характеристики	Число респондентов	%
<i>Пол</i>		
Женщины (Ж)	89	57,4
Мужчины (М)	66	42,6
<i>Возраст</i>		
49–64 года	44	28,4
65–74 года	49	31,6
75–93 года	62	40,0
<i>Образование</i>		
Начальное	31	20,0
Среднее	44	28,4
Среднее специальное	52	33,5
Высшее	26	16,8
Учёная степень	1	0,65
Не указали образование	1	0,65
<i>Семейный статус</i>		
Замужем/ женат	12	7,7
Одинокий	143	92,3
<i>Дети</i>		
Есть	104	67,1
Нет	49	31,6
Не указали наличие детей	2	1,3
<i>Инвалидность</i>		
1-я группа	36	23,2
2-я группа	61	39,4
3-я группа	38	24,5
Нет	20	12,9

Результаты исследования и их обсуждение

Субъективная оценка здоровья находится на довольно низком уровне (табл. 2). Распределение значений характеризуется большим разбросом, что говорит о неоднородности субъективных оценок здоровья людей позднего возраста. Самые низкие баллы получены по показателю «физическое

функционирование (PF)», что объясняется особенностями выборки – люди, частично или полностью утратившие способность к самообслуживанию и нуждающиеся в постоянном постороннем уходе.

Значения по шкалам удовлетворённости жизнью и субъективного счастья на общей выборке соответствуют среднему уровню, ближе к нижней границе (согласно нормативным значениям, полученным Е.Н. Осиным и Д.А. Леонтьевым (2020)).

Таблица 2

Значения U-критерия Манна–Уитни, t-критерия Стьюдента и вероятности ошибки (p) по показателям качества жизни, связанного со здоровьем, и субъективного благополучия при сравнении групп мужчин и женщин

Показатели качества жизни и субъективного благополучия	Общая выборка (N = 155)		U-критерий, вероятность ошибки (p); t-критерий, вероятность ошибки (p)	
	Среднее арифметическое (M) ± стандартное отклонение (σ)	Медиана (Q ₁ ; Q ₃)	Медиана (Q ₁ ; Q ₃) <i>Женщины</i> (n = 89)	Медиана (Q ₁ ; Q ₃) <i>Мужчины</i> (n = 66)
Физическое функционирование (PF)	34,53±32,49	30 (5; 55)	U = 1938 p = 0,043	
			25 (5; 50)	35 (5; 73)
Ролевое (физическое) функционирование (RP)	54,03±46,78	75 (0; 100)	U = 1910 p = 0,028	
			25 (0; 100)	100 (0; 100)
Боль (BP)	63,79±32,31	64 (41; 100)	U = 1597 p = 0,000	
			42 (32; 77)	92 (52; 100)
Общее здоровье (GH)*	48,83±19,32	50 (35; 65)	U = 1968 p = 0,029	
			45 (31; 59)	55 (35; 67)
Жизнеспособность (VT)*	54,06±22,78	55 (40; 70)	U = 1596 p = 0,001	
			50 (35; 63)	60 (50; 75)
Социальное функционирование (SF)	65,52±26,34	63 (50; 88)	U = 1925 p = 0,047	
			63 (38; 75)	75 (50; 94)
Эмоциональное функционирование (RE)	57,72±45,79	100 (0; 100)	U = 1806 p = 0,008	
			33 (0; 100)	100 (33; 100)
Психологическое здоровье (MH)*	59,44±17,88	60 (48; 72)	U = 1866 p = 0,011	
			56 (44; 68)	66 (52; 76)
Шкала удовлетворённости жизнью*	18,0±5,6	18 (14; 22)	t = -0,550 p = 0,583	
			17,5±6,0	18,1±5,1
Шкала субъективного счастья*	16,0±4,8	16 (12; 19)	t = -0,587 p = 0,558	
			15,6±4,5	16,1±5,2

Примечание. Знаком «*» отмечены шкалы, в которых данные, полученные на общей выборке, соответствуют нормальному распределению по тесту Колмогорова–Смирнова. По ШУЖ и ШСС в подгруппах мужчин и женщин данные также соответствуют нормальному распределению.

Самооценка здоровья и показатели удовлетворённости жизнью и субъективного счастья тесно взаимосвязаны (табл. 3).

Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s) между показателями качества жизни, связанного со здоровьем, и субъективного благополучия

Показатели качества жизни и субъективного благополучия	Общая выборка (N = 155)		Женщины (n = 89)		Мужчины (n = 66)	
	ШУЖ	ШСС	ШУЖ	ШСС	ШУЖ	ШСС
Физическое функционирование (PF)	0,172*	-0,029	0,201	0,010	0,221	-0,056
Ролевое (физическое) функционирование (RP)	0,240**	0,419**	0,210	0,449**	0,228	0,364**
Боль (BP)	0,239**	0,254**	0,258*	0,328**	0,204	0,152
Общее здоровье (GH)	0,384**	0,366**	0,326**	0,406**	0,429**	0,284*
Жизнеспособность (VT)	0,411**	0,423**	0,408**	0,485**	0,420**	0,305*
Социальное функционирование (SF)	0,289**	0,445**	0,265*	0,419**	0,334**	0,445**
Эмоциональное функционирование (RE)	0,217**	0,417**	0,209	0,370**	0,199	0,484**
Психологическое здоровье (MH)	0,449**	0,430**	0,392**	0,405**	0,543**	0,435**
ШУЖ	–	0,621**	–	0,617**	–	0,592**
ШСС	0,621**	–	0,617**	–	0,592**	–

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены значения $r_s \geq 0,3$.
* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Субъективное качество жизни и субъективное благополучие мужчин и женщин

Рассматриваемые группы мужчин и женщин статистически не различаются по процентному соотношению людей с отсутствием и разной группой инвалидности (критерий χ^2). Однако подгруппа женщин старше мужчин ($t = -2,678$; $p = 0,008$), поэтому нами дополнительно было проведено сравнение показателей качества жизни и субъективного благополучия (U-критерий Манна–Уитни) в каждом из возрастных периодов в отдельности: мужчины и женщины 49–64 лет, мужчины и женщины 65–74 лет, мужчины и женщины 75–93 лет.

Сравнительный анализ групп мужчин и женщин показал, что самооценка здоровья женщин значимо ниже таковой мужчин по всем показателям на общей выборке (табл. 2). Мы полагаем, что разница в оценке здоровья у мужчин и женщин может демонстрировать особенности отношения к самочувствию и болезням: большая озабоченность здоровьем у женщин и, наоборот, недооценка проблем со здоровьем у мужчин, проявление силы, мужества, нежелание жаловаться, признавать ухудшение своего физического состояния – «со мной всё в порядке».

Наши результаты и выводы подкрепляются данными исследований с применением опросника «SF-36», в которых принимали участие жители других стран (Мамчиц, 2014; Sullivan, Karlsson, 1998), а также популяционных исследований с участием 3 400 респондентов из 5 центров РФ

(Амирджанова и др., 2008) и 2 114 респондентов из г. Санкт-Петербурга (Новик, Ионова, 2007). В указанных популяционных исследованиях, как и в нашей работе, статистически значимые различия показателей у мужчин и женщин получены по всем шкалам опросника. По результатам, полученным Федеральной службой государственной статистики в 2019 г.¹, среди людей старше трудоспособного возраста состояние своего здоровья как «очень хорошее» и «хорошее» оценивают 14,6% мужчин и 13,2% женщин, «удовлетворительное» – 62,6% мужчин и 62,8% женщин, «плохое» и «очень плохое» – 22,7% мужчин и 23,9% женщин. По результатам исследования 2018 г.² в медицинские организации в течение последних 12 месяцев обращались 70,9% мужчин и 83% женщин. Кроме того, 42,9% мужчин «мало заботятся» либо «совсем не заботятся» о своем здоровье, у женщин значение этого показателя составляет всего 26,8%; при этом «в основном заботятся» и «очень заботятся» о своём здоровье 56,4% мужчин и 72,5% женщин.

Однако возрастная динамика у мужчин и женщин описана по-разному в различных исследованиях. В нашей работе половые различия по отдельным показателям наблюдаются только после 65 лет: подгруппа респондентов в возрасте 50–64 лет – нет различий; 65–74 лет – «боль (BP)» ($U = 89,0$; $p = 0,000$), «жизнеспособность (VT)» ($U = 122,5$; $p = 0,014$), «эмоциональное функционирование (RE)» ($U = 141,0$; $p = 0,033$); подгруппа 75–93 лет – «физическое функционирование (PF)» ($U = 199,5$; $p = 0,028$), «жизнеспособность (VT)» ($U = 197,0$; $p = 0,025$), «психологическое здоровье (MH)» ($U = 233,0$; $p = 0,048$).

Результаты изучения жителей Санкт-Петербурга (Новик, Ионова, 2007) показали, что в молодом возрасте половые различия выражены неярко, в большей мере они наблюдаются в период 45–65 лет, а после 65-лет они нивелируются. В популяционном исследовании жителей РФ (Амирджанова и др., 2008) самооценка здоровья мужчин выше таковой женщин во всех возрастных группах (от 18 до 85 лет; $p < 0,0001$). Различия в результатах можно объяснить особенностями выборки. Поскольку исследование В.Н. Амирджановой и коллег популяционное, его результаты в полной мере описывают половые различия в оценках россиян. Исследование А.А. Новик, Т.И. Ионовой и наша работа охватывают людей только одного региона РФ, причем постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания. Состояние их здоровья затрудняет или делает невозможным самообслуживание и самостоятельное проживание. Поэтому самооценка здоровья таких людей может иметь значительные отличия от популяционных показателей.

Показатели субъективного благополучия (уровень субъективного счастья и удовлетворённости жизнью) не имеют статистически значимых различий в зависимости от пола и соответствуют среднему уровню, ближе к

¹ URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html

² URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/index.html

нижней границе (см. табл. 2). Также нет существенных различий в количестве и силе корреляционных связей между самооценкой здоровья и субъективным благополучием между группами мужчин и женщин (см. табл. 3). В обеих группах корреляции соотносятся с результатами, полученными на общей выборке.

Субъективное качество жизни и субъективное благополучие людей разного возраста

Сформированные группы (49–64 лет; 65–74 лет; 75–90 лет) получились неоднородными по процентному соотношению мужчин и женщин, людей с отсутствием и разной группой инвалидности (φ^* -критерий Фишера). Поэтому дополнительно было проведено попарное сравнение показателей качества жизни и субъективного благополучия (U-критерий Манна–Уитни) отдельно у мужчин разного возраста (49–64 лет, 65–74 лет, 75–92 лет) и женщин разного возраста (49–64 лет, 65–74 лет, 75–93 лет).

На общей выборке установлено, что с возрастом все показатели качества жизни, кроме показателя «физическое функционирование (PF)», снижаются: «ролевое (физическое) функционирование (RP)» $r_s = -0,279$, $p = 0,001$; «боль (BP)» $r_s = -0,256$, $p = 0,001$; «общее здоровье (GH)» $r_s = -0,287$, $p = 0,000$; «жизнеспособность (VT)» $r_s = -0,221$, $p = 0,007$; «социальное функционирование (SF)» $r_s = -0,328$, $p = 0,000$; «эмоциональное функционирование (RE)» $r_s = -0,268$, $p = 0,001$; «психологическое здоровье (MH)» $r_s = -0,168$, $p = 0,039$. Попарное сравнение групп разного возраста (табл. 4) показало, что статистически значимо различается самооценка здоровья людей 49–64 лет и 75–93 лет по всем показателям, кроме показателя «физическое функционирование (PF)». Между другими возрастными группами зафиксированы различия лишь по отдельным шкалам. Таким образом, значительное снижение показателей «боль (BP)», «общее здоровье (GH)» и «жизнеспособность (VT)» происходит после 65 лет, а показателя «социальное функционирование (SF)» – после 75 лет.

Тенденция снижения качества жизни с возрастом зафиксирована и в других исследованиях (Амирджанова и др., 2008; Новик, Ионова, 2007).

У женщин с возрастом наблюдается снижение качества жизни по четырём параметрам: «ролевое (физическое) функционирование (RP)» $r_s = -0,326$, $p = 0,003$; «боль (BP)» $r_s = -0,283$, $p = 0,010$; «общее здоровье (GH)» $r_s = -0,334$, $p = 0,002$; «социальное функционирование (SF)» $r_s = -0,447$, $p = 0,000$, в то время как у мужчин статистически значимых корреляций не установлено.

При этом у женщин наблюдаются статистически значимые различия в самооценке здоровья между подгруппами 49–64 года и 65–74 лет по таким показателям, как «ролевое (физическое) функционирование (RP)» $U = 136,0$, $p = 0,028$; «боль (BP)» $U = 94,0$, $p = 0,003$; «общее здоровье (GH)» $U = 81,5$, $p = 0,001$; «жизнеспособность (VT)» $U = 83,5$, $p = 0,003$; «социальное функционирование (SF)» $U = 82,5$, $p = 0,001$; «психологическое здоровье (MH)» $U = 116,0$, $p = 0,045$.

Таблица 4

Значения U-критерия Манна–Уитни и вероятности ошибки (p) по показателям качества жизни, связанным со здоровьем, и субъективного благополучия

Показатели качества жизни и субъективного благополучия	U-критерий, вероятность ошибки (p); t-критерий, вероятность ошибки (p)		U-критерий, вероятность ошибки (p); t-критерий, вероятность ошибки (p)		U-критерий, вероятность ошибки (p); t-критерий, вероятность ошибки (p)	
	Медиана (Q ₁ ; Q ₃)	Медиана (Q ₁ ; Q ₃)	Медиана (Q ₁ ; Q ₃)	Медиана (Q ₁ ; Q ₃)	Медиана (Q ₁ ; Q ₃)	Медиана (Q ₁ ; Q ₃)
	49–64 года (n = 44)	65–74 года (n = 49)	49–64 года (n = 44)	75–93 года (n = 62)	65–74 года (n = 49)	75–93 года (n = 62)
Физическое функционирование (PF)	U = 977 p = 0,660		U = 1208 p = 0,678		U = 1256 p = 0,315	
	20 (5; 70)	25 (5; 50)	20 (5; 50)	30 (5; 63)	25 (5; 50)	30 (5; 63)
Роловое функционирование (RP)	U = 847 p = 0,099		U = 821,5 p = 0,001		U = 1167 p = 0,121	
	100 (38; 100)	75 (0; 100)	100 (38; 100)	13 (0; 100)	75 (0; 100)	13 (0; 100)
Боль (BP)	U = 803,5 p = 0,040		U = 829,5 p = 0,000		U = 1210 p = 0,090	
	100 (51; 100)	74 (39; 100)	100 (51; 100)	48 (22; 83)	74 (39; 100)	48 (22; 83)
Общее здоровье (GH)	U = 627,5 p = 0,001		U = 711,5 p = 0,000		U = 1238 p = 0,262	
	62 (49; 71)	46 (35; 57)	62 (49; 71)	40 (30; 56)	46 (35; 56)	40 (30; 56)
Жизнеспособность (VT)	U = 701 p = 0,012		U = 804 p = 0,002		U = 1238 p = 0,344	
	60 (55; 75)	55 (38; 63)	60 (55; 75)	50 (30; 65)	55 (38; 63)	50 (30; 65)
Социальное функционирование (SF)	U = 769 p = 0,068		U = 698 p = 0,000		U = 1041 p = 0,019	
	75 (63; 100)	63 (50; 88)	75 (63; 100)	63 (38; 75)	63 (50; 88)	63 (38; 75)
Эмоциональное функционирование (RE)	U = 846,5 p = 0,122		U = 824 p = 0,001		U = 1170 p = 0,139	
	100 (33; 100)	100 (0; 100)	100 (33; 100)	33 (0; 100)	100 (0; 100)	33 (0; 100)
Психологич. здоровье (MH)	U = 801 p = 0,090		U = 960 p = 0,020		U = 1369 p = 0,689	
	68 (56; 72)	60 (46; 72)	68 (56; 72)	56 (44; 68)	60 (46; 72)	56 (44; 68)
ШУЖ	U = 912,5 p = 0,427		U = 1240 p = 0,735		U = 1258 p = 0,341	
	17 (15; 22)	16 (14; 20)	17 (15; 22)	18 (13; 24)	16 (14; 20)	18 (13; 24)
ШСС	U = 840,5 p = 0,165		U = 1124 p = 0,195		U = 1366 p = 0,926	
	17 (13; 21)	15 (12; 19)	17 (13; 21)	16 (12; 19)	15 (12; 19)	16 (12; 19)

Также статистически значимые различия установлены между значениями следующих показателей в подгруппах 49–64 лет и 75–93 лет: «Роловое (физическое) функционирование (RP)» U = 210,0, p = 0,008; «Боль (BP)» U = 202,0, p = 0,004; «Общее здоровье (GH)» U = 138,0 p = 0,000; «Жизнеспособность (VT)» U = 184,5, p = 0,007; «Социальное функционирование (SF)» U = 134,5, p = 0,000. Между подгруппами 65–74 и 75–93 лет достоверных различий не выявлено. Это говорит о том, что у женщин наблюдается следующая возрастная динамика самооценки здоровья: существенное

снижение почти по всем показателям после 65 лет; далее – постепенное снижение. Оценки значений таких показателей, как «физическое функционирование (PF)» и «эмоциональное функционирование (RE)» не зависят от возраста.

У мужчин отсутствуют статистически значимые корреляции ($p \leq 0,05$) хронологического возраста и самооценки здоровья. На уровне тенденции наблюдается отрицательная связь со шкалой «эмоциональное функционирование (RE)» $r_s = -0,248$, $p = 0,060$. Парное сравнение подгрупп разного возраста показало различия также в самооценке показателя «эмоциональное функционирование (RE)» между 49–64-летними и 75–93-летними ($U = 117,0$, $p = 0,039$) – с увеличением возраста усиливается ограничение в выполнении повседневной работы, обусловленное ухудшением эмоционального состояния. Таким образом, качество жизни мужчин практически не зависит от возраста.

По шкалам удовлетворённости жизнью и субъективного счастья отсутствуют статистически значимые различия между группами людей разного возраста (табл. 4) и корреляции с хронологическим возрастом. Также не зафиксированы различия и при дополнительном парном сравнении отдельно мужчин разного возраста и женщин разного возраста.

По мере старения, после 65 лет, возрастает количество взаимосвязей самооценки здоровья и субъективного благополучия (табл. 5): в группе 47–64 лет – 9 корреляций ($r_s \geq 0,3$), в группе 65–74 лет – 13 ($r_s \geq 0,3$), в группе 75–93 лет – 14 ($r_s \geq 0,3$).

Таблица 5

**Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s)
между показателями качества жизни, связанными со здоровьем,
и субъективного благополучия**

Показатели качества жизни и субъективного благополучия	49–64 года (n = 44)		65–74 года (n = 49)		75–93 года (n = 62)	
	ШУЖ	ШСС	ШУЖ	ШСС	ШУЖ	ШСС
Физическое функционирование (PF)	0,154	-0,310*	0,051	0,008	0,244	0,197
Рольевое (физическое) функционирование (RP)	0,267	0,295	0,140	0,464**	0,307*	0,427**
Боль (BP)	0,299	0,194	0,235	0,306*	0,250	0,221
Общее здоровье (GH)	0,560**	0,203	0,336*	0,389**	0,386**	0,386**
Жизнеспособность (VT)	0,350*	0,156	0,450**	0,467**	0,430**	0,518**
Социальное функционирование (SF)	0,274	0,429**	0,404**	0,459**	0,297*	0,406**
Эмоциональное функционирование (RE)	0,272	0,426**	0,167	0,322*	0,273*	0,400**
Психологическое здоровье (MH)	0,444**	0,374*	0,455**	0,435**	0,477**	0,441**
ШУЖ	–	0,425**	–	0,606**	–	0,787**
ШСС	0,425**	–	0,606**	–	0,787**	–

Примечание. Полу жирным шрифтом выделены значения $r_s \geq 0,3$.
* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

Субъективное качество жизни и субъективное благополучие людей с отсутствием и разной группой инвалидности

Согласно сравнительному попарному анализу подгрупп обследуемых с отсутствием или разной группой инвалидности не выявлено статистически значимых различий по возрасту (U-критерий Манна–Уитни) и процентному соотношению числа мужчин и женщин (φ*-критерий Фишера). Таким образом, подгруппы статистически не различаются по возрасту и процентному соотношению мужчин и женщин.

Отсутствие инвалидности и группу инвалидности можно считать условно объективной оценкой соматического здоровья человека. Различия в оценках качества жизни, связанного со здоровьем, у людей с разной группой инвалидности или отсутствием инвалидности не установлены, кроме показателя «физическое функционирование (PF)». Эта шкала как раз и отражает степень, в которой физическое состояние ограничивает физическую активность (например, самообслуживание, ходьба, подъем по лестнице, перенос тяжестей и т.п.).

У людей с I группой инвалидности наблюдается следующая особенность: при адекватной объективному состоянию оценке своих физических ограничений (т.е. более низких оценках по шкале «физическое функционирование (PF)», по сравнению с людьми без инвалидности ($U = 99,0$; $p = 0,000$) и с людьми со II ($U = 539,0$; $p = 0,001$) и III ($U = 296,0$; $p = 0,000$) группой инвалидности) они имеют более высокие показатели уровня субъективного счастья, чем люди с III группой инвалидности ($U = 353,5$; $p = 0,004$). По-видимому, это реализуется за счёт механизмов гиперкомпенсации посредством личностных ресурсов, что позволяет человеку принять свои соматические заболевания и физические ограничения, жить вопреки им и чувствовать себя счастливым. Третья группа инвалидности является рабочей, т.е. в социальном восприятии фактически уравнивает её носителя с людьми без инвалидности. В действительности же человек, имея серьёзное заболевание, может переживать связанные с ним болевые ощущения и ограничения в жизнедеятельности. Таким образом, он постоянно сталкивается с необходимостью соответствовать в физическом плане людям без инвалидности, но при этом состояние его здоровья не даёт возможности сделать это. Сфокусированность на болезни не позволяет принять свои физические ограничения и сформироваться эффективным компенсаторным механизмом, что, в свою очередь, проявляется в снижении уровня субъективного счастья по сравнению с людьми, имеющими I и II ($t = 2,985$ $p = 0,004$) группу инвалидности. Подтверждением таких выводов являются результаты корреляционного анализа, согласно которым у людей с I группой инвалидности больше всего статистически значимых связей ($r \geq 0,30$) между показателями самооценки здоровья и субъективным благополучием, а у людей с III группой – меньше всего (табл. 6).

По уровню удовлетворённости жизнью в анализируемых подгруппах статистически значимых различий не установлено.

Значения коэффициента ранговой корреляции Спирмена (rs) между показателями качества жизни, связанного со здоровьем, и шкалами субъективного благополучия в группах людей с отсутствием и разной группой инвалидности

Показатели качества жизни и субъективного благополучия	I группа инвалидности (n = 36)		II группа инвалидности (n = 61)		III группа инвалидности (n = 38)		Нет инвалидности (n = 20)	
	ШУЖ	УСС	ШУЖ	УСС	ШУЖ	ШСС	ШУЖ	ШСС
ФФ	-0,058	-0,082	0,273*	-0,012	0,297	0,047	0,025	0,203
РФ	0,103	0,434*	0,268*	0,294*	0,261	0,363*	0,588**	0,688**
Б	0,283	0,365*	0,286*	0,206	0,275	0,137	0,187	0,366
ОЗ	0,574**	0,703**	0,331*	0,127	0,241	0,181	0,466*	0,588**
Ж	0,410*	0,555**	0,501**	0,427**	0,236	0,207	0,360	0,626**
СФ	0,180	0,551**	0,374**	0,416**	0,220	0,320	0,356	0,505*
ЭФ	0,158	0,644**	0,217	0,275*	0,291	0,415*	0,342	0,379
ПЗ	0,379*	0,411*	0,588**	0,491**	0,197	0,308	0,466*	0,626**
ШУЖ	–	0,529**	–	0,591**	–	0,589**	–	0,860**
ШСС	0,529**	–	0,591**	–	0,589**	–	0,860**	–

Примечание. ФФ – физическое функционирование (PF), РФ – ролевое (физическое) функционирование (RP), Б – боль (BP), ОЗ – общее здоровье (GH), Ж – жизнеспособность (VT), СФ – социальное функционирование (SF), ЭФ – эмоциональное функционирование (RE), ПЗ – психологическое здоровье (MH). Полужирным шрифтом выделены значения $r_s \geq 0,3$.
* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Таким образом, самооценка здоровья и уровень удовлетворённости жизнью у людей с инвалидностью может быть выше, чем у людей без инвалидности, и наоборот, люди, имеющие объективно лучшее состояние здоровья, могут субъективно ниже оценивать качество жизни и удовлетворённость жизнью.

Выводы

1. Субъективные оценки здоровья людей позднего возраста, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания, находятся на довольно низком уровне и характеризуются неоднородностью, в отличие от оценки субъективного благополучия, которое соответствует среднему уровню. Снижение способности к самообслуживанию проявляется в минимальных оценках своего физического функционирования.

2. В позднем онтогенезе у людей, проживающих в учреждениях социального обслуживания, качество жизни, связанное со здоровьем, удовлетворённость жизнью, а также субъективное счастье сопряжены между собой.

3. В позднем возрасте мужчины выше, чем женщины, оценивают своё здоровье по всем показателям, при этом в обеих группах самооценка здоровья взаимосвязана с субъективным благополучием.

4. С увеличением возраста у людей, проживающих в учреждениях социального обслуживания, качество жизни, связанное со здоровьем, снижается (кроме оценки физического функционирования). При этом существуют половые различия в динамике: у женщин существенное снижение почти по всем показателям отмечается после 65 лет, далее происходит постепенное снижение; качество жизни мужчин с возрастом постепенно снижается только в оценке эмоционального функционирования.

5. В позднем онтогенезе у людей, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания, самооценка здоровья не имеет сопряжённости с объективным состоянием соматического здоровья (отсутствием инвалидности и группой инвалидности), кроме оценки физического функционирования.

6. В позднем возрасте у людей, проживающих в учреждениях социального обслуживания, удовлетворённость жизнью и субъективное счастье не имеют взаимосвязей с хронологическим возрастом, а также половых и возрастных различий.

7. В позднем онтогенезе у людей, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания, объективное состояние здоровья не отражается на удовлетворённости жизнью, т.е. рефлексивно-оценочной составляющей субъективного благополучия, но сказывается на субъективном счастье, т.е. на эмоционально-чувственном аспекте субъективного благополучия.

8. У людей, проживающих в учреждениях социального обслуживания, наличие дефицитарных аспектов (высокие значения хронологического возраста и I группа инвалидности) связано с увеличением взаимосвязей между самооценкой здоровья и субъективным благополучием.

Заключение

Важным результатом работы, на наш взгляд, являются данные, демонстрирующие, что в позднем онтогенезе у людей, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания, самооценка здоровья не имеет сопряжённости с объективным состоянием соматического здоровья. Это указывает на ведущую роль именно субъективных (внутренних) факторов в оценке своего состояния. Субъективное благополучие является достаточно стабильным, интегративным образованием, не связанным с полом или возрастом. В целом можно отметить, что люди с разными объективными и субъективными оценками здоровья чувствуют себя счастливыми и удовлетворены своей жизнью. Это, по нашему мнению, обеспечивается опорой на внутриличностные ресурсы. Рассматривая дефицитарные состояния (высокие значения хронологического возраста и I группа инвалидности), можно говорить о механизмах гиперкомпенсации, позволяющих жить вопреки болезням и возрасту, чувствуя себя счастливыми.

В дальнейшем будут проанализированы материалы, касающиеся контроля поведения, а также отношения ко времени и возрасту, что позволит дополнить представление о психологических ресурсах в позднем возрасте.

Литература

- Амирджанова, В. Н., Горячев, Д. В., Коршунов, Н. И., Ребров, А. П., Сороцкая, В. Н. (2008). Популяционные показатели качества жизни по опроснику SF-36 (результаты многоцентрового исследования качества жизни «Мираж»). *Научно-практическая ревматология*, 1, 36–48.
- Воронина, А. В. (2005). Проблема психического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа. *Сибирский психологический журнал*, 21, 142–147.
- Гуревич, К. Г., Фабрикант, Е. Г. (2008). *Методические рекомендации по организации программ профилактики хронических неинфекционных заболеваний*. М.: ГОУ ВПО Московский государственный медико-стоматологический университет. Доступ 21 февраля 2019, источник URL: <http://bono-esse.ru/blizzard/RPP/M/ORGZDRAV/Orgproga/p1.html>
- Карапетян, Л. В. (2017). Психологические корреляты эмоционально-личностного благополучия. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 4, 132–140. doi: 10.21603/2078-8975-2017-4-132-140
- Лактионова, Е. Б., Матюшина, М. Г. (2018). Теоретический анализ подходов к исследованию проблемы позитивного функционирования личности: счастье, психологическое благополучие, субъективное благополучие. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология*, 26, 7788. doi: 10.26516/2304-1226.2018.26.77
- Леонтьев, Д. А. (2020). Счастье и субъективное благополучие: к конструированию пятого поля. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 14–37. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.02
- Мамчиц, Л. П. (2014). Состояние здоровья и качество жизни людей пожилого и старческого возраста. *Проблемы здоровья и экологии*, 4, 116–120.
- Манукян, В. Р., Трошихина, Е. Г. (2016). Современные психологические концепции благополучия и зрелости личности: области сходства и различий. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 2, 77–85. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-77-85
- Нестерова, А. А., Жучкова, С. М. (2018). Факторная структура удовлетворённости жизнью в пожилом и старческом возрасте: социально-психологический подход. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, 1, 60–72. doi: 10.18384/2310-7235-2018-1-60-72
- Новик, А. А., Ионова, Т. И. (2007). *Руководство по исследованию качества жизни в медицине* (2-е изд.). М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Павлова, Н. С., Сергиенко, Е. А. (2020). Субъективное качество жизни, психологическое благополучие, отношение к временной перспективе и возрасту у пенсионеров, ведущих разный образ жизни. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 10(4), 384–401. doi: 10.21638/spbu16.2020.401
- Пряжников, Н. С. (2017). О факторах и моделях удовлетворённости жизнью в пожилом и старческом возрасте. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 4, 85–101. doi: 10.11621/vsp.2017.04.85

- Попова, Т. А. (2019). Смысложизненные ориентации и локус контроля личности как ресурсы благополучного старения. *Вестник ПГГПУ. Серия 1: Психологические и педагогические науки*, 1, 49–58.
- Савченко, Т. Н., Головина, Г. М. (2019). *Субъективное качество жизни: подходы, измерение*. В кн.: А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. (ред.). *Разработка понятий в современной психологии: Т. 2* (с. 595–614). М.: Институт психологии РАН.
- Сенкевич, Л. В., Шагидаева, А. Б. (2017). Экзистенциальные проблемы личности в современной зарубежной геронтопсихологии: результаты анализа исследований за последние пять лет. *Современная зарубежная психология*, 6(3), 22–29. doi: 10.17759/jmfr.2017060303
- Стрижицкая, О. Ю. (2017). Позитивное функционирование: эмпирический подход. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, 2-2, 116–122.
- Стрижицкая, О. Ю., Хункос-Рабдан, О. (2014). Современные европейские направления исследований психологии старения. *Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика*, 2, 66–71.
- Суслова, Т. Ф., Жучкова, С. М. (2014). Исследование удовлетворенности жизнью и смысложизненных ориентаций в пожилом и старческом возрасте. *Сибирский психологический журнал*, 53, 21–32.
- Шевеленкова, Т. Д., Фесенко, П. П. (2005). Методика исследования психологического благополучия личности. *Психологическая диагностика*, 3, 95–129.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 21.08.2022 г.; принята 06.10.2022 г.

Павлова Надежда Сергеевна – научный сотрудник Лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии Российской академии наук, кандидат психологических наук.
E-mail: makarachka@mail.ru

For citation: Pavlova, N. S. (2022). The Study of Subjective Life Quality and Subjective Well-Being in Late Ontogenesis. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 86, 84–102. In Russian. English Summary. doi:10.17223/17267080/86/5

The Study of Subjective Life Quality and Subjective Well-Being in Late Ontogenesis¹

N.S. Pavlova¹

¹*Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract

Currently, the problem of finding ways of positive/optimal functioning of the personality is becoming highly relevant. This is particularly significant in late ontogenesis. The paper deals with the results of an empirical research, the purpose of which was to study the features of subjective well-being and health-related quality of life of people aged 49-93

¹ This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No 0138-2022-0005.

who permanently reside (more than 1 year) in a geriatric center. A total sample (N = 155) is analyzed in subgroups depending on gender, age (49-64 years; 65-74 years; 75-93 years) and objective health status (disability group or its absence). The following methods were used: SF-36 Health Status Survey, Subjective Happiness Scale by S. Lyubomirsky, Satisfaction with Life Scale by E. Diener.

The health self-esteem is shown to be rather low and is characterized by heterogeneity, while the level of subjective well-being corresponds to the average interval. Health-related quality of life, satisfaction with life, and subjective happiness are correlated. Men rate their health higher than women on all indicators. With increasing age, health-related quality of life decreases (except for the indicator “Physical functioning” (PF)). At the same time, there are gender differences in dynamics. Health self-esteem has no connection with the objective state of somatic health, except for the indicator “Physical functioning” (PF). Satisfaction with life and subjective happiness have no correlations with chronological age, as well as they have no differences in groups of people of different ages and genders. The objective state of health does not affect satisfaction with life but affects subjective happiness. The presence of deficit aspects (high chronological age and the 1st disability group) manifests itself an increasing number of correlations between subjective well-being and health-related quality of life.

In general, it can be noted that people with different objective and subjective health assessments feel happy and satisfied with their lives. This, in our opinion, is provided by relying on intrapersonal resources.

The research contributes to the formation of the idea of the aging as a period of development and the subjective resources of successful aging as well.

Keywords: successful aging; quality of life; physical health; mental health; self-assessment of health; subjective well-being; old age; elderly; late ontogenesis.

References

- Amirjanova, V.N., Goryachev, D.V., Korshunov, N.I., Rebrov, A.P., & Sorotskaya, V.N. (2008). SF-36 questionnaire population quality of life indices. *Nauchno-prakticheskaya revmatologiya – Rheumatology Science and Practice*, 1, 36–48. (In Russian). doi: 10.14412/1995-4484-2008-852
- Diener, E. (1984). Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*, 95(3), 542–575. doi: 10.1037/0033-2909.95.3.542
- Diener, E.D., Emmons, R.A., Larsen, R.J., & Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. doi: 10.1207/s15327752jpa4901_13
- Gurevich, K.G., & Fabrikant, E.G. (2008). *Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii programm profilaktiki khronicheskikh neinfektsionnykh zabolevaniy* [Methodological recommendations for the organization of programs for the prevention of chronic non-communicable diseases]. Moscow: Moscow State University of Medicine and Dentistry. Retrieved from: <http://bono-esse.ru/blizzard/RPP/M/ORGZDRAV/Orgproga/p1.html>
- Hernandis, S.P., & Martinez, M.S. (2005). *Gerontologia: actualizacion, innovacion y propuestas*. Madrid: Pearson Educacion.
- Karapetian, L.V. (2017). Psychological Correlates of Emotional-Personal Well-Being. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 4, 132–140. (In Russian). doi: 10.21603/2078-8975-2017-4-132-140
- Laktionova, E.B., & Matyushina, M.G. (2018). Theoretical analysis of the scientific approaches to positive human functioning: happiness, psychological well-being, subjective well-being. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya – The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 26, 77–88. (In Russian). doi: 10.26516/2304-1226.2018.26.77

- Leontiev, D.A. (2020). Happiness and well-being: Toward the construction of the conceptual field. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 1*, 14–37. (In Russian). doi: 10.14515/monitoring.2020.1.02
- Litwin, H., & Shiovitz-Ezra, S. (2006). The association between activity and well-being in later-life: What really matters? *Ageing & Society, 26*, 225–242. doi: 10.1017/S0144686X05004538
- Lyubomirsky, S., & Lepper, H.S. (1999). A Measure of Subjective Happiness: Preliminary Reliability and Construct Validation. *Social Indicators Research, 46*(2), 137–155. doi: 10.1023/a:1006824100041
- Mamchits, L.P. (2014). Health state and quality of life in elderly and old people. *Problemy zdorov'ya i ekologii – Health and Ecology Issues, 4*, 116–120. (In Russian).
- Manukyan, V.R., & Troshikhina, E.G. (2016). Contemporary psychological conceptions of well-being and maturity: identifying similarities and differences. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology, 2*, 77–85. (In Russian). doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-77-85
- Nesterova, A.A., & Zhuchkova, S.M. (2018). The factor structure of life satisfaction in elderly and old age: socio-psychological approach. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki – Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology, 1*, 60–72. (In Russian). doi: 10.18384/2310-7235-2018-1-60-72
- Novik, A.A. & Ionova, T.I. (2007). *Rukovodstvo po issledovaniyu kachestva zhizni v meditsine* [Guidelines for the study of quality of life in medicine] (2nd ed.). Moscow: ZAO OLMA Media Grupp.
- Osin, E.N., & Leontiev, D.A. (2020). Brief Russian-language instruments to measure subjective wellbeing: Psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 1*, 117–142. (In Russian). doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Pavlova, N.S., & Sergienko, E.A. (2020). Subjective life quality, psychological well-being and attitude to the time perspective as well as age among pensioners leading different lifestyles. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology, 10*(4), 384–401. (In Russian). doi: 10.21638/spbu16.2020.401
- Pavlova, N.S., & Sergienko, E.A. (2021). Life quality and psychological well-being in late ontogenesis: external and internal resources. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, 119*, 152–159. doi: 10.15405/epsbs.2021.12.02.19
- Popova, T.A. (2019). Life orientation and locus of control personalities as resources for successful ageing. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki – Bulletin of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences, 1*, 49–58. (In Russian).
- Pryazhnikov, N.S. (2017). O faktorakh i modelyakh udovletvorennosti zhizn'yu v pozhilom i starchyom vozraste [On factors and models of life satisfaction in elderly and senile age]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology, 14*(4), 85–101. (In Russian). doi: 10.11621/vsp.2017.04.85
- Ryff, C.D., & Keyes, C.L.M. (1995). The Structure of Psychological Well-Being Revisited. *Journal of Personality and Social Psychology, 69*(4), 719–727. doi: 10.1037//0022-3514.69.4.719
- Savchenko, T.N., & Golovina, G.M. (2019). Sub"ektivnoe kachestvo zhizni: podkhody, izmerenie [Subjective quality of life: approaches, measurement]. In A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya (Eds.), *Razrabotka ponyatiy v sovremennoy psikhologii*

- [Development of concepts in modern psychology] (Vol. 2, pp. 595–614). Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russian).
- Senkevich, L.V., & Shagidaeva, A.B. (2017). Existential problems of personality in modern foreign gerontopsychology: results of analysis of research over the past five years. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*, 6(3), 22–29. (In Russian). doi: 10.17759/jmfp.2017060303
- Shevelenkova, T.D., & Fesenko, P.P. (2005). Metodika issledovaniya psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti [Research methodology of psychological well-being of personality]. *Psikhologicheskaya diagnostika – Psychological Diagnosis*, 3, 95–129.
- Strizhitskaya, O.Yu. (2017). Pozitivnoe funktsionirovanie: empiricheskii podkhod [Positive functioning: an empirical approach]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2(2), 116–122.
- Strizhitskaya, O.Yu., & Juncos-Rabadan, O. (2014). Modern directions in European psychology of aging. *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika – Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2, 66–71. (In Russian).
- Suslova, T.F., & Zhuchkova, S.M. (2014). The study of life satisfaction and life-purpose orientations at elderly and senile age. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 53, 21–32. (In Russian).
- Sullivan, M., & Karlsson, J. (1998). The Swedish SF-36 Health Survey III. Evaluation of criterion-based validity: results from normative population. *Journal of Clinical Epidemiology*, 51(11), 1105–1113. doi: 10.1016/S0895-4356(98)00102-4
- Voronina, A.V. (2005). The problem of mental health and human wellbeing. Concept overview and experience of level structure analysis. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 21, 142–147. (In Russian).

Received 21.08.2022; Accepted 06.10.2022

Nadezhda S. Pavlova – Researcher, Institute of Psychology of RAS, Cand. Sc. (Psychol.).
E-mail: makarachka@mail.ru

УДК 159.922.8

СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Н.П. Шилова¹, А.К. Владыко²

¹ Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, 127994, Россия, Москва, ул. Садовая-Сухаревская, д. 16, к-51, ГСП-4

² Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 125993, Россия, Москва, ул. Тверская ул., д. 11, ГСП-3

Резюме

В статье описаны результаты эмпирического исследования представлений о будущем в контексте социально-психологического феномена удлинения детства и юношества. Для юношей и девушек будущее – это позитивное время, в котором работа зависит от учебы и знаний. До наступления юношеского возраста будущее размыто, а в возрасте молодости – будущее зависит от работы, которая определяет создание семьи, появление детей и понимание себя.

Методика и выборка исследования. Для проведения исследования была применена методика И.С. Кона «Я через 5 лет». Выборку составили 1 538 юношей и девушек от 14 до 28 лет. Были выделены четыре возрастные группы, которые соответствуют подростковому возрасту (14 лет), раннему юношескому (15–18 лет), позднему юношескому (19–23 года), возрасту молодости, или возникновения взрослости (24–28 лет). Выборка формировалась по принципу «снежного кома» путем направления ссылки на исследование в образовательные организации России по электронной почте. Полученные текстовые данные были проанализированы при помощи статистического программного пакета «R» (версия 21.0). Анализ текстов сочинений показал, что чаще всего респонденты, говоря о будущем, употребляют слова «надеюсь» и «хочу». Для подростков (14 лет) на первое место выходит слово «буду», а для молодых людей возраста молодости, или возникновения взрослости (24–28 лет) на первое место выходит слово «работа». Слова «надеюсь» и «хочу» встречаются чаще всего в возрастных группах от 15 до 23 лет. Содержательные тематики представлений о будущем включают в себя: желания, ожидания, возможности, ценности, достижения и цели. При этом возможности связываются с семьей и работой, ценностью является жизнь, которая зависит от хорошей работы и хорошего человека рядом. Цели связываются с собственной личностью в будущем, с пониманием времени, а также с тем, о чем юноши и девушки думают, мечтают, что любят и знают. Исследование также показало, что формирование субъектной позиции относительно собственного будущего происходит в несколько шагов/этапов. Содержательными направлениями представлений о будущем являются: желания, ожидания, возможности, ценности, достижения и цели. Обсуждение будущей семьи и будущей работы есть материал, а не центральное ядро содержательного представления о будущем. Подростки видят будущее в позитивных красках, не отделяя собственных желаний от возможностей.

Ключевые слова: юношество; будущее; взросление; удлинение юношеского возраста; возникающая взрослость; перспектива будущего

Введение

Юношеский возраст – это период, для которого представление о будущем является стержнем построения собственной жизни. В рамках культурно-исторической психологии юношеский возраст понимается как время жизни, в котором юноши и девушки должны решить возрастную задачу профессионального и личного самоопределения. Юноши и девушки строят свое поведение и ставят цели исходя из образа будущего, описываемого ими во временном промежутке своей будущей взрослой жизни, при этом они основываются на своих личных характеристиках (Шилова, 2022). Н.Н. Толстых и А.Ю. Бухарина (2019), исследуя временную перспективу будущего испытуемых подросткового и юношеского возраста, выявила, что доминирующим фактором, определяющим характер будущих временных перспектив, является социокультурный контекст, т.е. цели, планы, желания и опасения отдельного человека соответствуют тому историческому времени, которое совпало с его юношескими годами. Таким образом, содержательное представление о собственном будущем претерпевает значительные изменения не только в процессе развития личности, но и в связи с развитием общества.

Социальные и культурные пространства, которые еще несколько десятилетий назад казались неизблемыми, в настоящее время подвергаются серьезным трансформациям. Среди них можно выделить признание индивидуализации, экономическую нестабильность, расширение границ информационных технологий (Поливанова, 2012). Обозначенные трансформации, несомненно, отражаются на современных юношах и девушках (Богачева, Сивак, 2019; Радаев, 2020а, 2020б). Представители этого поколения часто рассматриваются как инфантильные, прагматичные индивидуалисты, умеренные в своих желаниях, обладающие повышенной депрессивностью и тревожностью (Богачева, Сивак, 2019). Готовность гибко реагировать на динамически изменяющиеся внешние требования выделяется среди задач юношеского возраста (Чеснокова и др., 2019), этот важный вывод, полученный в современных исследованиях, рассматривается нами как основание для изучения представлений о будущем в юношеском возрасте.

Современные исследования, как зарубежные, так и отечественные, показывают, что юноши и девушки откладывают важные решения, которые ассоциируются со взрослостью (вступление в брак, первая беременность и рождение детей, выход на рынок труда), тем самым продлевая свой юношеский возраст (Радаев, 2020а, 2020б; Arnett, 2000; Шилова, 2021, 2019). Исследователями выделяется непредсказуемость событий будущего жизненного пути и субъективная оценка в отнесении себя не к взрослым и не к детям как основная характеристика выделенного возрастного периода (Arnett, 2000; Шилова, 2021; Roberts & Côté, 2014; Андреева, 2020; White et al., 2018). Часто этот возрастной период характеризуется как безответственное время. Например, М.В. Клементьева (2019) указывает, что в процессе построения своего будущего пути юноши и девушки стремятся к

новизне и неоправданному риску, они надеются на успех, и демонстрируют уход от ответственности и обесценивание социальных ценностей. Последний тезис скорее противоречит общей тенденции развития представлений о будущем у юношей и девушек. Откладывание решений, которые ассоциируются со взрослостью наоборот, может означать повышенное чувство ответственности и избегание рисков в юношеском возрасте. В настоящее время мы располагаем техническими средствами, позволяющими нам экспериментально проверить влияние ощущения собственной взрослости на образ будущего. Так, Р. Эдельман (2017), проводя эксперименты о влиянии образа будущего на собственную деятельность в настоящем у студентов зарубежных вузов (при помощи виртуальной реальности или при использовании инструментов компьютерного фоторедактора для изменения фотопортрета испытуемого), показал, что респондент принимает решения с более высоким уровнем самоконтроля именно за счет принятия более взрослой позиции. Таким образом, именно ощущение себя незрелым мешает принимать важные решения относительно своей будущей жизни.

Важным противоречием, которое не описано в современных психологических исследованиях, является разрыв между основной возрастной задачей юношеского возраста и социальной ситуацией продления юношеского возраста. Задачей юношеского возраста российские исследователи считают самоопределение в профессии, личной жизни и осознание себя (Клементьева, 2019; Чеснокова, 2019; Белогай, Бугрова, 2018; Данилова, 2016; Неяскина, Пронькина, 2017; Ryan & Deci, 2017). При этом юноши и девушки, должны решить возрастную задачу профессионального самоопределения, опираясь на еще несформированное представление о собственной жизни, уже по окончании школы. Как юноши и девушки могут это сделать, если мы понимаем, что только сориентировавшийся во внешнем мире, осознавший себя человек может осуществить поиск, оценку, выбор и построить перспективу будущего, получая цель действия – ориентир саморазвития, освещающий путь движения в избранном направлении (Червинский, 2019)?

В целом представления о будущем являются частью жизни человека и образуют субъективный образ его развития. К.Н. Белогай и Н.А. Бугрова (2018) указывают, что понятие «психологическое будущее» прежде всего обращено к когнитивной сфере личности и связано со зрелым рефлексивным отношением личности к временному аспекту собственной жизни. Более того, длительность «ожидаемого будущего» оказывает непосредственное влияние на настоящее поведение юношей и девушек. Первоначально это обосновывалось в теории К. Левина (2000), где наличие временной перспективы и ясных целей на будущее положительно связано с активностью и продуктивностью деятельности в настоящем, а переход от подростка к юноше ассоциировался с увеличением объема временной перспективы. Ребенок видит ближайшие дни, у подростка, кроме ближайших дней, есть мечта без определенного плана действий, а юноши и девушки уже

строят связи того, что есть, с тем, какие действия нужно совершить, чтобы достигнуть мечты-цели. Будущее рассматривается нами как психологическое пространство, в котором потребности личности подвергаются когнитивной переработке в отдельные цели и поведенческие схемы. И если «началом» объективного времени является прошлое, то психологическим «началом» индивидуального времени – будущее. Человек не властен над объективным временем, но свое личное психологическое время он может структурировать свободно.

Итак, трансформация социальных и культурных пространств оказывает значительное влияние на изменения представлений о будущем современных юношей и девушек. Внешне эти изменения выражаются в откладывании важных взрослых решений. Что же происходит с внутренним содержанием представлений о собственном будущем в юношеском возрасте? В данном исследовании была решена задача по структурированию развития представлений об образе будущего, выраженных в содержательных категориях.

Цель проведенного исследования – выявить содержательные характеристики представлений о будущем современных юношей и девушек. Гипотеза исследования заключалась в том, что содержательными маркерами начала и окончания юношеского возраста с точки зрения представления о будущем является появление «видения будущего» в начале юношеского возраста и профессиональное самоопределение в конце.

Методы и организация исследования

Для проведения исследования была применена методика И.С. Кона (1988) «Я через 5 лет». Методика позволяет выявить содержательные компоненты прогнозирования будущего индивида. Участникам исследования было предложено описать себя такими, какими они себя видят через 5 лет. Ограничений по объему написанного и времени выполнения задания не задавалось. В рамках исследования было важно не ограничивать свободное описание и не задавать четких рамок, чтобы выявить содержательные характеристики представлений о будущем. Временной диапазон, в котором участник исследования должен был помыслить себя, составил пять лет, что позволило испытуемым увидеть обозримую для себя перспективу и оторваться от имеющихся в настоящем характеристик своей личности.

Выборку исследования составили 1 538 юношей и девушек от 14 до 28 лет. Нами были выделены четыре возрастные группы испытуемых молодых людей. В соответствии с основами культурно-исторической психологии и современными тенденциями в психологических исследованиях взросления эти возрастные группы соответствуют подростковому возрасту (14 лет), раннему юношескому (15–18 лет), позднему юношескому (19–23 года), возрасту молодости или возникновения взрослости (24–28 лет) (Васильева, 2006). Выборка формировалась по принципу «снежного кома». Мы рассылали в образовательные организации России по электронной по-

че ссылку на исследование и просили привлечь как можно большее количество участников. Желающим принять участие были описаны условия тестирования. Исследование проводилось в любом удобном для респондента месте на персональном компьютере. Участник исследования должен был ответить на первую часть вопросов относительно их анкетных данных, таких как их имя, пол, возраст, образовательная организация, в которой они учатся. Затем в отдельном окне ему давалась инструкция к написанию сочинения на тему «Я через 5 лет». По окончании исследования респондент должен был сообщить о согласии на использование персональных данных, и отправить ответы для подсчета данных.

Полученные текстовые данные были проанализированы при помощи статистического программного пакета «R» (версия 21.0). Нами анализировался содержательный посыл, который юноши (девушки) дают в своих сочинениях. Всего в 1 538 сочинениях содержалось 15 988 слов. Мы старались понять, в чем состоят реальные представления о собственном будущем, которые анализировались нами на основании отрывков писем юношей и девушек самим себе. Для этого выделялись наиболее популярные слова (чаще всего встречающиеся в сочинениях респондентов), проводился расчет корреляций, показывающих взаимосвязи встречающихся в сочинениях слов с наиболее популярными словами сочинений, и проводился иерархический кластерный анализ по методу Варда (Уорда). Кластерный анализ позволил выделить «сгущения» слов и разбить сводный текст сочинений на подмножества слов для выделения предпочитаемых участниками исследования тематик.

Результаты

Анализ текстов всех сочинений показал, что чаще всего, говоря о будущем, респонденты употребляют слова: «надеюсь» и «хочу», слова употребляются в разных падежах и модальностях. При этом если тексты сочинений анализировать отдельно по каждому возрастному срезу, то для подростков (14 лет) на первое место выходит слово «буду», а для молодых людей возраста молодости, или возникновения взрослости (24–28 лет) на первое место выходит слово «работа». Слова «надеюсь» и «хочу» встречаются чаще всего в возрастных группах юношей и девушек от 15 до 23 лет.

Итак, для подростков будущее означает безапелляционное «я буду». Несовершенный глагол «буду» употребляется в нескольких значениях: существовать; иметься; находиться; приходить; приезжать; происходить; совершаться; случаться; поступать; вести себя. Учитывая семантическое значение слова, мы понимаем, что подростки представляют будущее как нечто отдельное от них в настоящем, оно как бы «случится с ними потом».

Несовершенный глагол «надеяться» может быть использован в значении ожидать, что произойдет что-либо хорошее, нужное, и считать, что для этого есть основания; полагаться на кого-либо, что-либо, ожидать от кого-либо нужных, желательных действий. Несовершенный глагол «хотеть»

семантически означает чувствовать тягу к чему-либо, иметь желание или намерение. Итак, будущее непосредственно для девушек и юношей связывается с надеждами и позитивными ожиданиями.

В отличие от юношей и девушек молодые люди возраста молодости, или возникновения взрослости (24–28 лет) связывают будущее с работой. Слово «работа» рассматривается нами как профессиональная деятельность. Соответственно, только в возрасте молодости, или возникновения взрослости центральной темой представлений о будущем становится «профессиональная деятельность».

На основе проведенного семантического анализа слов, которые чаще всего встречаются в сочинениях юношей и девушек, мы считаем необходимым выделить две тематики ожидания и желания.

В результате кластерного анализа, проведенного по методу Варда (Уорда), было выделено 6 кластеров наиболее близких слов (рис. 1).

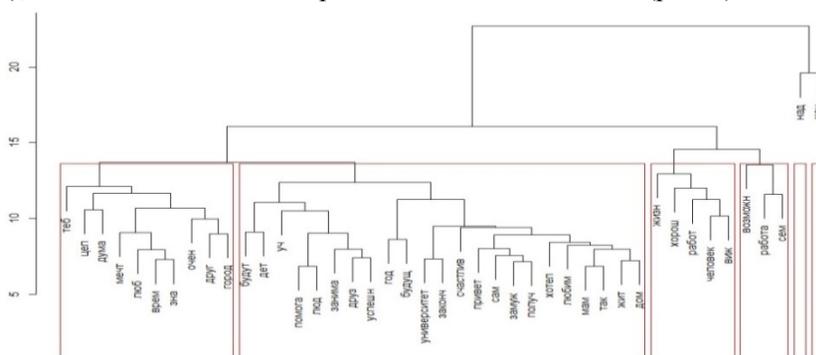

Рис. 1. Дендрограмма со значениями кластерного анализа с использованием метода Варда (Уорда) (N = 1 538, возраст от 14 до 28 лет)

Целью кластерного анализа являлась верификация выделенных критериев содержательных оснований построения собственного будущего юношами и девушками. Полученные результаты дополняют перечень содержательных тематик, выделенных при семантическом анализе часто употребляемых слов:

- к кластеру под номером 6 относится слово «хочу», это слово встречается чаще других, соответственно, это группа «связующих слов» – «кластер желаний»;
- к кластеру под номером 5 относится слово «надеюсь», это тоже группа верхнего уровня, «группа связующих слов» – кластер ожиданий;
- к кластеру под номером 4 относятся слова «возможности», «работа», «семья», где возможности связываются с семьей и работой; соответственно, это кластер возможностей;
- к кластеру под номером 3 относятся слова «жизнь», «хорошо», «работа», «человек», «вижу»; соответственно, жизнь связана с хорошей работой и человеком и тем, что хорошего видит юноша или девушка, это кластер целей;

- слова «надеюсь» и «хочу» попадают в отдельные кластеры, они являются связующими для 4 остальных кластеров;
- в отдельном кластере слово «учеба» связывается со словами «очень», «работа», а также с будущим и тем, что знаю;
- в отдельный кластер объединяются слова: «жизнь, которая хороша», а также обращение к себе в будущем – слово «тебя» связывается с человеком и возможностями;
- в отдельный кластер попадают взаимосвязанные слова: «счастливая – семья», «любовь – она для каждого», и «другой город»;
- самый большой кластер включает в себя слова, связанные с учебой в вузе, семьей – замужеством, девушкой, детьми, с мечтами, работой, интересами, временем и т.д.

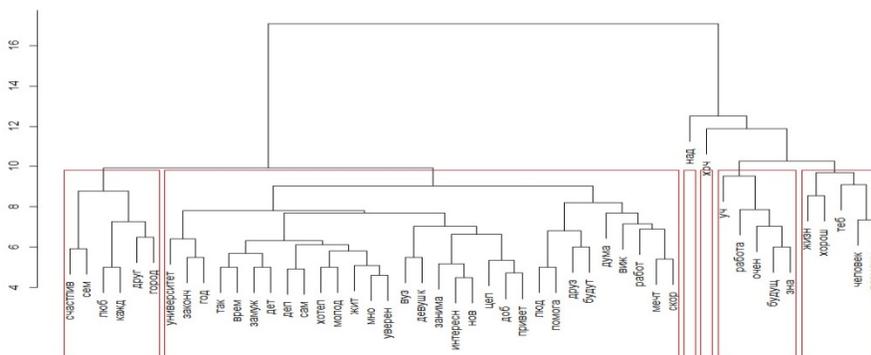

Рис. 3. Дендрограмма со значениями кластерного анализа с использованием метода Варда (Уорда) (N = 500, возраст от 15 до 18 лет)

В отличие от всей остальной выборки у юношей и девушек ранней юности появляются две интересные взаимосвязи. В одной учеба связывается с работой, с будущим, со знаниями, и все это усиливается наречием «очень». И именно в этом возрасте начинает образовываться кластер, который мы назвали кластером целей, в котором на этом этапе, помимо всего прочего, фигурирует счастливая семья.

Обозначим особенности сочинений юношей и девушек возраста поздней юности (19–23 лет):

- в отдельном кластере оказалось слово «хочу», этот кластер является связующим для всех остальных;
- в отдельный кластер выделилось слово «надеюсь»;
- появляется новый интересный кластер, в котором слово «времени» связывается с «возможностями»;
- в отдельном кластере слова «могу», «хотел», «думаю», «знаю» связываются с домом, другом, замужеством и любовью;
- работа связывается с жизнью, человеком, и видением;
- есть отдельный кластер – «достижения», в нем – хорошая работа, цели, семейные ценности, а также счастье, путешествия и машина.

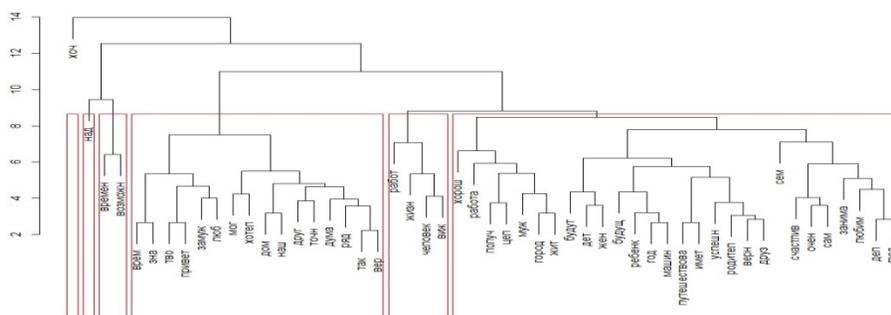

Рис. 4. Дендрограмма со значениями кластерного анализа с использованием метода Варда (Уорда) (N = 381, возраст от 19 до 23 лет)

Одной из отличительных черт представлений о собственном будущем в возрасте поздней юности является увязывание собственных возможностей со временем.

Перечислим особенности сочинений молодых людей возраста молодости, или возникновения взрослости (24–28 лет):

- в первом кластере жизнь связана с тем, что хочу, могу, в чем развиваюсь и что будет, а также с целями, с мечтами и временем;
- второй кластер называют кластером надежд, а слово «надеюсь» связывается с домом, добром, со всем нашим, о чем думаю, мечтаю, что люблю;
- третий кластер самый большой, в нем отмечены взаимосвязи таких слов, как «образование», «будущее», «здоровье», «молодость», «гордость», «уважение», «успешность», «помощь», «удовольствие» и т.д.;
- в четвертом кластере слово «видение» связывается со словами «мама», «женщина», «хорошо»;
- в пятом кластере дети связываются с работой, счастьем и интересами;
- шестой кластер – где семья связывается с работой и обращением к себе в будущее – «тебе».

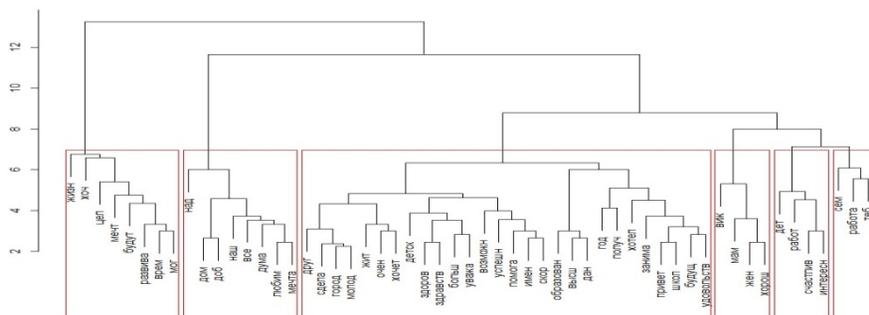

Рис. 5. Дендрограмма со значениями кластерного анализа с использованием метода Варда (Уорда) (N = 383, возраст от 24 до 28 лет)

Первой важной характеристикой этой возрастной группы является отсутствие «связующих слов», каждый кластер представляет собой достаточно связанный набор слов, который легко объединяется в отдельную тематику. Учитывая, что в сочинениях у этой категории респондентов слово «работа» встречалось чаще всего, интересно, что работа ими связывается с детьми, эта связь является счастливой и интересной, а также то, что она связывается с семьей и ими самими в будущем.

Обсуждение результатов

Опираясь на проведенный теоретический анализ, мы предположили, что образ будущего современных юношей и девушек претерпевает значительные изменения в связи с трансформациями в культурном и социальном контексте. Наше исследование показало, что содержательные тематики представлений о будущем юношей и девушек включают в себя: желания, ожидания, возможности, ценности, достижения и цели. При этом возможности связываются ими с семьей и работой, ценностью для них является жизнь, которая зависит от хорошей работы и хорошего человека, а также от того, что хорошего видит юноша или девушка. Цели связываются с собственной личностью в будущем, с пониманием времени, а также с тем, о чем юноши и девушки думают, мечтают, что любят и знают. Часто в качестве цели фигурирует другой город. Большинство исследователей, изучающих образ будущего в юношеском возрасте, указывают на такую приоритетную тематику представлений о будущем, как профессиональная деятельность (Чеснокова, 2019; Клементьева, 2019; Белогай, Бугрова, 2018; Данилова, 2016; Неяскина, Пронькина, 2017; Петрова, 2019). Например, Ю.Ю. Неяскина, В.О. Пронькина (2017), указывают, что в содержательной части образ будущего юношей и девушек чаще всего наполняется профессиональными подробностями и связан с профессиональным самоопределением. М.В. Клементьева (2019) пишет, что юношеский возраст характеризует обесценивание социальных ценностей.

Наше исследование показывает, что обсуждение ценностей является одной из центральных тематик представлений о будущем юношей и девушек, а хорошая работа обычно рассматривается ими как ценность и достижение. При этом работа и семья не являются центральными темами образа будущего в юношеском возрасте, обсуждение профессиональных характеристик самоопределения отсутствует. Но в образе будущего современных юношей и девушек присутствуют описательные характеристики работы и семьи (например, интересная, счастливая).

Исследователи, подробно описывающие формирование образа будущего в юношеском возрасте, указывают, с чем он связывается, каковы его структурные характеристики. Так, В.Н. Петрова (2019) пишет, что юношескому возрасту свойственна взаимосвязь между восприятием типа жизненных ценностей, отраженных в содержательных характеристиках образа будущего, уровнем счастья и удовлетворенности жизнью. В этом возрасте

уже существует субъектная позиция по отношению к собственной жизни и к собственному профессиональному развитию. Н.С. Данилова (2016) предлагает структурную организацию образа будущего как субъектной позиции, которая включает в себя следующие функциональные блоки: блок регуляции (жизненные ориентиры и программа действий), блок реализации (достижение поставленных целей) и блок результативности (контроль и анализ достигнутых результатов). Наше же исследование показывает, что формирование субъектной позиции относительно собственного будущего происходит в несколько шагов.

1. Будущее для подростков представляется, как нечто отдельное от них в настоящем – это то, что «случится или произойдет потом». Отличие представлений подростков о собственном будущем от других участников исследования заключается в том, что: во-первых, у них еще не выделились четкие шесть тематик, характерных для юношеского возраста; во-вторых, желания и возможности для них являются взаимосвязанными понятиями.

2. Будущее непосредственно для девушек и юношей связывается с надеждами и позитивными ожиданиями. В отличие от всей остальной выборки у юношей и девушек ранней юности появляются две интересные взаимосвязи. В одной – учеба связывается с работой, с будущим, со знаниями, и все это усиливается наречием «очень». И именно в этом возрасте появляется кластер целей, в котором на этом этапе, помимо всего прочего, фигурирует счастливая семья. Одной из отличительных черт представлений о собственном будущем в возрасте поздней юности является увязывание собственных возможностей со временем.

3. В возрасте молодости, или возникновения взрослости центральной темой представлений о будущем становится «профессиональная деятельность». Для образа будущего у представителей данной возрастной группы характерным является отсутствие «связующих слов», каждый кластер представляет собой достаточно связанный набор слов, который легко объединяется в отдельную тематику. Учитывая, что у этой категории респондентов слово «работа» встречалось чаще всего, нам показалось интересным, что работа ими связывается с детьми, причем эта связь является счастливой и интересной, а также то, что она связывается с семьей и ими самими в будущем.

Важные решения, которые ассоциируются со взрослостью и, по мнению В. Радаева (2020а, 2020б), откладываются современными юношами и девушками на более поздние периоды жизни, согласно нашему исследованию присутствуют в их образе будущего; представления об этих сферах собственной жизни развиваются в течение юношеского возраста. Непредсказуемость событий будущей жизни, которую выделяет Дж. Арнетт (2016, 2000), характеризуя этот возрастной период, свойственна российским юношам и девушкам в той или иной мере только до 23 лет (по нашим данным).

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при работе с самоопределением юношей и девушек. На основе полученных данных могут быть разработаны учебные мероприятия, позволяющие

юношам и девушкам структурировать освоение способов работы с формированием собственного будущего. Направлениями дальнейших исследований могут стать:

- лонгитюдное исследование, позволяющее отделить индивидуальные различия от тех, которые присущи всему поколению современных юношей и девушек;
- изучение взаимосвязей между выявленными особенностями представлений об образе будущего в юношеском возрасте и образовательными успехами юношей и девушек.

Заключение

Проведенное исследование показало, что содержательными направлениями представлений о будущем современных российских юношей и девушек являются: желания, ожидания, возможности, ценности, достижения и цели. Обсуждение будущей семьи и будущей работы является материалом, а не центральным ядром содержательного представления о будущем. Подростки видят образ будущего как то, что с ними «случится», не отделяя собственных желаний от возможностей. Юноши и девушки видят будущее в позитивных красках, в их представлениях о будущем их учеба и знания связаны с будущей работой, а их семья представляется им счастливой. В возрасте поздней юности возможности уже связаны со временем. Профессиональная деятельность (работа) становится центральной темой с 24 лет, через нее рассматривается появление семьи и детей, а также понимание самого себя.

Благодарность

Выражаем благодарность сотрудникам образовательных организаций за содействие в организации исследования, ссылка на которое была направлена в образовательные организации России по электронной почте с просьбой привлечь как можно большее количество участников, а также юношам и девушкам за уделенное время и предоставленные ответы.

Литература

- Андреева, А. Д. (2020). Детство в субъективных представлениях современных взрослых и подростков о жизненных циклах. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 13(1), 42–51.
- Белогай, К. Н., Бугрова, Н. А. (2018). Формирование образа будущего в период юности как проблема профессионального образования. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 43, 205–216.
- Богачева, Н. В., Сивак, Е. В. (2019). Мифы о «поколении Z». М.: НИУ ВШЭ.
- Бухарина, А. Ю. и Толстых, Н. Н. (2019). Временная перспектива и временная компетентность как факторы учебной мотивации. *Современная зарубежная психология*, 8(2), 36–48. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080204>
- Васильева, Н. П. (2006). *Динамика разрешения конфликтов развития в юношеском возрасте (автореферат кандидатской диссертации)*. Красноярск: Сибирский государственный технологический университет.

- Данилова, Н. С. (2016). Модель структурной организации образа будущего в юношеском возрасте. *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сeryя 3: Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія*, 6(3), 147–153.
- Клементьева, М. В. (2019). Биографический концепт как психологическое средство осмысления жизни. *Культурно-историческая психология*, 15(4), 68–78. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150407>
- Кон, И. С. (1984). *В поисках себя: Личность и ее самосознание*. М.: Политиздат.
- Левин, К. (2000). *Теория поля в социальных науках* (пер. с англ.). СПб.: Сенсор.
- Неяскина, Ю. Ю., Пронькина, В. О. (2017). Особенности конструирования будущего при разных уровнях толерантности к неопределенности (на примере юношеского возраста). *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3, 143–152. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-143-152>
- Петрова, В. Н. (2019). *Образ будущего как предиктор профессионального развития* (докторская диссертация). Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск.
- Поливанова, К. Н. (2012). Взросление в современном мире. *Образовательная политика*, 3, 76–82.
- Радаев, В. В. (2020 а). Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. Часть первая. *Социологический журнал*, 26(3), 30–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>
- Радаев, В. В. (2020 б). Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. Окончание. *Социологический журнал*, 26(4), 31–60. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7641>
- Червинский, Ф. Б. (2016). Особенности образа будущего у студентов ДВФУ. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 1, 41–45. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56009.htm>.
- Чеснокова, О. Б., Чурбанова, С. М., Молчанов, С. В. (2019). Профессиональное самоопределение в юношеском возрасте как структурный компонент будущего профессионализма: социокогнитивные и креативные факторы. *Культурно-историческая психология*, 15(4), 109–118. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150411>
- Шилова, Н. П. (2019). Гендерные особенности формирования временной перспективы будущего в юношеском возрасте. *Психолог*, 5, 66–72. doi: 10.25136/2409-8701.2019.5.31066
- Шилова, Н. П. (2021) Представление о будущих видах деятельности у современных юношей и девушек. *Психология и Психотехника*, 4, 143–154. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34855
- Шилова, Н. П. (2022). Взаимосвязь представлений о будущем и образовательных результатов в юношеском возрасте *Российский психологический журнал*, 19(1), 76–88. doi: 10.21702/rpj.2022.1.6

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 10.08.2022 г.; принята 27.10.2022 г.

Шилова Наталья Петровна – заместитель начальника управления организации и проведения государственной итоговой аттестации Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, кандидат психологических наук.

E-mail: npshilova@outlook.com

Владыко Анна Константиновна – ведущий советник отдела протокола Административного департамента Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, кандидат экономических наук.

E-mail: ankst2000@mail.ru

For citation: Shilova, N. P., Vladyko, A. K. (2022). The Modern Cultural Context of Ideas about the Future in Adolescence. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 86, 103–118. In Russian. English Summary. doi:10.17223/17267080/86/6

The Modern Cultural Context of Ideas about the Future in Adolescence

N.P. Shilova¹, A.K. Vladyko²

¹ Federal Service for Supervision of Education and Science, 127994, Moscow, Sadovaya – Sukharevskaya st., 16 bld., κ-51, ГСН- 4, Russian Federation

² Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Tverskaya st., 11 bld., Moscow, ГСН- 3, 125993, Russian Federation

Abstract

Introduction. The article describes the results of an empirical study of ideas about the future in the context of the socio-psychological phenomenon of the extended childhood and youth. For boys and girls the future is a positive time in which work depends on study and knowledge. Before the onset of adolescence, the future is blurred, and at the age of youth, the future depends on work, which determines the creation of a family, the appearance of children and self-understanding.

Methodology and sampling of the study. In this study the method of I.S. Cohn “Me in 5 years” was used. The sample consisted of 1,538 boys and girls aged from 14 to 28. Four age groups were identified, which correspond to adolescence (14 years old), early adolescence (15-18 years old), late adolescence (19-23 years old), the age of youth or the onset of adulthood (24-28 years old). The sample was formed according to the “snowball” principle by sending a link to the study to educational organizations in Russia by e-mail. The text data obtained were analyzed using the statistical software package “R” (version 21.0).

The main results of the study. The analysis of the texts of the essays showed that most often when talking about the future, respondents use the words: “I hope” and “I want”. For teenagers (14 years old), the word “I will” comes out on top, and for young people of the age of youth or the onset of adulthood (24-28 years old), the word “work” comes out on top. The words “I hope” and “I want” occur most often in the age groups from 15 to 23 years old.

Discussion and interpretation of data. Meaningful topics of ideas about the future include: desires, expectations, opportunities, values, achievements and goals. At the same time, opportunities are associated with family and work, the value is life, which depends on a good job and a good person nearby. Goals are associated with their own personality in the future, with an understanding of time, as well as with what boys and girls think, dream, love and know. The study also showed that the formation of a subjective position regarding one's own future takes place in several steps/stages.

Conclusion. The meaningful directions of ideas about the future are: desires, expectations, opportunities, values, achievements and goals. The discussion of the future family and future work is the material, and not the central core of a meaningful idea of the future. Teenagers see the future in positive colors, without separating their own desires from opportunities.

Keywords: youth; future; growing up; extended adolescence; emerging adulthood; prospect of the future.

References

Adelman, R.M., Herrmann, S.D., Bodford, J.E., Barbour, J.E., Graudejus, O., Okun, M.A., & Kwan, V.S. (2017). Feeling closer to the future self and doing better: Temporal

- psychological mechanisms underlying academic performance. *Journal of Personality*, 85(3), 398-408. doi: 10.1111/jopy.12248
- Andreeva, A. D. (2020). The attitude of 7–12-year-old school students towards their age as a subjective component of social situation of development. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya – Journal of Theoretical and Experimental Psychology*, 13(1), 42–51. (In Russian).
- Arnett, J.J. (2000). Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, 55(5), 469–480. doi: 10.1037//0003-066X.55.5.469
- Belogay, K.N., & Bugrova, N.A. (2018). Formirovanie obraza budushchego v period yunosti kak problema professional'nogo obrazovaniya [Formation of the image of the future in the youth as a problem of vocational education]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 43, 205–216.
- Bogacheva, N.V., & Sivak, E.V. (2019). *Mify o "pokolenii Z"* [Myths about “Generation Z”]. Moscow: HSE.
- Bukharina, A.Yu., & Tolstikh, N.N. (2019). Vremennaya perspektiva i vremennaya kompetentnost' kak faktory uchebnoy motivatsii [Time perspective and time competence as factors of learning motivation]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 8(2), 36–48. doi: 10.17759/jmfp.2019080204
- Chervinskiy, F.B. (2016). Osobennosti obraza budushchego u studentov DVFU [The image of the future among FEFU students]. *Kontsept*, 1, 41–45. Retrieved from: <http://e-koncept.ru/2016/56009.htm>.
- Chesnokova, O.B., Churbanova, S.M., & Molchanov, S.V. (2019). Professional'noe samoopredelenie v yunosheskom vozraste kak strukturnyy komponent budushchego professionalizma: sotsiokognitivnye i kreativnye faktory [Professional self-determination in adolescence as a structural component of future professionalism: socio-cognitive and creative factors]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 15(4), 109–118. doi: 10.17759/chp.2019150411
- Danilova, N.S. (2016). Model' strukturnoy organizatsii obraza budushchego v yunosheskom vozraste [A model of the structural organization of the image of the future in adolescence]. *Vestnik Grodzenskago dzyarzhaynaga yuniverstiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 3. Filalogiya. Pedagogika. Psikhologiya*, 6(3), 147–153.
- Klementieva, M.V. (2019). Biograficheskiy kontsept kak psikhologicheskoe sredstvo osmysleniya zhizni [The biographical concept as a psychological means of understanding life]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 15(4), 68–78. doi: 10.17759/chp.2019150407
- Kon, I.S. (1984). *V poiskakh sebya: Lichnost' i ee samosoznanie* [In search of oneself: Personality and its self-consciousness]. Moscow: Politizdat.
- Lewin, K. (2000). *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Field theory in the social sciences] (Trans. from English). St. Petersburg: Sensor.
- Neyaskina, Yu.Yu. & Pronkina, V.O. (2017). Osobennosti konstruirovaniya budushchego pri raznykh urovnyakh tolerantnosti k neopredelennosti (na primere yunosheskogo vozrasta) [Constructing the future at different levels of tolerance for uncertainty (on the example of adolescence)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 143–152. doi: 10.21603/2078-8975-2017-3-143-152
- Petrova, V.N. (2019). *Obraz budushchego kak prediktor professional'nogo razvitiya* [The image of the future as a predictor of professional development] (Dr. Diss.). National Research Tomsk State University. Tomsk.
- Polivanova, K.N. (2012). Vzroslenie v sovremennom mire [Growing up in the modern world]. *Obrazovatel'naya politika*, 3, 76–82.
- Radaev, V.V. (2020a). Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie. (Pervaya chast') [Millennial Generation Split: Historical and Empirical Rationale (Part 1)]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 26(3), 30–63. doi: 10.19181/socjour.2020.26.3.7395

- Radaev, V.V. (2020b). Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie. (Okonchanie) [Millennial Generation Split: Historical and Empirical Rationale (End)]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 26(4), 31–60. doi: 10.19181/socjour.2020.26.4.7641
- Roberts, S.E., & Côté, J.E. (2014). The Identity Issues Inventory: Identity stage resolution in the prolonged transition to adulthood. *Journal of Adult Development*, 21(4), 225–238. doi: 10.1007/s10804-014-9194-x
- Ryan, R.M., & Deci, E.L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: Guilford Publishing.
- Shilova, N.P. (2019). Gendernye osobennosti formirovaniya vremennoy perspektivy budushchego v yunosheskom vozraste [Gender features of the formation of the time perspective of the future in adolescence]. *Psikholog*, 5, 66–72. doi: 10.25136/2409-8701.2019.5.31066
- Shilova, N.P. (2021). Predstavlenie o budushchikh vidakh deyatelnosti u sovremennykh yunoshyey i devushek [The idea of future activities in modern boys and girls]. *Psikhologiya i Psikhotekhnika*, 4, 143–154. Retrieved from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34855
- Shilova, N.P. (2022). Associations Between Visions of the Future and Educational Outcomes of Young Adults. *Rossiyskiy psikhologicheskij zhurnal – Russian Psychological Journal*, 19(1), 76–88. (In Russian). doi: 10.21702/rpj.2022.1.6
- Vasilieva, N.P. (2006). *Dinamika razresheniya konfliktov razvitiya v yunosheskom vozraste* [Dynamics of resolution of developmental conflicts in adolescence] (Cand. Diss.). Siberian State Technological University. Krasnoyarsk.
- White, A., Storms, G., Malt, B.C., & Verheyen, S. (2018). Mind the generation: Differences between young and old in everyday lexical categories. *Journal of Memory and Language*, 98, 12–25. doi: 10.1016/j.jml.2017.09.001

Received 10.08.2022; Accepted 27.10.2022

Natalia P. Shilova – Deputy Head for the Department of organization and conduction of the State Final Certification, Federal Service for Supervision of Education and Science, Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: npshilova@outlook.com

Anna K. Vladyko – Senior Advisor for protocol division of Administrative department, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Cand. Sc. (Econom.).

E-mail: ankonst2000@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

ЭМПАТИЯ КАК РЕСУРС ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ АДАПТАЦИИ К ВУЗУ¹

М.М. Кашапов¹, А.А. Смирнов¹, Е.В. Соловьева¹,
И.В. Серафимович^{1,2}

¹ Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, 14

² ГАУ ДПО ЯО «Институт развития образования», 150014, Россия, Ярославль, ул. Богдановича, 16

Резюме

Ресурсный подход позволяет найти знания, которые необходимы в современной реальности, а также раскрыть факты, закономерности и механизмы совладания с трудными жизненными ситуациями. Цель общества в период цифровизации и глобального развития – выявить, как повысить жизнестойкость каждого отдельного гражданина и обеспечить тем самым его устойчивое развитие. Ресурсом выступает эмпатическое взаимодействие индивидов, но какое общение можно назвать успешным в образовательной среде? В современном обучении делают упор на развитие «гибких навыков» для быстрой адаптации. Эмпатию принято развивать у обучающихся, ибо считается, что она способствует социальной адаптированности. Таким образом, цель исследования – установить ресурсность эмпатии через фасилитацию жизнестойкости при адаптации студентов к вузу. Вузовская адаптированность студентов явно выражается в социальном контексте учебной и учебно-профессиональной деятельности в условиях разных видов практик. Именно поэтому в исследовании использованы методы психологической диагностики: Индекс жизнестойкости (S. Maddi), Тест эмпатических способностей (В.В. Бойко), Опросник адаптации студентов к вузу (М.С. Юркина), Тест определения склонности к суициду (P. Wider, в описании А.Ю. Егорова, С.А. Игумнова). Основные результаты работы заключаются в нахождении ресурсной стороны эмпатии для роста жизнестойкости студентов при адаптации к вузу в условиях цифровизации образовательной среды. Выборка студентов начального этапа обучения в вузе – 249 человек. Показано, что в условиях цифровизации характеристики конативных параметров эмпатии существенно отличаются от перцептивных каналов эмпатии. Впервые обосновано, что только конативность при эмпатическом взаимодействии может увеличить жизнестойкость студентов в учебной и учебно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова: учебная деятельность; субъект; ресурсность мышления; обучение; цифровизация образовательной среды; эмпатия

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00602, <https://rscf.ru/project/22-28-00602/>

Постановка проблемы

В настоящее время необходимость повышения жизнестойкости личности в образовательной среде становится очевидной и актуальной, поскольку обучающиеся сталкиваются со сложными жизненными ситуациями. В психологии разработка этой проблематики связана с исследованиями совладания со сложными ситуациями (Т.Л. Крюкова, А.В. Либин, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова); смысла жизни и акме (А.А. Деркач, И.П. Краснощеченко, В.И. Слободчиков, В.Э. Чудновский); с проблемой жизнестойкости (Д.А. Леонтьев, Л.М. Митина); личностно-ситуационного взаимодействия (Н.В. Гришина, Е.Ю. Коржова, Н.И. Леонов); самореализации личности (Л.А. Коростылева, В.Р. Малахова, В.С. Чернявская); саморегуляции активности личности (Л.Г. Дикая, В.И. Моросанова, Л.В. Куликов, А.К. Осницкий, А.О. Прохоров); ресурсов как средства реализации творческого потенциала субъекта учебной и профессиональной деятельности (Н.Е. Водопьянова, Л.И. Ларионова, В.П. Позняков, Ю.В. Синягин, А.В. Bakker, S.E. Hobfoll, C. Huang, J. Loewinger).

Возникающие затруднения неизбежно приводят к обострению дисфункциональных межличностных отношений, которые проявляются в форме моббинга, буллинга, скулшутинга (Кашапов, Филатова, Кашапов, 2018). Особую опасность представляет возрастающая склонность к суициду. Следовательно, в качестве одной из превентивных мер относительно подобных деструктивных явлений исследователи называют выполнение требований к высокой адаптивности человека. Кроме того, цифровизация образовательной среды тоже ставит новые задачи, от решения которых зависит успешность социализации и профессионализации будущих специалистов. Например, готовность к персонификации образования и выбору индивидуального образовательного маршрута, использованию дополненной или виртуальной реальности, применению достижений науки и техники, умению верифицировать информацию (Ильин, 2018; Кириллов, 2019; Паскова, 2019).

Одной из ключевых целей Организации Объединённых Наций (ООН) по устойчивому развитию общества (Цель Устойчивого Развития, ЦУР-4) в 2030 г. обозначено обеспечение доступного, качественного и стабильного образования каждому человеку в течение всей его жизни. Поэтому представляется целесообразным формирование у обучающихся знаний, навыков и ценностных жизненных установок, направленных на увеличение конкурентоспособности в выбранной профессии. В связи с этим становится особенно востребованным поиск способов профилактики дезадаптивного поведения в образовательной среде, а также средств, способствующих формированию важных профессиональных и личностных качеств субъекта в условиях цифровизации образовательной среды.

Исследователи, изучая устойчивость к трудным жизненным ситуациям, подчеркивают её связь с адаптацией личности. Т.М. Yates, & A.S. Masten (2004) отмечают, что в разных культурах существуют различия формиро-

вания модели устойчивости и ее внутренних процессов. S.M. Bonanno, G.A. Masten, A.S. Panter-Brick (2014) подчеркивают, что определение жизнестойкости личности во многом зависит от культурных особенностей. Детерминанты, влияющие на жизнестойкость личности, рассматриваются в рамках структурно-уровневого подхода, начиная с психологического анализа генетических переменных и заканчивая социальными переменными. Приведем определение жизнестойкости, которое дает D.B. Adrian (2018, с. 4): «Многоуровневые процессы, в которых участвуют различные системы для получения лучших результатов вопреки неблагоприятным обстоятельствам» (перевод авторов).

Реализация идеи многоуровневой модели жизнестойкости успешно осуществляется в контексте ресурсного подхода. Жизнестойкость личности отождествляется и соотносится с выносливостью, устойчивостью личности на всех исследуемых уровнях – биологическом, психофизиологическом, социальном, психологическом (Биопсихологический возраст, 2020). В работе Б.А. Ясько, Б.В. Казарина, В.Н. Городина и др. (2021) проведен психологический анализ жизнестойкости и персональных ресурсов врачей «красных зон» ковид-госпиталей.

В исследовании жизнестойкости и ее связей со свойствами личности, проведенном Т.В. Наливайко, экспериментально доказано, что феномен жизнестойкости является наиболее общей интегральной характеристикой личности, представляющей собой паттерн смысложизненных ориентаций, самоотношения, стилевых характеристик поведения, который опирается на природные свойства личности, но в большей степени носит социальный характер (Наливайко, 2006, с. 150). Поэтому понятие «жизнестойкость» рассматривается как ресурс личности, поскольку ресурс способствует преодолению трудных жизненных ситуаций посредством, прежде всего, мышления субъекта, направленного на познание и преобразование реальности (Кашапов, 2020). Т.В. Эксакусто и И.А. Кибальченко (2020) выявлены факторные структуры интеллектуально-личностного ресурса молодых людей. Л.Я. Дорфман и А.Ю. Калугин на основании установленного соотношения ресурсов, потенциалов и академических достижений студентов описали дифференциацию ресурсов и потенциалов (Дорфман, Калугин, 2020). Реализация ресурсного мышления раскрывает творческий потенциал субъекта, способствует формированию его зрелой позиции и созданию духовной опоры для самореализации и саморазвития на довузовском, вузовском и послевузовском этапах профессионализации (Кашапов, 2005). При этом именно надситуативность мышления рассматривается как ресурс реализации событийно-когнитивных компонентов личности.

Ресурсность мышления служит основой конструирования акме-событий, которые могут стать толчком к кульминациям, пикам профессионального и личностного развития, обеспечивающего интенсивность и насыщенность бытия (М.М. Кашапов, Г.Л. Шаматонова). Особую роль в достижении вершин играет учет акмеологических принципов в контексте реализации когнитивной ресурсной основы профессионального и личност-

ного развития субъекта (Кашапов, 2020). И.А. Кибальченко и Т.В. Эксакусто (2021) подчеркивают значение ресурсной роли гуманитарных дисциплин в развитии успешности будущих ИТ-специалистов. Понимание ресурсности в контексте профессионализации мышления субъекта (Кашапов, 2020) вносит определенный вклад в многогранную систему взаимосвязанных феноменов: жизнестойкость, эмпатийность, ресурсность и адаптивность.

Классический подход к пониманию жизнестойкости представлен в работе S.R. Maddi, D.M. Khoshaba (1994). Они же являются и авторами методики психодиагностики данного феномена. «Hardiness», т.е. жизнестойкость, имеет значение необходимой жизненной энергии, ресурса, устойчивости системы, которая способна преодолевать неустрашимую тревогу и трудные жизненные ситуации (Леонтьев, 2006). Таким образом, трактовка этого термина Д.А. Леонтьева является психологической с точки зрения повышения роли сознательной регуляции и эмоционального отношения в виде любви к жизни как противоположности суицидальным намерениям человека (Логинава, 2010).

Зарубежные и отечественные ученые одной из возможных детерминант любви к жизни считают эмпатию. Установлено, что именно сопереживание уменьшает суицидальные наклонности личности. Эмпатия не снижает жизнестойкость даже в трудных профессиональных ситуациях, в которых сопереживание могло бы привести к эмоциональному выгоранию или сильному дистрессу из-за травмоопасных воздействий на психику, например, в профессиональной деятельности медсестры или сотрудника полиции, юриста. Дело в том, что эмпатическое взаимодействие происходит на трех уровнях: аффективном, когнитивном, конативном (Afroogh, 2021), что получило подтверждение в различных научных моделях эмпатии (Eklund, Meranius, 2021). При этом ресурс эмпатии проявляется при решении проблемных ситуаций и достигается за счет «комплиментарности» эмоциональных и когнитивных составляющих ее компонентов, которые могут согласованно дополнять друг друга (Юсупов, 1991). Автор установил, что при низком уровне эмпатии представители социномической группы профессий не только дают людям полярно-стереотипные оценки, но и имеют узконаправленные и маловариативные способы воздействия на людей. Имеются неоднозначные данные о роли эмпатии для эффективности реализации профессиональной деятельности.

С другой стороны, в исследовании Е.В. Карповой и С.И. Коптевой (2019) показано, что эмпатия в зависимости от специфики педагогической деятельности может выступать как ресурс в виде профессионально важного качества, но не быть таковым для педагогов начальной школы. Авторы объясняют данный факт через несформированность и малую дифференцированность предмета эмпатии – внутреннего мира обучающегося.

Эмпатия считается ресурсом личности, тем самым подчеркивался ее потенциал совладания с трудными жизненными ситуациями и возможной основой для создания акме-событий. Эмоциональный интеллект не раз рассматривался именно как один из вариантов копинг-поведения, но сто-

рона эмпатического взаимодействия остается малоизученной (Мэтьюс, Люсин, Робертс, Зайднер, 2004). E.S. Montero и F.M. Morales-Rodríguez (2021) подчеркивают, что трудности в контроле эмоций чаще встречаются у высокочувствительных людей, что ставит их в уязвимую ситуацию в контексте развития тревожных и депрессивных расстройств. Авторы замечают, что в таком случае обмен эмоциями с другими людьми может вызвать чувства дезадаптации, такие как межличностный дистресс и чувство вины. Согласно докладу ООН (14 мая 2020 года, UN News¹), пандемия COVID-19 может вызвать глобальный кризис психического здоровья. В дальнейшем можем наблюдать психологический стресс у значительной части населения из-за потери близких, экономической нестабильности и изоляции, что подчеркивают многие исследователи (Brooks, Webster, Smith et al. 2021). По-прежнему остается открытым вопрос, насколько важно развивать эмпатию у обучающихся в современном мире, поможет ли она совладать с трудными ситуациями.

Таким образом, существует противоречие: с одной стороны, имеется необходимость в повышении жизнестойкости, особенно на этапах адаптации, с другой – возможным предиктором в повышении ресурсности жизнестойкости может считаться эмпатия. При этом на настоящий период времени явно недостаточно исследований, раскрывающих ресурсные возможности эмпатии в разных сторонах ее проявления – перцептивной и когнитивной, чему и посвящена настоящая статья.

Методы и организация исследования

Работа выполнена в русле системного и ресурсного подходов. Системный подход позволяет рассмотреть феномены в их эмерджентных свойствах, которые появляются благодаря режиму взаимодействия компонентов. Ресурсный подход дает опору для нахождения таких закономерностей, учет которых способствует развитию личности наиболее благополучным. Цель исследования: установить ресурсность эмпатии через фасилитацию жизнестойкости при адаптации студентов к вузу.

Под фасилитацией мы понимаем изменение факторов в сторону их роста. В.Н. Дружинин (1997, с. 106) пишет о разных типах взаимодействия переменных: фасилитирующее, ингибирующее, нейтральное и перекрестное. Фасилитирующее взаимодействие в методологии называют также сходящимся, т.е. изменение одной переменной (фактора) влечет за собой рост другой переменной, усиливая ее воздействие. Мы предполагаем, что при росте параметров эмпатии у студентов увеличатся значения жизнестойкости, что будет способствовать их адаптированности в вузе. Для определения фасилитации был применен «факторный план», где выборка разделена на три группы, и установлены значения исследуемых факторов

¹ UN Leads Call to Protect Most Vulnerable from Mental Health Crisis during and After COVID-19. (14 May 2020). UN News. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/05/1063882>

(переменных). Для наглядности обязательным условием принято построение графика изменения переменных и определения их типа из четырех возможных.

Применены качественные и количественные методы исследования: метод обратной гипотезы, анализ и синтез при качественной интерпретации результатов, статистическая обработка данных. В результате статистической обработки с помощью программы Statistica были установлены: корреляционная матрица взаимосвязей и взаимовлияний, а также структура и ее базовые качества с помощью рангового критерия корреляции Спирмена и структурных весов А.В. Карпова (2021). Дополнительно выявлены значимые различия групп выраженности жизнестойкости студентов, где при наличии нормального распределения использовался параметрический t-критерий Стьюдента, а при отсутствии нормального распределения – непараметрический U-критерий Манна–Уитни. Разделение по выраженности жизнестойкости определено с помощью линейного дискриминантного анализа Фишера, чтобы получить три достоверно различающиеся группы: низкий уровень ($N = 32$), средний уровень ($N = 72$) и высокий уровень жизнестойкости ($N = 44$).

Исследование проводилось в первом семестре обучения студентов-первокурсников с помощью следующих методик:

1. Опросник жизнестойкости С. Мадди (Maddi, Khoshaba, 1994) в адаптации Д.А. Леонтьева (2006). Классический вариант методики, который используется для оценки жизнестойкости. Подходит для исследуемого возраста.

2. Тест В.В. Бойко диагностики уровня эмпатических способностей. Данная методика позволяет диагностировать параметры эмпатии, выявляя уровневое деление эмпатического взаимодействия, и включает в себя следующие шкалы: эмоциональный, рациональный и интуитивный каналы эмпатии; установки, способствующие эмпатии; проникающую способность в эмпатии, идентификацию. Есть обобщающая шкала – общий уровень эмпатии.

3. Методика М.С. Юркиной «Адаптация студентов к вузу». Методика использована с целью изучить взаимосвязь эмпатических способностей с вузовской адаптированностью студентов. Включает три вида адаптации: профессиональный, дидактический и социальный. Нами предложена интегральная шкала, которая суммирует представленные компоненты.

4. W. Poeldinger, Suicidal Behavior Scale – Шкала суицидального поведения в описании А.Ю. Егорова, С.А. Игумнова (2005). Главная ее особенность – диагностика именно склонности к суицидальному поведению, что позволяет предвидеть и предотвратить подобные намерения человека. Автор методики рассматривал склонность к суициду как ряд стадий подготовки к нему. Кроме практического применения, возможно использование в целях нахождения предикторов и индикаторов суицидального поведения.

Исследование включало в себя два взаимодополняющих направления, реализованных на начальных этапах обучения в вузе. Первый состоялся в октябре 2021 г., респондентами выбраны студенты – 148 человек. Одно из направлений предполагало проверку прямой гипотезы и диагностику таких

феноменов, как эмпатия, вузовская адаптированность и жизнестойкость. Впоследствии, в октябре 2021 г., был проведен дополнительный замер на студентах (101 человек). Для проверки обратной гипотезы применён другой перечень методик; исследовались такие феномены, как эмпатия, вузовская адаптированность, склонность к суициду. С помощью метода обратной гипотезы удалось проверить взаимосвязь с обратным проявлением жизнестойкости – со склонностью к суициду. Данный метод расширяет понимание исследуемых амбивалентных феноменов, увеличивая полноту интерпретации в диалектическом единстве. Возможные методические ограничения заключаются в том, что респонденты являются студентами разных специальностей, хотя, с другой стороны, это должно было нивелировать профессиональные особенности обучения, поскольку все исследуемые обучаются на специальностях социномического типа.

Результаты

Исследовалась ресурсность эмпатии через фасилитацию жизнестойкости при вузовской адаптации студентов (табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязи эмпатии как ресурса личности со сторонами жизнестойкости при вузовской адаптации

Компоненты взаимосвязи			Жизнестойкость				Нарушение Склонность к суициду
			Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Общий индекс	
Эмпатия	ПП	РЭ	–	–	–	–	–
		ЭЭ	–0,28***	–0,45***	–0,20**	–0,36***	–
		ИЭ	–	–	–	–	–
	КП	СЭ	–	–	–	–	–0,19*
		ПС	0,31***	0,30***	0,37***	0,35***	–
		И	–	0,17*	0,19*	0,16*	–
Общий уровень эмпатии		–	–	0,16*	–	–	
Вузовская адаптированность (ВА)	КВ	СА	0,57***	0,42***	0,50***	0,54***	–0,18*
		ДА	0,32***	0,26***	–	0,27***	–
		ПА	0,58***	0,52***	0,43***	0,58***	–0,20*
	Общий уровень ВА		0,68***	0,56***	0,52***	0,65***	–0,22*

Примечание. ПП – перцептивные параметры эмпатии, КП – конативные параметры эмпатии, РЭ – рациональный канал эмпатии, ЭЭ – эмоциональный канал эмпатии, ИЭ – интуитивный канал эмпатии, СЭ – установки, способствующие эмпатии, ПС – проникающая способность в эмпатии, И – идентификация, ВА – вузовская адаптация, КВ – компоненты вузовской адаптации, СА – социальная адаптация, ДА – дидактическая адаптация, ПА – профессиональная адаптация.
* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001.

Полученные данные демонстрируют явно выраженную ресурсность изучаемых явлений. Для полноты представляемых материалов необходимо отметить, что в предыдущих исследованиях установлено: параметры эмпатии гетерохронно взаимосвязаны с адаптированностью студентов к вузу (Смирнов, Соловьева, 2021). Наблюдается, что проникающая способность в эмпатии способствует развитию всех трех компонентов вузовской адаптированности студентов (социальному, дидактическому и профессиональному), а каналы эмпатии оказывают ингибиционное, разрушающее воздействие. Под вузовской адаптацией мы понимаем процесс и промежуточный результат приспособления студентов к новым социальным условиям и вхождению в новый вид деятельности. Компоненты адаптации студентов к вузу – дидактический, социальный и профессиональный – проявляются в успешности освоения нового вида деятельности. Индикаторами эффективности усвоения дидактической адаптации (ДА) является применение новых способов изучения, представление учебных материалов, качество их применения. В одном из наших исследований был применен объективный показатель ДА – успеваемость студентов в первую сессию. Социальный компонент проявляется в принятии социальной роли, один из важных индикаторов – статус студента в группе по показателю социометрии. Профессиональный компонент заключается в принятии норм, ценностей профессии, построении студентом дальнейших планов; объективным показателем чаще выступают успеваемость по профессиональным предметам, учебно-профессиональные достижения.

Более детально авторы изучали взаимосвязи компонентов в предыдущих исследованиях, при этом было обнаружено, что снижают адаптацию студентов к вузу перцептивные каналы эмпатии – эмоциональный, интуитивный, и рациональные. В данном исследовании были установлены отрицательные взаимосвязи с компонентами ВА и параметрами эмпатии (табл. 2). В предыдущих исследованиях было значимо именно отрицательное воздействие интуитивного канала эмпатии (Смирнов, Соловьева, 2021), которое в настоящем анализе не выявлено. Позитивную же роль играют конативные параметры эмпатии: установки, проникающая способность и идентификация. В данном исследовании именно конативные параметры положительно взаимосвязаны с социальным компонентом ВА.

В представленных результатах можно наблюдать проявление ресурсности эмпатической активности лишь у конативных параметров эмпатии – идентификации и проникающей способности (см. табл. 1). А эмоциональный канал эмпатии отрицательно взаимосвязан с компонентами жизнестойкости студентов. Под ресурсностью мы понимаем, позитивную роль «двойной системной детерминации»: увеличение позитивных компонентов жизнестойкости и снижение негативных воздействий на жизнестойкость (склонность к суициду). Этот эффект наблюдается лишь у конативных параметров эмпатии и отсутствует у перцептивных каналов.

Для наглядности установленной закономерности респонденты были разделены на три группы по выраженности жизнестойкости, тем самым найдены различия в параметрах эмпатии (рис. 1).

Таблица 2

Взаимосвязи параметров эмпатии с компонентами адаптации студентов к вузу

Вузовская адаптация	Перцептивные параметры			Конативные параметры			Общий уровень эмпатии
	РЭ	ЭЭ	ИЭ	СЭ	ПС	И	
СА	–	–	–	0,15*	–	0,14*	0,16*
ДА	-0,15*	–	–	–	–	–	–
ПА	–	-0,21**	–	–	–	–	–
Общий уровень ВА	–		–	0,14*	0,16*	–	–

Примечание. РЭ – рациональный канал эмпатии, ЭЭ – эмоциональный канал эмпатии, ИЭ – интуитивный канал эмпатии, СЭ – установки, способствующие эмпатии, ПС – проникающая способность в эмпатии, И – идентификация, ОУ – общий уровень эмпатии, ВА – вузовская адаптация, СА – социальная адаптация, ДА – дидактическая адаптация, ПА – профессиональная адаптация.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

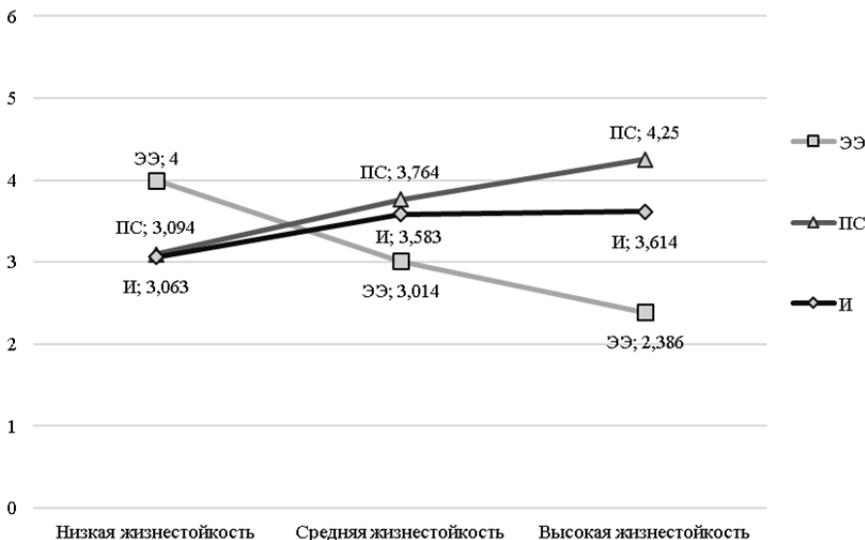

Рис. 1. Выраженность параметров эмпатии на разных уровнях жизнестойкости (ЭЭ – эмоциональный канал эмпатии, ПС – проникающая способность в эмпатии, И – идентификация)

На графике видно, что существует перекрестное взаимодействие параметров эмпатии, это подчеркивает неоднородную природу феномена. Под перекрестным, или пересекающимся, взаимодействием подразумевается взаимодействие факторов, описанных В.Н. Дружининым (1997, с. 106). Такой тип взаимодействия предполагает, что отношения переменных различны, неоднородны: существуют и рост, и снижение значений. Можно наблюдать рост конативных параметров эмпатии и снижение перцептивного канала (эмоционального). Конативные параметры изменяются на уров-

нях жизнестойкости по сходящемуся (фасилитирующему) типу взаимодействия, а эмоциональный канал эмпатии по сравнению с ними расходится (ингибирует). Остается вопрос: эмоциональный канал снижает жизнестойкость студентов или рост жизнестойкости уменьшает сопереживание? При проверке взаимовлияний не было обнаружено существенных прямых и обратных влияний эмпатии и жизнестойкости, следовательно, каузальности в этой связи нет, но нами обнаружена системная детерминация на структурном уровне, которая не подразумевает обнаружение причинности (табл. 3).

Таблица 3

Взаимовлияние компонентов жизнестойкости, эмпатии и вузовской адаптации студентов

Прямое влияние индекса жизнестойкости на компоненты эмпатии и вузовской адаптации студентов		Обратное влияние индекса жизнестойкости на компоненты эмпатии и вузовской адаптации студентов	
ИЖ → ПС	0,5	ПС → ИЖ	0,15
ИЖ → ЭЭ	0,53	ЭЭ → ИЖ	0,16
ИЖ → И	0,45	И → ИЖ	0,03
ИЖ → ДА	0,49	ДА → ИЖ	0,17
ИЖ → СЭ	0,47	СЭ → ИЖ	0,03
ИЖ → РЭ	0,48	РЭ → ИЖ	0,03
ИЖ → СА	0,66*	СА → ИЖ	0,41
ИЖ → ОУ	0,45	ОУ → ИЖ	0,1
ИЖ → ПА	0,68*	ПА → ИЖ	0,44
ИЖ → Контроль	0,89*	Контроль → ИЖ	0,89*
ИЖ → Принятие риска	0,73*	Принятие риска → ИЖ	0,71*
ИЖ → Вовлеченность	0,95*	Вовлеченность → ИЖ	0,93*
ИЖ → ВА	0,75*	ВА → ИЖ	0,62*
ИЖ → ИЭ	0,42	ИЭ → ИЖ	0,03

Примечание. ИЖ – индекс жизнестойкости, РЭ – рациональный канал эмпатии, ЭЭ – эмоциональный канал эмпатии, ИЭ – интуитивный канал эмпатии, СЭ – установки, способствующие эмпатии, ПС – проникающая способность в эмпатии, ОУ – общий уровень эмпатии, И – идентификация, ВА – вузовская адаптация, КВ – компоненты вузовской адаптации, СА – социальная адаптация, ДА – дидактическая адаптация, ПА – профессиональная адаптация.
Звездочкой и полужирным шрифтом отмечены значимые влияния.

Системная детерминация является эмерджентным эффектом, появляется за счет структурной организации – строения системы определенным образом расположенных частей целого, а не простой их суммы (Б.Ф. Ломов). Поэтому перейдем к структурному анализу полученных данных, с помощью изучения взаимосвязей в их единстве (табл. 4). При подсчете структурных весов по методу А.В. Карпова (количество значимых взаимосвязей каждого компонента структуры) выявлено, что системообразующим качеством является проникающая способность. (11 положительных взаимосвязей и 1 отрицательная). Эмоциональный канал эмпатии – второй по

весу в структуре (из всех 20 компонентов исследования) – 2 положительных и 8 отрицательных взаимосвязей. Характер взаимосвязей имеет антогонический принцип – противоположный. Третье место занимает качество «идентификация». Полученные результаты дают основание полагать, что часть феномена эмпатии играет ключевую роль в формировании жизнестойкости при вузовской адаптации студентов.

Под термином «ресурс» в данном исследовании мы понимаем такое воздействие фактора, как конструктивное увеличение позитивных характеристик и в то же время снижение негативных. Ресурсностью обладает лишь конативная сторона эмпатического воздействия, следовательно, именно конативные параметры необходимо развивать у студентов. Проникающая способность в эмпатии является системообразующим качеством, которое способно изменять структуру. Именно проникающая способность увеличивает компоненты жизнестойкости, а установки в эмпатии снижают склонность к суициду.

Таблица 4

Базовые качества структуры эмпатии как ресурса при вузовской адаптации студентов

Базовые качества структуры	Вес	R > 0	R < 0	Сумма
Проникающая способность в эмпатии	37	11	1	12
Эмоциональный канал в эмпатии	32	2	8	10
Идентификация	30	12	1	13
Дидактическая адаптация студентов	26	8	2	10
Установки, способствующие эмпатии	24	9	0	9
Рациональный канал в эмпатии	23	4	6	10
Социальная адаптация студентов	22	11	0	11
Общий уровень эмпатии	22	8	0	8
Профессиональная адаптация студентов	21	9	2	11
Контроль как компонент жизнестойкости	21	9	2	11
Принятие риска как компонент жизнестойкости	21	11	1	12
Индекс жизнестойкости	19	10	2	12
Вовлеченность как компонент жизнестойкости	18	10	2	12
Вузовская адаптация студентов	11	10	2	12
Интуитивный канал эмпатии	5	2	1	3

Примечание. R > 0 – положительные корреляционные связи; R < 0 – отрицательные корреляционные связи.

Обсуждение

В обсуждении важно отметить полученные нами результаты исследования и их возможную интерпретацию. Трехкомпонентная теория жизнестойкости С. Мадди подразумевает жизнестойкость как систему убежденности в том, что на окружающий мир можно воздействовать, изменять, а результаты будут влиять на жизнь личности (Леонтьев, 2006). Показатель вовлеченности демонстрирует, насколько человек убежден в том, что своей активностью преобразует реальность. Компонент контроля показывает, насколько человек чувствует, что контролирует свои решения и может по-

влиять на результат происходящего. И последний компонент в теории С. Мадди – принятие риска – говорит о том, насколько человек готов активно использовать опыт (в том числе негативный). Все три компонента развиты у благополучной личности, способной принимать, быть увлеченной и контролировать собственное поведение. Поскольку результаты эмпатии как ресурса выявлены лишь у конативной, т.е. поведенческой, стороны эмпатии, можно сделать вывод, что параметры эмпатии, которые развивают внешненаправленную, преобразующую эмпатию, развиты у более гармоничной, зрелой личности. Именно они связаны с убежденностью в принятии решений во внешнем плане реализации поступков. Но почему именно проникающая способность, установки в эмпатии и идентификация как конативные параметры имеют ресурсную составляющую? Мы предполагаем, что за ресурсностью в конативных параметрах эмпатии кроются следующие механизмы: экстериоризация, экспликация, надситуативность мышления, децентрация, прогнозирование (антиципация), а также метакогнитивные механизмы (социорефлексия, развитая модель психического).

Полученные нами данные согласуются с теоретическими представлениями отечественных и зарубежных авторов. Исследователи изучают познание через призму множества подходов: классический системный подход (П.К. Анохин, Б.Ф. Ломов, В.А. Ганзен), структурно-уровневый подход (М.С. Роговин, S. Afroogh, J. Eklund, Meranius), системно-субъектный (Е.А. Сергиенко), структурно-функциональный (В.Д. Шадриков), метасистемный подход (J. Flavell, А.В. Карпов), ресурсный (Д. Канеман, М.М. Кашапов), субъектно-личностный подходы (В.В. Знаков, А.А. Мелик-Пашаев). Особую ценность в контексте нашего исследования имеет понимание эффекта «расщепления» способностей (Холодная, 2020).

С опорой на модель развёртывания творческого потенциала через особенности ресурсного мышления, разработанную М.М. Кашаповым, можно сделать следующие предположения о природе конативной эмпатии.

Во-первых, эмпатия как ресурс обладает свойством надситуативности. Надситуативность мышления позволяет преобразовывать ситуацию и выходить за ее рамки (Кашапов, 2020). Именно это качество способствует формированию мышления, где субъект способен лучше контролировать и управлять собой (прежде всего, своими эмоциями) и ситуацией, т.е. совладать с трудностями, как это видно в полученных взаимосвязях с компонентами жизнестойкости.

Во-вторых, необходима реализация принципа контекстности, где учитываются в интегральном взаимодействии ситуация и личность (М.М. Кашапов, Г.Л. Шаматонова). Но контекст не всегда характеризуется только содержательными особенностями ситуации, это и их пропозициональные отношения. Подобные отношения показывают форму, а не содержание ситуации, ее временные, пространственные особенности. Темпоральность в эмпатии проявляется через интенцию эмпатии, что связано с третьей важной характеристикой – ее внешней направленностью, направленностью на преобразование, принятие решений, вовлеченность (С. Мадди).

В-третьих, экстраспективный (экстраспекция, внешне направленный) характер интенции, сознания эмпатии. Именно такой характер обеспечивает механизм экспликации и тесно связанный с ним механизм экстерииоризации. Под экстерииоризацией понимается процесс перехода внутреннего психического действия во внешнее, т.е. эмпатия как ресурс – не только внутреннее переживание субъекта взаимоотношений, но и активный участник преобразования ситуации во внешнем плане. Именно конативная сторона эмпатии способна разворачивать процесс познания партнера по общению. Экспликация не столько помогает проявлять эмпатическое воздействие в поведении, сколько объяснять и разъяснять себе самому свое поведение. Этот сложный механизм «растолковывания» крайне необходим для конструктивного взаимодействия. Взаимосвязи с тремя компонентами жизнестойкости у таких конативных параметров, как «проникающая способность» и «идентификация», подтверждают мысль о том, что конативность эмпатии – более контролируемый процесс, вовлеченный и связанный с осознанным принятием решений.

Анализ полученных результатов позволяет отметить снижение эмоционального эмпатического познания при увеличении жизнестойкости. Именно эмоциональный канал отрицательно взаимосвязан с жизнестойкостью. Опираясь на предыдущие рассуждения о природе эмпатии как ресурса, можно заметить, что эмоции и их принятие, сопереживание сложнее вывести на надситуативный уровень, определить их пропозиции (логику построения), крайне трудно эксплицировать эмоции другого – объяснять, что чувствует, ощущает партнер, а также влиять на них. Канал эмпатии в данном объяснении не имеет конативной стороны, он является совершенно пассивным в процессе общения.

В концепции понимания В.Д. Шадрикова на основе теоретических положений исследования поведенческих познавательных функций Н.А. Берштейна «О построении движений» сделан крайне значимый вывод: осознается только ведущий уровень активности. Понимание, таким образом, строится на регуляции и осознании только ведущего уровня, хотя при осуществлении деятельности функционируют все. Автор завершает свою мысль такими словами: «Понимание направлено на овладение собственным телом» (Шадриков, 2021, с. 97). Результаты нашего исследования согласуются с современным представлением о познании психического. Мы получили в данном исследовании, что проникающая способность в эмпатии является системообразующим качеством. Именно конативный уровень эмпатического взаимодействия является ведущим и осознаваемым, и задача индивида для успешной деятельности – овладеть эмпатической активностью, способностью её эффективной экстерииоризации.

Концепция уровневого знания присутствует у множества авторов. Е.А. Сергиенко вспоминает теорию М. Леви, где главным, последним уровнем в познании является так называемый мета-уровень: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Подчеркивается, что есть модели психического Другого – понимание о том, что чувствует, думает Другой. Это более

сложноорганизованный уровень психики, именно поэтому стоит понять, что овладеть им интуитивно очень трудно, важно найти методы гармоничного развития. Е.А. Сергиенко подчеркивает, что эксплицитная сторона модели является более сложноорганизованной, медленной, осознаваемой и контролируемой. Таким образом, можно отнести конативные параметры эмпатии именно к этой стороне психики, а каналы эмпатии (эмоциональный канал, например) – к имплицитной стороне – интуитивной, быстрой, неосознаваемой, слабо контролируемой (Сергиенко и др., 2020, с. 85). Подобные рассуждения про ресурс внимания и мышления можно встретить у Д. Канемана в книге «Думай медленно, решай быстро». Таким образом, параметр «эмоциональный канал» организован более просто, чем параметры «проникающая способность» и «идентификация». Эмоциональный канал ингибирует жизнестойкость, снижает адаптацию студентов к вузу.

Проникающая способность в эмпатии, на наш взгляд, может демонстрировать умение индивида не только создавать ситуацию доверия, но и превосходить ситуацию. Именно это качество В.В. Бойко (1996) описывает как способность создать доверительную атмосферу, но и выделяет ее предикативность (способность соотносить содержание с действительностью). Можно ли войти в доверие без эффективной антиципации и прогнозирования действий партнера? В.В. Знаков, говоря о психологии возможного, отмечает роль превосхождения будущего, именно так можно выйти из трудной жизненной ситуации. Невозможность осмысления трудной жизненной ситуации создает кризис (Знаков, 2022). Ценность предложенного нами понимания роли качества «проникающая способность» в жизнестойкости студентов заключается в том, что именно такие студенты обладают более высокой предикативностью эмпатии, способностью к прогнозированию и действию в этой трудной жизненной ситуации. Их жизнестойкость растет по причине того, что они более убеждены в своем выборе, принятии решений, ведь они могут более точно прогнозировать ситуацию общения.

Выводы

Эмпатия как ресурс жизнестойкости при вузовской адаптации студентов проявляется через взаимодействие конативной эмпатии со сторонами обучения: дидактической, социальной и учебно-профессиональной. Таким образом, трактование понятия «ресурс» для конативных параметров эмпатии заключается в том, что она увеличивает жизнестойкость и снижает склонность к суициду. Ресурсность – это не просто фасилитация успешности обучения, но и ингибция негативных воздействий. Следовательно, можно сделать следующие выводы.

1. Ресурсность эмпатии заключается не только в фасилитации жизнестойкости при вузовской адаптации студентов, но и в ингибции склонности к суициду.

2. Эмпатию можно подразделить на две стороны взаимодействия: перцептивная и конативная. Только конативная является ресурсом жизнестойкости студентов.

3. Эмоциональная составляющая эмпатии снижает жизнестойкость. Это объясняется ее имплицитной, малоосознаваемой организацией, а также невозможностью выхода на надситуативный уровень ресурсного мышления.

4. Конативная эмпатия отличается следующими характеристиками: надситуативностью, предикативностью (соотношение содержание и реальной действительности с целью прогноза), реализацией принципа контекстности. Она более эксплицитна, является высокоорганизованной, обладает осознанностью и регуляцией. Именно эти ее характеристики дают опору студентам для совладания в трудных жизненных ситуациях.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов в ходе построения обучения, особенно профессиям социономического типа. Учет позитивных характеристик эмпатии как ресурса позволит раскрыть творческий потенциал будущего профессионала. Эмоциональную сторону эмпатии развивать у студентов не стоит, гораздо эффективнее способствовать переходу на поведенческий уровень эмпатии.

Перспективы будущих исследований в русле эмпатии как ресурса представляются актуальными и востребованными в образовательной среде. При цифровизации роль общения не становится менее необходимой, скорее, она имеет дефицитарный характер. Поскольку эмпатическая активность имеет неоднозначный характер, похожий на «расщепление» при своих крайних значениях (Холодная, 2020), важно найти оптимум развития данного качества. Эмпатия является не только методом познания, но и методом воздействия и ответа на воздействие, респонзивности (Федоров, 2014). При исследовании эмпатических способностей представляется важным нивелировать «темную», деструктивную сторону эмпатии.

Литература

- Биопсихологический возраст и здоровье профессионалов (2020): коллективная монография.* Т. Н. Березина (ред.). М.: ИД Академии Жуковского.
- Бойко, В. В. (1996). *Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других.* М.: Информационно-издательский дом «Филинь».
- Дорфман, Л. Я., Калугин, А. Ю. (2020). Соотношение ресурсов, потенциалов и академических достижений студентов. Дифференциация ресурсов и потенциалов. *Образование и наука*, 22(4), 64–88.
- Дружинин, В. Н. (1997). *Экспериментальная психология: учебное пособие.* М.: ИНФРА-М.
- Егоров, А.Ю., Игумнов, С.А. (2005). *Расстройства поведения у подростков: клинико-психологические аспекты.* СПб.: Речь.
- Знаков, В. В. (2022). *Психология возможного: Новое направление исследований понимания.* М.: Институт психологии РАН.
- Ильин, Г. Л. (2018). «Трансгуманизация» современного образования. *Высшее образование в России*, 1(219), 133–142.
- Карпов, А. В. (2021). *Структура и сущность субъективной реальности:* в 2 т. Т. 1. Сенсорика. Процессы. Сознание. Ярославль: Филигрань.
- Карпова, Е. В., Коптева, С. И. (2019). Формирование у будущих педагогов эмпатии как профессионального качества. *Ярославский педагогический вестник*, 2, 114–121.

- Кашапов, М. М. (2020). Понимание ресурсности в контексте профессионализации мышления субъекта. *Методология современной психологии*, 11, 116–130.
- Кашапов, М. М. (2005). Особенности сопровождения творческого мышления психолога (на довузовском, вузовском и послевузовском этапах). *Сибирский психологический журнал*, 22, 135–140.
- Кашапов, М. М., Филатова Ю. С., Кашапов А. С. (2018). *Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте*. Ярославль: Издательско-полиграфический комплекс «Индиго».
- Кибальченко, И. А., Эксакусто, Т. В. (2021). Ресурсная роль гуманитарных дисциплин в развитии успешности будущих IT-специалистов. *Психология обучения*, 3, 10–20.
- Кириллов, П. Н. (2019). Школа возможностей: индивидуальные траектории развития. *Образовательная политика*, 3(79), 142–150.
- Леонтьев, Д. А. (2006). *Тест жизнестойкости*. М.: Смысл.
- Логинова, М. В. (2010). *Психологическое содержание жизнестойкости личности студента (кандидатская диссертация)*. М.: Современная гуманитарная академия.
- Мэтьюс, Дж., Люсин, Д. В., Робертс, Р. Д., Зайднер, М. (2004). Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике. *Психология*, 1(4), 3–26.
- Наливайко, Т. В. (2006). *Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности (кандидатская диссертация)*. Ярославль: Ярославский государственный университет.
- Паскова, А. А. (2019). Технологии искусственного интеллекта в персонализации электронного обучения. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*, 3(42), 113–122. doi: 10.24411/2078–1024–2019–13010
- Сергиенко, Е. А., Уланова, А. Ю., Лебедева, Е. И. (2020). *Модель психического: структура и динамика*. М.: Институт психологии РАН.
- Смирнов, А. А., Соловьева, Е. В. (2021). Взаимосвязь антидемократической подверженности и каналов эмпатии у студентов. *Вестник Костромского государственного университета*, 27(1), 71–76. doi: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-71-76
- Федоров, И. В. (2014). Предположения о респонзивной природе эмпатии. *Сибирский психологический журнал*, 53, 64–72.
- Холодная, М. А. (2020). Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия. *Психологический журнал*, 41(3), 18–31. doi: 10.31857/S020595920009342-2
- Шадриков, В. Д. (2021). *Понимание: концептуальные модели*. М.: Институт психологии РАН. doi: 10.38098/mng.2020.28.39.001
- Эксакусто, Т. В., Кибальченко, И. А. (2020). Факторные структуры интеллектуально-личностного ресурса молодых людей. *Системная психология и социология*, 2(34), 45–58.
- Юсупов, И. М. (1991). *Психология взаимопонимания*. Казань: Татарское книжное издательство.
- Ясько, Б. А., Казарин, Б. В., Городин, В. Н., Чугунова, Н. А., Покуль, Л. В., Скрипниченко, Л. С., Скоробогатов, В. В. (2021). Жизнестойкость и персональные ресурсы врачей «красных зон» ковид-госпиталей (психологический анализ). *Вестник РГМУ*, 4, 68–74. doi: 10.24075/vrgmu.2021.042

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 28.03.2022 г.; повторно 22.06.2022 г.; принята 28.10.2022 г.

Кашапов Мергалис Мергалимович – заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор психологических наук, профессор.
E-mail: smk007@bk.ru

Смирнов Александр Александрович – доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: asmirnov1970@bk.ru

Соловьева Елизавета Валерьевна – стажер кафедры педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

E-mail: solovyeva.ev205@gmail.com

Серафимович Ирина Владимировна – доцент кафедры педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, кандидат психологических наук, доцент, проректор по организационно-методической деятельности ГАУ ДПО ЯО «Институт развития образования».

E-mail: iserafimovich@yandex.ru

For citation: Kashapov, M. M., Smirnov, A. A., Solovyeva, E. V., Serafimovich, I. V. (2022). Empathy as a Resource of Students' Hardiness during University Adaptation. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 86, 119–138. In Russian. English Summary. doi:10.17223/17267080/86/7

Empathy as a Resource of Students' Hardiness during University Adaptation¹

M.M. Kashapov¹, A.A. Smirnov¹, E.V. Solovyeva¹, I.V. Serafimovich^{1,2}

¹ P.G. Demidov Yaroslavl State University, 9, Matrosov Passage, Yaroslavl, 150003, Russian Federation

² Institute of Education Development, 16 Bogdanovich Str.t, Yaroslavl, 150014, Russian Federation

Abstract

Introduction. The resources approach allows to obtain the knowledge that is necessary in modern reality, as well as to reveal the facts, patterns and mechanisms of coping with difficult life situations. The goal of society in the period of global development is to identify how to increase the hardiness of each individual and thereby ensure its sustainable development. The resource is the empathic interaction of individuals. But what kind of communication can be called successful in an educational environment? In modern education emphasis is placed on the development of «flexible skills» for rapid adaptation. Empathy is usually developed among students because according to common belief it contributes to social adaptation.

Purpose of research. Thus, the study is aimed at establishing the resources of empathy through the facilitation of hardiness in the university adaptation of students. The university adaptability of students is clearly reflected in the social context of development, educational and future professional activities.

Materials and methods. In this study we apply the following methods of psychological diagnosis: Index of hardiness (S. Maddi), Test of empathic abilities (V.V. Boyko), Questionnaire of students' adaptation to higher education (M.S. Yurkina), A test for determining suicidal tendencies (P. Wider, described by A.Y. Egorov, S.A. Igumnov).

Results. The study has established the resource side of empathy which might increase students' hardiness in relation to adapting to the university. The study has profiled 249 students.

Conclusion. The study demonstrates that the characteristics of the conative parameters of empathy differ significantly from the perceptual channels of empathy. It is proved for the first

¹ The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00602, <https://rscf.ru/project/22-28-00602>.

time that only conativity in empathic interaction can increase the hardiness of students in educational and professional activities. Empathy as a resource of hardiness in the university adaptation of students is manifested through the interaction of conative empathy with the sides of learning. Thus, the interpretation of the concept of a resource for cognitive empathy is that it increases hardiness and reduces suicidal tendencies. Resourcefulness not just facilitates the learning success, but also eliminates negative impacts. The emotional component of empathy reduces hardiness. This stems from its implicit, subconscious structure, and the impossibility of reaching the supra-situational level of resource thinking.

Keywords: educational activity; subject; resource thinking; learning; digitalization of the educational environment.

References

- Adrian, B.D. (2018). A critical review of resilience theory and its relevance for social work. *Social Work, 54*(1), 1–18. doi: 10.15270/54-1-611
- Afroogh, S., Esmalian, A., Donaldson, J.P., & Mostafavi, A. (2021). Empathic Design in Engineering Education and Practice: An Approach for Achieving Inclusive and Effective Community Resilience. *Sustainability, 13*, 4060. doi: 10.3390/su13074060
- Berezina, T.N. (Ed.) (2002) *Biopsikhologicheskiiy vozrast i zdorov'e professionalov* [Biopsychological age and health of professionals]. Moscow: ID Akademii Zhukovskogo.
- Bonanno, S.M., Masten, G.A., & Panter-Brick, A.S., (2014). Resilience definitions, theory, and challenges: interdisciplinary perspectives Catherine, Yehuda, Rachel. *European Journal of Psychotraumatology, 5*. doi: 10.3402/ejpt.v5.25338
- Boyko, V.V. (1996). *Energiya emotsiy v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugikh* [The energy of emotions in communication: a look at yourself and others]. Moscow: Filin".
- Brooks, S.K., Webster, R.K., Smith, L.E., Woodland, L., Wessely S., Greenberg, N., Rubin, G.J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *The Lancet, 395*, 912–920. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
- Dorfman, L.Ya. & Kalugin, A.Yu. (2020). Sootnoshenie resursov, potentsialov i akademicheskikh dostizheniy studentov. Differentsiatsiya resursov i potentsialov [The ratio of resources, potentials and academic achievements of students. Differentiation of resources and potentials]. *Obrazovanie i nauka, 22*(4), 64–88.
- Druzhinin, V.N. (1997). *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology]. Moscow: IN-FRA-M.
- Egorov, A.Yu. & Igumnov, S.A. (2005). *Rasstroystva povedeniya u podrostkov: kliniko-psikhologicheskie aspekty* [Behavioral disorders in adolescents: clinical and psychological aspects]. St. Petersburg: Rech'.
- Eklund, J., & Meranius, M. (2021). Toward a consensus on the nature of empathy: A review of reviews. *Patient Education and Counseling, 104*(2), 300–307. doi: 10.1016/j.pec.2020.08.022
- Eksakusto, T.V. & Kibalchenko, I.A. (2020). Faktornye struktury intellektual'no-lichnostnogo resursa molodykh lyudey [Factor structures of the intellectual and personal resource of young people]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya, 2*(34), 45–58.
- Fedorov, I.V. (2014) Predpolozheniya o responzivnoy prirode empatii [Assumptions about the responsive nature of empathy]. *Sibirskiy psikhologicheskiiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology, 53*, 64–72.
- Ilin, G.L. (2018). “Transgumanizatsiya” sovremennogo obrazovaniya [“Transhumanization” of modern education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia, 1*(219), 133–142.
- Karpov, A.V. (2021). *Struktura i sushchnost' sub'ektivnoy real'nosti* [Structure and essence of subjective reality]. Vol. 1. Yaroslavl: Filigran'.

- Karpova, E.V. & Kopteva, S.I. (2019). Formirovanie u budushchikh pedagogov empatii kak professional'nogo kachestva [Formation of empathy in future teachers as a professional quality]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*, 2, 114–121.
- Kashapov, M. M. (2020). Ponimanie resursnosti v kontekste professionalizatsii myshleniya sub"ekta [Understanding resourcefulness in the context of professionalization of the subject's thinking]. *Metodologiya sovremennoy psikhologii*, 11, 116–130.
- Kashapov, M.M. (2005). Osobennosti soprovozhdeniya tvorcheskogo myshleniya psikhologa (na dovuzovskom, vuzovskom i poslevuzovskom etapakh) [Features of supporting the creative thinking of a psychologist (at the pre-university, university and postgraduate stages)]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 22, 135–140.
- Kashapov, M.M., Filatova, Yu.S. & Kashapov, A.S. (2018). *Kognitivnye komponenty tvorcheskogo protsessa v konflikte* [Cognitive components of the creative process in conflict]. Yaroslavl: Indigo.
- Kholodnaya, M.A. (2020). Mnogomernaya priroda pokazateley intellekta i kreativnosti: metodicheskie i teoreticheskie sledstviya [Multidimensional nature of indicators of intelligence and creativity: methodological and theoretical implications]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 41(3), 18–31. doi: 10.31857/S020595920009342-2
- Kibalchenko, I.A., & Eksakusto, T.V. (2021). Resursnaya rol' gumanitarnykh distsiplin v razvitiu uspekhov budushchikh IT-spetsialistov [The resource role of the Humanities in the development of the success of future IT-specialists]. *Psikhologiya obucheniya*, 3, 10–20.
- Kirillov, P.N. (2019). Shkola vozmozhnostey: individual'nye traektorii razvitiya [School of Opportunities: Individual Development Trajectories]. *Obrazovatel'naya politika*, 3(79), 142–150.
- Leontiev, D.A. (2006). *Test zhiznестойкости* [The vitality test]. Moscow: Smysl.
- Loginova, M.V. (2010). *Psikhologicheskoe soderzhanie zhiznестойкости lichnosti studentov* [The psychological content of the resilience of the personality of students] (Cand. Diss.). Modern Humanitarian Academy, Moscow.
- Maddi, S.R., & Khoshaba, D.M. (1994). Hardiness and mental health. *Journal of Personality Assessment*, 63, 265–274.
- Matthews, J., Lusin, D. W., Roberts, R. D., Seidner, M. (2004). Emotsional'nyy intellekt: problemy teorii, izmereniya i primeneniya na praktike [Emotional intelligence: problems of theory, measurement and application in practice]. *Psikhologiya*, 1(4), 3–26.
- Montero, E.S., & Morales-Rodríguez, F.M. (2021). Evaluation of anxiety, suicidal risk, daily stress, empathy, perceived emotional intelligence, and coping strategies in a sample of Spanish undergraduates. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(4), 1418. doi: 10.3390/ijerph18041418
- Nalivayko, T.V. (2006). *Issledovanie zhiznестойкости i ee svyazey so svoystvami lichnosti* [The study of resilience and its relationship with personality traits] (Cand. Diss.). Yaroslavl State University, Yaroslavl.
- Paskova, A.A. (2019). Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v personalizatsii elek-tronnogo obucheniya [Artificial intelligence technologies in the personalization of e-learning]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo uni-versiteta*, 3(42), 113–122. doi: 10.24411/2078–1024–2019–13010
- Shadrikov, V.D. (2021). *Ponimanie: kontseptual'nye modeli* [Understanding: conceptual models]. Moscow: Institute of Psychology RAS. doi: 10.38098/mng.2020.28.39.001
- Sergienko, E.A., Ulanova, A.Yu., & Lebedeva, E.I. (2020). *Model' psikhicheskogo: Struktura i dinamika* [Model of the mental: A structure-tour and dynamics]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
- Smirnov, A.A. & Solovieva, E.V. (2021). Vzaimosvyaz' antidemkraticheskoy podverzhennosti i kanalov empatii u studentov [Interrelation of anti-democratic exposure and

- channels of empathy among students]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 27(1), 71–76. doi: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-71-76
- Yasko, B.A., Kazarin, B.V., Gorodin, V.N., Chugunova, N.A., Pokul, L.V., Skripnichenko, L.S., & Skorobogatov, V.V. (2021). Zhiznestoykost' i personal'nye resursy vrachev "krasnykh zon" kovid-gospitaley (psikhologicheskiy analiz) [Resilience and personal resources of doctors in "red zones" of covid hospitals (a psychological analysis)]. *Vestnik RGMU*, 4, 68–74. doi: 10.24075/vrgmu.2021.042
- Yates, T.M., & Masten, A.S. (2004). Fostering the Future: Resilience Theory and the Practice of Positive Psychology. In P.A. Linley & S. Joseph (Eds.), *Positive psychology in practice* (pp. 521–539). doi: 10.1002/9780470939338.ch32
- Yusupov, I.M. (1991). *Psikhologiya vzaimoponimaniya* [Psychology of mutual understanding]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Znakov, V.V. (2022). *Psikhologiya vozmozhnogo: Novoe napravlenie issledovaniy ponimaniya* [The Psychology of the Possible: A New Direction for Pony-Mania Research]. Moscow: Institute of Psychology RAS.

Received 28.03.2022; Revised 22.06.2022; Accepted 28.10.2022

Mergalyas M. Kashapov – Head of the Department of Pedagogy and Educational Psychology P.G. Demidov Yaroslavl State University, D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: smk007@bk.ru

Alexsandr A. Smirnov – Associate Professor of the Chair of Pedagogy and Pedagogical Psychology of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: asmirnov1970@bk.ru

Elizaveta V. Solovyeva – Researcher's of the Chair of Pedagogy and Pedagogical of P.G. Demidov Yaroslavl State University.

E-mail: solovyeva.ev205@gmail.com

Irina V. Serafimovich – Associate Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of P.G. Demidov Yaroslavl State University. Associate Professor, Vice-Rector for Organizational and Methodological Work of State Autonomous Institution of Additional Professional Education of the Yaroslavl Region Educational Development Institute. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: iserafimovich@yandex.ru

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

ЗДОРОВЬЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОВСЕДНЕВНОГО ВЫБОРА: РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ ШКАЛЫ МОТИВАЦИИ ВЫБОРА ДЕЙСТВИЙ В ПОЛЬЗУ И ВО ВРЕД ЗДОРОВЬЮ¹

Е.И. Рассказова¹, А.Ш. Тхостов¹

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Резюме

В данной работе поведение, связанное со здоровьем, рассматривается не как единая деятельность, а как серия повседневных, нередко несогласованных и полимотивированных выборов действий в пользу и во вред здоровью. **Цель** – разработка и апробация шкалы мотивации действий, связанных со здоровьем, как повседневных выборов людей в пользу или во вред здоровью. **Методы.** 119 жителей г. Москвы и МО и 64 жителя г. Баку заполняли шкалу мотивации действий в пользу и во вред здоровью (на конкретном примере каждого из действий), шкалы оценки субъективного благополучия и шкалу способов заботы о здоровье. **Результаты.** Продемонстрирована достаточная согласованность и факторная валидность шкалы. Оценивая свою мотивацию как на пользу, так и во вред здоровью, люди выше оценивают внутреннюю и идентифицированную мотивацию и ниже – поиск нового, внешнюю и амотивацию. При выборе в пользу здоровья, по сравнению с выбором во вред ему, отмечаются более высокие показатели идентифицированной, интроецированной мотивации, а также поиска нового. Внутренняя и идентифицированная мотивация выбора действий в пользу здоровья связаны с более низким уровнем отрицательных эмоций и активным образом жизни, а идентифицированная мотивация – также и с проактивным мониторингом здоровья. Бессилие как вариант амотивации связано с более высоким уровнем негативных эмоций при выборе как в пользу здоровья, так и во вред ему. Поиск нового для здоровья связан с использованием альтернативных методов лечения. **Выводы.** Шкала мотивации действий может применяться для диагностики внутренней, идентифицированной, интроецированной, внешней мотивации, амотивации, а также поиска нового и бессилия в отношении действий как на пользу, так и во вред здоровью.

Ключевые слова: поведение, связанное со здоровьем; континуум относительной автономии; мотивация; вредное для здоровья поведение; психодиагностика

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 22-28-01643 «Психологическая саморегуляция в отношении здоровья: роль повседневного выбора».

Введение

Для психологии здоровья характерна длительная традиция рассмотрения поведения, связанного со здоровьем, как единой целенаправленной деятельности¹, мотивация которой описывается как континуум от неготовности – к полной готовности к соответствующим действиям (Taylor, 2018; Рассказова, 2019; Hennessy et al., 2020). Тем не менее все больше исследователей указывают на то, что такой подход не учитывает иррационального выбора, его полимотивированности и конфликта мотивов и других аспектов (DeSteno et al., 2013; Sheeran et al., 2013; Тхостов, Рассказова, 2019). В данной работе предлагается альтернативный подход к поведению, связанному со здоровьем: мы предполагаем, что его можно рассматривать как серию выборов действий людьми. Эти выборы могут быть несогласованы между собой и полимотивированы, не всегда рациональны. Некоторые из них совершаются в пользу здоровья, а некоторые во вред. Часть из них носят привычный, автоматический характер, и человек может их не замечать. Однако общий «итог» для здоровья зависит от соотношения этих выборов в долгосрочной перспективе. Для дальнейшего обоснования такой подход требует методического обеспечения.

Цель данного исследования – разработка и апробация шкалы мотивации действий, связанных со здоровьем, как повседневных выборов людей – в пользу или во вред здоровью. Задачами были обеспечение сопоставимости версии методики и действий в пользу и во вред здоровью, а также обоснование надежности–согласованности факторной валидности шкалы и ее внешней валидности (в сопоставлении с субъективным благополучием и заботой о здоровье). Помимо этого, ставились задачи описания паттерна различных видов мотивации действий в пользу и во вред здоровью, а также выявления социодемографических факторов этой мотивации.

В основу методики была положена модель континуума относительной автономии (Sheldon et al., 2017; Осин и соавт., 2017), опирающаяся на положения теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Согласно этой модели традиционную дихотомию «внутренняя – внешняя мотивация» правомернее рассматривать как континуум, на котором можно выделить несколько вариантов. Собственно внутренняя мотивация предполагает получение удовольствия от самого процесса деятельности. К ней примыкает идентифицированная мотивация, при которой деятельность рассматривается человеком как лично значимый и важный для него выбор – выбор, который может требовать усилий, но важен для его идентичности. Интроецированная мотивация – это мотивация, основанная на избегании отрицательных чувств (например, вины, стыда) или стремлении к самоодобрению (например, гордости). Внешняя мотивация предполагает дея-

¹ В данной работе термины «поведение, связанное со здоровьем» и «действия, связанные со здоровьем» используются синонимично, поскольку англоязычное употребление термина «поведение» является крайне широким.

тельность ради других людей или под их давлением. Наконец, в случае амотивации человек продолжает деятельность по сути «по инерции», не зная зачем и нередко утерев смысл этой деятельности для себя.

Поскольку мотивация поведения, связанного со здоровьем, обладает своей спецификой (Рассказова, 2019), дополнительно мы выделили два варианта мотивации, не предусмотренных моделью континуума автономии и имеющих разный смысл в случае действий в пользу и во вред здоровью. Во-первых, это мотивация поиска нового, которая в случае деятельности, полезной для здоровья, предстает как пробование, поиск нового интереса (близка внутренней мотивации, но не сводится к ней, требуя выхода за пределы привычного). В случае вредных для здоровья действий речь идет о поиске ощущений, в том числе запретных¹, что неоднократно описывалось в исследованиях как фактор риска различных форм девиантного поведения (Гульдман, Корсун, 1990; Bidwell et al., 2015; Kong et al., 2013). Во-вторых, в связи с тем, что вредное для здоровья поведение нередко провоцируется усталостью, своеобразным «истощением» ресурса саморегуляции (Baumeister et al., 2007; Muraven et al., 1998), в шкалу были добавлены пункты, описывающие в качестве причины усталость, недостаточность ресурсов, невозможность сосредоточиться. В случае полезного для здоровья поведения такие пункты характеризуют скорее приятное и полезное для здоровья расслабление, к которому прибегает уставший человек в попытке позаботиться о себе. Можно предполагать, что, по крайней мере, в случае вредного для здоровья поведения этот вариант мотивации наиболее близок амотивации.

Методы

Шкала мотивации выбора действий в пользу и во вред здоровью создавалась в несколько этапов:

1. На первом этапе экспертами были сформулированы 4-5 пунктов для каждой из семи предполагаемых вариантов мотивации: пяти вариантов из континуума автономии (внутренняя, идентифицированная, интроецированная, внешняя, амотивация) и двух дополнительных (мотивация поиска нового и бессилие как мотивация). Пункты для полезного и вредного для здоровья поведения формулировались так, чтобы быть максимально сходными или идентичными.

2. На втором этапе методика предъявлялась респондентам дважды (в варианте для действий, полезных и вредных для здоровья) со следующими инструкциями: *«Вспомните, пожалуйста, свой последний недавний выбор в пользу здоровья – что-то, что может помочь Вам развиваться физически и лично. Ниже ответьте об этом выборе – оцените каждое из утверждений о том, как Вы принимали решение в пользу здоровья и развития. Подходящие примеры: «пошел играть в футбол с друзьями», «схо-*

¹ Поскольку респонденты сами выбирали из недавнего прошлого действия, которые были на пользу и во вред здоровью, они во всех случаях знали о вреде для здоровья соответствующих действий.

дила на йогу», «не стала есть лишнее печенье», «пошел на курсы». Неподходящие примеры – если это еще не сделано, например, «записался на курсы» – потому что неизвестно, начнете ли Вы заниматься после этого.». Респондентов просили описать свой выбор, оценить, насколько давно была эта ситуация («Сегодня или вчера», «Недавно / Пару дней назад», «Прошлая неделя», «Прошлый месяц», «Несколько месяцев назад»), а затем просили оценить каждую из возможных причин, почему они сделали такой выбор по шкале Лайкерта от 1 («Совершенно не согласен») до 5 («Совершенно согласен»). Затем та же процедура повторялась для действия, вредного для здоровья. Дополнительно респонденты заполняли инструментарий для оценки внешней валидности методики (см. ниже).

3. На третьем этапе по каждой субшкале отбирались 2–4 пункта с максимальной надежностью–согласованностью при обоих типах выбора в обеих исследуемых группах (см. ниже). После этого проводился факторный анализ полученного набора пунктов, исследовались социодемографические факторы и внешняя валидность методики.

В исследовании приняли участие 183 взрослых респондента в возрасте от 18 до 60 лет, заполнявших методики онлайн на платформе Google form по приглашению студентов (в рамках их учебного курса). 119 человек были жителями г. Москвы и Московской области (МО), 64 человека – русскоговорящими жителями г. Баку и его ближайших пригородов.

Группа жителей г. Москвы и МО состояла из 50 мужчин и 69 женщин (соответственно, 42,0 и 58,0%; средний возраст $35,35 \pm 10,19$ лет). Большинство респондентов этой группы имели высшее образование (93 человека, 78,2%), остальные – среднее специальное или неоконченное высшее. Более половины респондентов на момент исследования совмещали работу и учебу (71 человек, 59,7%); 24 человека (20,2%) только работали; 15 человек (12,6%) только учились. 9 человек (7,6%) сообщили, что на момент исследования не работают и не учатся.

В группе жителей г. Баку и его ближайших пригородов были 16 мужчин (25,0%) и 48 женщин (75,0%); средний возраст составил $22,33 \pm 7,04$ лет. 17 человек (26,6%) имели высшее образование, 41 человек (64,1%) – неоконченное высшее, 6 человек (9,4%) – среднее или среднее специальное. Более половины респондентов в этой выборке учились (37 человек, 57,8%); 17 человек (26,6%) работали, 10 человек совмещали учебу и работу (15,6%).

Следует отметить, что группы были несопоставимы напрямую: выборка из г. Баку была в целом моложе, с более низким уровнем образования, в ней было больше женщин. Однако в данном исследовании и не ставилось задач прямого сопоставления: в первую очередь нас интересовали общие паттерны результатов между жителями двух разных стран. Разумеется, все выявленные различия следует обсуждать с осторожностью и исследовать в дальнейшем.

Респонденты заполняли следующие методики:

1. Шкала мотивации выбора действий в пользу и во вред здоровью, описанная выше.

2. Шкала удовлетворенности жизнью (Diener et al., 1985; Осин, Леонтьев, 2020) и шкала позитивных и негативных переживаний (SPANE, Diener et al., 2010; Рассказова, Лебедева, 2020) Э. Динера – скрининговые методики оценки когнитивного и эмоционального (отдельно позитивных и негативных эмоций) компонентов субъективного благополучия.

3. Шкала способов заботы о здоровье (Рассказова и соавт., 2016) представляет собой список из 19 различных стратегий, относящихся к традиционной и альтернативной медицине, а также поддержанию здорового образа жизни. В данном исследовании использовалась форма, оценивающая действия респондентов по четырем субшкалам заботы о здоровье: проактивный мониторинг здоровья, активный и здоровый образ жизни, использование средств альтернативной и народной медицины, комплаентное поведение.

Результаты

Надежность–согласованность и факторная валидность субшкал шкалы мотивации выбора действий в пользу и во вред здоровью

Надежность–согласованность полученных после отбора пунктов субшкал методики варьировала от допустимой до высокой (табл. 1). Относительно низка была согласованность субшкалы интроецированной мотивации при выборе в пользу здоровья, что, вероятно, объясняется тем, что полезное для здоровья поведение редко делается одновременно для гордости и чтобы не чувствовать себя виноватым.

Таблица 1

Надежность–согласованность и описательная статистика субшкал шкалы мотивации выбора действий в пользу и во вред здоровью

Мотивация выбора поведения в пользу и во вред здоровью	Альфа Кронбаха: выбор в пользу здоровья		Альфа Кронбаха: выбор во вред здоровью		Выбор в пользу здоровья (n=119) ¹		Выбор во вред здоровью (n=119)	
	Москва и МО (n=119)	Баку (n=64)	Москва и МО (n=119)	Баку (n=64)	Сред.	Ст. откл.	Сред.	Ст. откл.
Внутренняя мотивация	0,84	0,86	0,82	0,90	3,88	1,14	3,47	1,15
Идентифицированная мотивация	0,79	0,85	0,83	0,76	3,65	1,05	2,84	0,84
Интроецированная мотивация	0,66	0,63	0,76	0,71	2,39	1,01	1,62	0,80
Поиск нового как мотивация	0,76	0,81	0,63	0,67	2,57	1,21	1,60	0,76
Внешняя мотивация	0,77	0,83	0,73	0,80	1,84	0,91	1,53	0,70
Амотивация	0,76	0,79	0,72	0,71	2,05	0,96	2,70	0,94
Бессилие как мотивация	0,76	0,75	0,80	0,66	1,60	0,90	2,12	1,14

¹ Описательная статистика приведена по группе жителей г. Москвы и МО как более обширной и сбалансированной по полу и возрасту.

Эксплораторный факторный анализ субъективных причин **выбора в пользу здоровья** на общей выборке (N = 183) методом главных компонент с фиксированным количеством 7 компонент объясняет 70,98% дисперсии данных и полностью содержательно соответствует теоретической модели (табл. 2). Некоторое исключение составляет интерференция нагрузок пунктов по компонентам внешней и идентифицированной мотивации, которые субъективно близки. Результаты подтверждающего факторного анализа подтверждают соответствие данных теоретической модели ($\chi^2 = 260$, $df = 169$, $p < 0,001$, CFI = 0,94, TLI = 0,92, SRMR = 0,08, RMSEA = 0,05 90% CI[0,04; 0,07])¹.

Таблица 2

Факторные нагрузки пунктов шкалы мотивации выбора действий в пользу здоровья: результаты эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, вращение Varimax)

Субъективные причины выбора в пользу здоровья	Внутренняя мотивация	Внешняя мотивация	Амотивация	Поиск нового	Идентифицированная мотивация	Бессилие как мотивация	Интроецированная мотивация
Мне доставляет удовольствие это делать	0,84	0,01	-0,06	0,15	0,17	-0,07	-0,02
Мне действительно нравится это	0,87	0,01	-0,03	0,18	0,14	-0,08	0,02
Моё настроение и/или самочувствие в процессе всегда улучшается	0,69	-0,02	-0,02	0,13	0,50	0,04	0,04
Мне лично важно, что я иногда это делаю	0,59	-0,18	0,03	0,13	0,40	-0,04	0,34
Я принял решение это делать, и мне это важно	0,40	-0,26	-0,13	0,30	0,38	0,05	0,38
Это всегда помогает	0,33	0,07	-0,08	0,08	0,77	0,14	0,11
Я знаю, что для меня этот способ всегда работает	0,25	-0,02	-0,03	0,08	0,86	0,04	0,07
Если бы я этого не делал, мне было бы стыдно	0,04	0,23	0,03	0,03	-0,04	0,11	0,79
Я хочу гордиться собой	0,28	-0,10	-0,20	0,40	0,10	-0,01	0,58
Я бы испытывал чувство вины, если бы этого не делал	-0,04	0,24	-0,01	-0,04	0,18	0,01	0,78

¹ В этой и следующей моделях разрешались корреляции между остатками по пунктам, если они были содержательно обоснованы.

Субъективные причины выбора в пользу здоровья	Внутренняя мотивация	Внешняя мотивация	Амотивация	Поиск нового	Идентифицированная мотивация	Бессилие как мотивация	Интроецированная мотивация
Это была возможность сделать что-то, чего я ещё не делал	0,11	0,11	0,08	0,88	-0,08	0,00	-0,02
У меня было много сил на что-то нужное и / или интересное	0,23	0,00	0,02	0,68	0,35	0,06	0,01
Интересно было попробовать что-то новое	0,13	0,00	0,12	0,81	0,07	0,01	0,13
Другие люди хотят, чтобы я это делал	-0,06	0,85	0,08	-0,03	-0,09	0,11	0,12
Это нравится тем людям, которые мне дороги	0,18	0,82	0,06	0,14	0,08	0,06	0,06
Меня заставляют обстоятельства или другие люди	-0,18	0,71	0,15	-0,04	0,10	0,24	0,17
Это нужно вовсе не мне, а тем людям, мнение которых важно для меня	-0,08	0,54	0,26	0,05	-0,19	0,38	0,12
Это была случайность	-0,13	0,14	0,63	0,03	-0,27	0,28	0,06
У меня не было особых причин – так случилось	-0,07	0,07	0,85	0,12	-0,02	0,07	-0,02
Я не раздумывал об этом – просто сделал	0,26	-0,04	0,71	0,01	0,08	0,14	-0,17
Я не планировал этого – так сложилась ситуация	-0,19	0,36	0,77	0,03	-0,02	0,08	0,04
Слишком устал, чтобы думать	-0,13	0,13	0,35	0,06	0,18	0,68	-0,10
Не было сил раздумывать и принимать решения	-0,12	0,26	0,21	0,02	0,12	0,78	-0,02
Хотел, чтобы день уже закончился	0,10	0,12	0,00	-0,01	-0,03	0,83	0,19
Собственные значения векторов до вращения	5,31	4,48	2,16	1,73	1,31	1,17	0,87
<i>Примечание.</i> Полужирным шрифтом выделены наиболее нагруженные на факторы шкалы.							

Эксплораторный факторный анализ субъективных причин выбора во вред здоровью с фиксированным количеством 7 компонент объясняет 65,12% дисперсии данных. В отличие от выбора в пользу здоровья, матрица факторных нагрузок во многом, но не полностью соответствует теоретической модели (рис. 3). Различие заключается в том, что в одну компоненту включились пункты, соответствующие интроецированной и внеш-

ней мотивации, а пункты, соответствующие идентифицированной мотивации, напротив, разбились на те, которые описывают собственно идентифицированную мотивацию, и те, которые описывают эффективность этого действия. С нашей точки зрения, это закономерно для поведения, вредного для здоровья. С одной стороны, в отношении вредного для здоровья поведения настояния близких и друзей нередко сопровождаются чувствами вины, стыда и гордости, что делает эти компоненты содержательно близкими. С другой стороны, пункты, описывающие то, что вредное для здоровья поведение помогает человеку, указывают не только на идентификацию с этим поведением, но и на прошлый опыт помощи себе (нередко через достижение краткосрочного улучшения состояния ценой долгосрочных негативных последствий).

Несмотря на это небольшое отличие эмпирического результата от теоретической модели, мы считаем важным сохранить единство ключей шкал мотивации выбора в пользу и во вред здоровью.

В пользу приемлемости теоретической модели для анализа действий во вред здоровью свидетельствуют и результаты конфирматорного факторного анализа, которые подтверждают соответствие данных модели ($\chi^2 = 279$, $df = 168$, $p < 0,001$, $CFI = 0,93$, $TLI = 0,90$, $SRMR = 0,08$, $RMSEA = 0,06$ 90% CI[0,05; 0,07]).

Таблица 3

Факторные нагрузки пунктов шкалы мотивации выбора действий во вред здоровью: результаты эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, вращение Varimax)

Субъективные причины выбора во вред здоровью	Внешняя и интроецированная мотивация	Внутренняя мотивация	Идентифицированная мотивация – важность	Бессилие как мотивация	Амотивация	Поиск нового	Идентифицированная мотивация – эффективность
Мне доставляет удовольствие это делать	-0,17	0,81	0,16	-0,02	0,16	0,00	0,02
Мне действительно нравится это	-0,10	0,83	0,24	-0,02	0,08	0,11	0,14
Моё настроение и / или самочувствие в процессе всегда улучшается	-0,06	0,79	0,27	0,07	0,17	-0,04	0,17
Мне лично важно, что я иногда это делаю	0,15	0,28	0,79	0,04	-0,10	0,04	0,02
Я принял решение это делать, и мне это важно	0,13	0,19	0,72	0,15	-0,08	0,17	0,15

Субъективные причины выбора во вред здоровью	Внешняя и интроецированная мотивация	Внутренняя мотивация	Идентифицированная мотивация – важность	Бессилие как мотивация	Амотивация	Поиск нового	Идентифицированная мотивация – эффективность
Это всегда помогает	-0,08	0,33	0,53	0,28	-0,01	0,19	0,52
Я знаю, что для меня этот способ всегда работает	-0,02	0,34	0,35	0,04	0,07	0,14	0,66
Если бы я этого не делал, я бы испытал стеснение, что я не такой, как все	0,79	-0,13	0,20	-0,01	0,02	-0,05	0,05
Когда я так делаю, я чувствую себя более уверенным	0,40	0,13	0,62	0,10	0,09	0,09	0,04
Я бы испытал чувство вины, если бы этого не делал	0,78	-0,17	0,28	0,03	0,14	0,08	0,10
Это была возможность сделать что-то, чего я ещё не делал	0,41	0,03	0,04	0,15	-0,06	0,64	0,13
У меня было много сил на что-то нужное и / или интересное	0,07	0,15	0,41	0,09	-0,02	0,66	-0,29
Интересно было попробовать что-то новое	0,19	-0,03	0,06	-0,03	0,15	0,80	0,16
Другие люди хотят, чтобы я это делал	0,81	-0,05	0,08	0,04	-0,02	0,24	-0,09
Это нравится тем людям, которые мне дороги	0,68	0,31	-0,09	0,17	-0,21	0,19	-0,27
Меня заставляют обстоятельства или другие люди	0,45	-0,15	-0,10	0,38	-0,01	0,08	0,28
Это нужно вовсе не мне, а тем людям, мнение которых важно для меня	0,82	-0,15	0,07	0,14	-0,07	0,16	0,00
Это была случайность	-0,04	-0,33	0,19	0,14	0,50	0,29	-0,43
У меня не было особых причин – так случилось	0,04	0,21	-0,04	-0,08	0,78	-0,07	0,03
Я не раздумывал об этом – просто сделал	-0,13	0,37	0,06	0,36	0,55	0,08	-0,16
Я не планировал этого – так сложилась ситуация	-0,01	0,09	-0,13	0,26	0,76	0,08	0,11
Слишком устал, чтобы думать	0,02	0,07	0,13	0,80	0,13	0,00	-0,12
Не было сил раздумывать и принимать решения	0,15	0,00	0,09	0,82	0,09	0,03	-0,05
Хотел, чтобы день уже закончился	0,12	-0,02	0,09	0,69	0,04	0,10	0,29
Собственные значения векторов до вращения	5,33	4,02	2,31	1,57	1,33	1,07	1,00
<i>Примечание.</i> Полу жирным шрифтом выделены наиболее нагруженные на факторы шкалы.							

Особенности мотивации выбора в пользу и во вред здоровью в г. Москве и МО и г. Баку: сопоставительный анализ

С целью исследования особенностей мотивации в отношении двух разных действий в двух подгруппах (жители г. Москва и МО и жители г. Баку) проводился дисперсионный анализ с повторными измерениями 2 (подгруппа – место проживания) × 7 (видов мотивации) × 2 (в пользу или во вред здоровью). Наиболее выражены различия между видами мотивации (основной эффект вида мотивации: $F = 169,02$; $p < 0,01$; $\eta^2 = 0,48$): независимо от типа действий и группы, респонденты максимально оценивают внутреннюю и интроецированную мотивацию, тогда как показатели внешней мотивации и мотивации из бессилия низки (рис. 1). Интересно, что относительно высоки показатели амотивации – иными словами, респонденты нередко указывают на то, что действия были случайны и не имели конкретной причины.

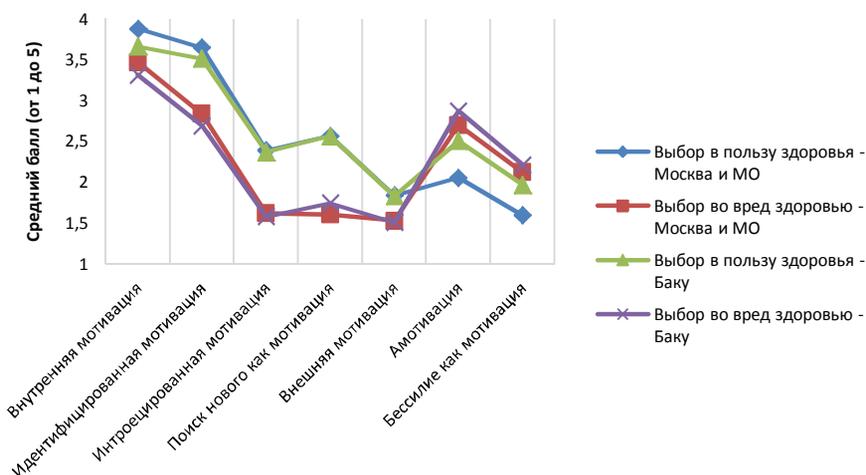

Рис. 1. Особенности мотивации выбора в пользу и во вред здоровью в г. Москве и МО и г. Баку

Помимо этого, различия касаются типа выбора – в пользу или во вред здоровью (основной эффект типа выбора: $F = 52,46$; $p < 0,01$; $\eta^2 = 0,23$): описывая выбор в пользу здоровья, респонденты выше оценивают свою мотивацию в целом, особенно это касается идентифицированной, интроецированной мотивации, поиска нового (эффект взаимодействия типа выбора и вида мотивации: $F = 37,78$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,17$). Напротив, показатели обоих вариантов амотивации (собственно амотивации и действий по причине бессилия и усталости) выше при выборе во вред здоровью.

Не выявлено единых различий в паттернах мотивации между жителями г. Москвы и г. Баку; также нет различий между подгруппами при сравнении типа выбора в целом. Однако выявлены небольшие по величине эффекта различия при сравнении показателей по разным видам мотивации у жителей разных городов (эффект взаимодействия места жительства и вида мотивации: $F = 2,92$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,02$). Этот эффект заключается в том,

что различия между жителями двух городов минимальны по всем видам мотивации, кроме амотивации и бессилия. На графике видно, что жители г. Баку чаще говорят о выборе в пользу здоровья из амотивации и бессилия, чем жители г. Москвы и МО. Интересен результат, что в подгруппе жителей г. Баку выше показатели амотивации и бессилия, когда речь идет о выборе в пользу здоровья, чем у респондентов г. Москвы и МО.

Социодемографические факторы мотивации выбора действий в пользу и во вред здоровью

В связи с тем, что группа жителей г. Москвы и МО была более обширной и сбалансированной по возрасту и полу, дальнейший анализ проводился в этой группе. Анализ особенностей мотивации у мужчин и женщин разных возрастов в Азербайджане требует дальнейших исследований.

Не выявлено различий между мужчинами и женщинами в выраженности различных видов мотивации как при выборе в пользу здоровья, так и при выборе во вред ему.

Люди более старшего возраста, описывая причины выбора как во вред, так и на пользу здоровью, чаще говорят о поиске нового ($r = 0,22$, $p < 0,05$ и $r = 0,25$, $p < 0,01$, соответственно). Молодые люди чаще говорят о внутренней мотивации вредного для здоровья поведения ($r = -0,21$, $p < 0,05$).

Связь мотивации выбора действий в пользу и во вред здоровью с субъективным благополучием и действиями по заботе о здоровье

Внутренняя ($r = -0,20$, $p < 0,05$) и идентифицированная мотивация ($r = -0,24$, $p < 0,01$) выбора действий в пользу здоровья связаны с более низким, а бессилие как вариант амотивации ($r = 0,19$, $p < 0,05$) – с более высоким уровнем негативных эмоций. Напротив, внешняя мотивация в пользу здоровья связана с более низким уровнем позитивных эмоций ($r = -0,24$, $p < 0,01$). Что касается мотивации во вред здоровью, то интроецированная мотивация связана с более высоким уровнем отрицательных эмоций ($r = 0,21$, $p < 0,05$), а бессилие – как с более высоким уровнем отрицательных эмоций ($r = 0,32$, $p < 0,01$), так и с более низким уровнем положительных эмоций ($r = -0,20$, $p < 0,05$).

Помимо этого, внутренняя и идентифицированная мотивация в пользу здоровья связана с активным образом жизни, а идентифицированная мотивация – также и с проактивным мониторингом здоровья ($r = 0,20-0,29$, $p < 0,05$). Поиск нового для здоровья связан с использованием альтернативных методов лечения ($r = 0,30$, $p < 0,01$). Не выявлено других связей способов заботы о здоровье с мотивацией действий в пользу и во вред здоровью.

Обсуждение результатов

Возможности оценки здоровья как повседневного выбора: шкала мотивации выбора действий в пользу и во вред здоровью. Полученные ре-

зультаты свидетельствуют о достаточной надежности–согласованности и факторной валидности для использования шкалы в исследовательских целях для диагностики внутренней, идентифицированной, интроецированной, внешней мотивации, амотивации, а также мотивации поиска нового и бессилия как амотивации. Заметим, что достаточная согласованность шкалы продемонстрирована на двух группах для двух типов поведения (конкретных примеров), что косвенно подтверждает возможность применения самой модели здоровья как повседневного выбора. Методика может способствовать дальнейшему обоснованию того, насколько такая модель эвристична для психологии здоровья. Если рассматривать результаты более детально, дальнейшего уточнения и, возможно, доработки требуют субшкала интроецированной мотивации, когда речь идет о выборе в пользу здоровья, и мотивации поиска нового, когда речь идет о выборе во вред здоровью. На наш взгляд, в первом случае содержательного уточнения может требовать сам конструкт: что означает для респондентов делать нечто полезное для здоровья, для избегания стыда и вины или ради чувства гордости? Следует также отметить, что результаты эксплораторного факторного анализа для шкалы при выборе во вред здоровью не полностью согласуются с теоретической моделью (расхождения касаются двух субшкал). Тем не менее расхождения с моделью объяснимы, а результаты конфирматорного анализа удовлетворительно свидетельствуют о факторной валидности методики.

Паттерн мотивации выбора действий в пользу и во вред здоровью: роль типа выбора, вида мотивации и места проживания. Паттерн, при котором люди, говоря о мотивации своих действий, наиболее высоко оценивают внутреннюю и идентифицированную мотивацию, хорошо известен в исследованиях на моделях других деятельности (Sheldon et al., 2017; Осин и др., 2017). С одной стороны, он отражает действительное желание людей вести себя в соответствии со своими интересами и ценностями, а с другой стороны, явно связан с социальной желательностью. Однако в отношении выбора поведения, связанного со здоровьем, обнаруживаются две интересные особенности, не описанные ранее. Во-первых, при выборе в пользу здоровья нередко важной оказывается мотивация поиска нового, пробования чего-то, что человек не пробовал ранее. Этот результат был неожиданным, поскольку поиск нового, особенно ощущений, описан в исследованиях, скорее, как фактор риска вредного для здоровья поведения (Bidwell et al., 2015, Kong et al., 2013). Можно предполагать, что общая ориентация на здоровье и связанный с ней более высокий уровень благополучия способствуют расширению перспективы рассмотрения своей жизни (Fredrickson, 2001), что открывает возможность видеть и пробовать различные варианты нового. Во-вторых, в выборе вредного для здоровья поведения значительную роль играет случайность, когда люди не могут четко сказать, для чего они это делают. Вполне возможно, что речь идет о защитных реакциях, когда человеку трудно осознавать собственные мотивы, но также воз-

можно, что значительная часть вредного для здоровья поведения осуществляется стихийно и по привычке.

Сопоставление профилей мотивации в пользу и во вред здоровью показывает, что выбор в пользу здоровья чаще связан с идентифицированной, интроецированной мотивацией и поиском нового и реже – с амотивацией. С нашей точки зрения, это закономерно: более сложное для осуществления поведение, связанное со здоровьем, требует привлечения мотивов-стимулов для своего осуществления и неизбежно является полимотивированным. Дальнейшие исследования особенностей мотивационного профиля различных деятельностей могут позволить выявить более и менее оптимальные варианты для осуществления разных действий в отношении здоровья.

Близость профилей мотивации у жителей г. Москвы и МО и жителей г. Баку и его пригородов свидетельствует в пользу универсальности выявленных закономерностей. Единственное (слабое по силе эффекта) различие заключается в том, что у жителей г. Баку при выборе в пользу здоровья относительно выше уровень амотивации и бессилия как варианта амотивации. С нашей точки зрения, в Азербайджане, где сильно развиты ценности внешнего вида и заботы о своем физическом здоровье у мужчин и женщин действия в пользу здоровья чаще были автоматическими или являлись вариантом заботы о себе, тогда как у россиян эти действия требовали усилий и редко осуществлялись автоматически. Тем не менее эта гипотеза предварительна, поскольку особенности выборов не позволяли проводить прямое их сопоставление.

Социодемографические особенности мотивации действий во вред и на пользу здоровью. Отсутствие гендерных различий в мотивации связанного со здоровьем поведения свидетельствует о том, что речь идет об общих паттернах. Возрастных особенностей мотивации также крайне мало. Тот результат, что у более молодых людей выше показатели внутренней мотивации действий во вред здоровью, согласуется с распространенными представлениями о том, что запретный плод особенно «сладок» именно в юности, когда долгосрочные отрицательные последствия еще кажутся отдаленными. Неожиданным для нас оказался тот результат, что поиск нового как мотивация (и полезного, и вредного для здоровья поведения) был характерен для людей более старшего возраста, а не молодежи. Можно предполагать, что в среднем возрасте (в данной группе старшие люди относились к возрасту 40-60 лет) людям свойственно пробовать новые варианты поведения, выходя из зоны комфорта. Возможно также, что это отражает особенности именно данной группы, где большинство респондентов были образованными работающими людьми, проживающими в мегаполисе или возле него.

Связь мотивации действий в пользу и во вред здоровью с субъективным благополучием и заботой о здоровье. Несмотря на то, что в данном варианте методики вопросы задавались о примерах конкретных действий, результаты корреляционного анализа позволяют предполагать, что речь идет и о

мотивации такого рода действий в целом. В частности, согласно результатам, внутренняя и идентифицированная мотивации связаны с благополучием (низким уровнем отрицательных эмоций), только если это мотивация в пользу здоровья, тогда как действия в пользу здоровья ради кого-то, наоборот, связаны с отрицательными эмоциями. Мотивация действий, о которых человек знает, что они во вред здоровью, даже если она внутренняя, не связана с общим благополучием, однако действия такого рода из чувства вины или ради гордости связаны с негативными переживаниями. Интересно, что действия из бессилия – неважно, во благо или во вред – во всех случаях сопряжены с отрицательными эмоциями.

Паттерны связей мотивации действий в пользу и во вред здоровью с теми способами заботы о здоровье, которые характерны для респондентов, закономерны. Внутренняя и идентифицированная мотивации в пользу здоровья связаны с более активным образом жизни в целом, делая эти активные действия важными и приятными. Проактивный мониторинг здоровья, который часто не является приятным и мало кому доставляет удовольствие, легче осуществляется, если эти действия лично важны, т.е. при высокой идентифицированной мотивации. Связь поиска нового для здоровья с пробованием альтернативных методов лечения также выглядит закономерной. Следует отметить, что в данном исследовании не было методик, описывающих установки или действия в отношении вредного для здоровья поведения, и соответствующих связей выявлено не было. С нашей точки зрения, это могло бы стать важным направлением дальнейших исследований.

Ключевое ограничение данной работы состоит в ее корреляционном дизайне, а также невозможности сопоставления групп жителей г. Москвы и МО и жителей г. Баку и его пригородов в силу различных социодемографических характеристик группы. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на такое сопоставление, исследование ретестовой надежности методики и возможностей ее применения в общем формате, по сравнению с описанием примеров конкретного поведения.

Заключение

Таким образом, шкала мотивации действий может применяться для диагностики внутренней, идентифицированной, интроецированной, внешней мотивации, амотивации, а также поиска нового и бессилия в отношении действий как на пользу, так и во вред здоровью. Продемонстрированы достаточная согласованность и факторная валидность шкалы. В целом, оценивая свою мотивацию как на пользу, так и во вред здоровью, люди выше оценивают мотивацию внутреннюю и идентифицированную и ниже – поиск нового, внешнюю и амотивацию. При выборе в пользу здоровья, по сравнению с выбором во вред ему, отмечаются более высокие показатели идентифицированной, интроецированной мотивации, а также поиска нового. Внутренняя и идентифицированная мотивации выбора действий в пользу здоровья связаны с более низким уровнем отрицательных эмоций и ак-

тивным образом жизни, а идентифицированная мотивация – также и с проактивным мониторингом здоровья. Бессилие как вариант амотивации связано с более высоким уровнем негативных эмоций как при выборе в пользу здоровья, так и во вред ему. Поиск нового для здоровья связан с использованием альтернативных методов лечения.

Литература

- Гульданд, В. В., Корсун, А. М. (1990). Поиск впечатлений как фактор приобщения подростков к наркотикам. *Вопросы наркологии*, 2, 40–44.
- Осин, Е. Н., Горбунова, А. А., Гордеева, Т. О., Иванова, Т. Ю., Кошелева, Н. В., Овчинникова, Е. Ю. (2017). Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности. *Организационная психология*, 7(4), 21–49.
- Осин, Е. Н., & Леонтьев, Д. А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1 (155), 117–142.
- Рассказова, Е. И. (2019). Теоретические модели понимания, объяснения и изменения поведения в психологии здоровья: виды и цели. В кн.: А. Ш. Тхостов, Е. И. Рассказова (ред.). *Руководство по психологии здоровья* (с. 153–236). М.: Издательство МГУ.
- Рассказова, Е. И., Лебедева, А. А. (2020). Скрининговая шкала позитивных и негативных переживаний Э. Динера: апробация русскоязычной версии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(2), 250–263. doi: 10.17323/1813-8918-2020-2-250-263
- Рассказова, Е., Тхостов, А., Гульданд, В. (2016). Способы заботы о здоровье и соматические жалобы в норме: роль представлений и роль действий. *Психологические исследования*, 9(50). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i50.419> URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/1355-rasskazova50.html#e3> (дата обращения: 04.01.2022).
- Тхостов, А. Ш., Рассказова, Е. И. (2019). *Психология здоровья: история и современное состояние*. В кн.: А. Ш. Тхостов, Е. И. Рассказова (ред.). *Руководство по психологии здоровья* (с. 13–55). М.: Издательство МГУ.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 03.10.2022 г.; принята 24.10.2022 г.

Рассказова Елена Игоревна – доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук, доцент.
E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Тхостов Александр Шамилович – заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор.
E-mail: tkhostov@gmail.com

For citation: Rasskazova, E. I., Tkhostov, A. Sh. (2022). Health as a Result of Everyday Choice: Development and Validation of the Motivation of Actions For and Against Health Scale. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 86, 138–156. In Russian. English Summary. doi:10.17223/17267080/86/8

Health as a result of Everyday Choice: Development and Validation of the Motivation of Actions for and Against Health Scale¹

E.I. Rasskazova¹, A.Sh. Tkhostov¹

¹ Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

In this paper, health-related behavior is considered not as a single activity, but as a series of everyday, often uncoordinated and polymotivated, choices of actions in favor or against of better health. The **aim** is to develop and validate a scale of motivation for actions related to health, as people's everyday choices – in favor or against of health. **Methods.** 119 residents of Moscow and Moscow Region and 64 residents of Baku filled out the scale of motivation for actions in favor and against of health (on a specific example of each of the actions), Satisfaction With Life Scale, Positive and Negative Experience Scale and the Scale of Ways to Care for Health. **Results.** Sufficient consistency and factorial validity of the scale were demonstrated. In general, when evaluating their motivation for both benefit and harm to health, people rate internal and identified motivation higher, and lower - the search for a new, external and amotivation. When choosing in favor of health, in comparison with the choice to the detriment of it, there are higher indicators of identified, introjected motivation, as well as the search for something new. Intrinsic and identified motivations for choosing actions in favor of health are associated with lower levels of negative emotions and an active lifestyle, and identified motivations are also associated with proactive health monitoring. Powerlessness as a variant of amotivation is associated with a higher level of negative emotions, both when choosing in favor of health, and to the detriment of it. The search for new health is associated with the use of alternative methods of treatment. **Conclusions.** The action motivation scale can be used to assess internal, identified, introjected, external motivation, amotivation, as well as searching for something new and impotence, both in relation to actions for the benefit and to the detriment of health.

Keywords: health behavior; relative autonomy continuum; motivation; risky behavior; psychodiagnostics

References

- Baumeister, R.F., Vohs, K.D., & Tice, D.M. (2007). The strength model of self-control. *Current Directions in Psychological Science*, 16(6), 351–355. doi: 10.1111/j.1467-8721.2007.0053
- Bidwell, L.C., Knopik, V.S., Audrain-McGovern, J., Glynn, T.R., Spillane, N.S., Ray, L.A., ... & Leventhal, A.M. (2015). Novelty seeking as a phenotypic marker of adolescent substance use. *Substance Abuse: Research and Treatment*, 9, SART-S22440. doi: 10.4137/SART.S22440
- Diener, E.D., Emmons, R.A., Larsen, R.J., & Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. doi: 10.1207/s15327752jpa4901_13
- Diener, E., Wirtz, D., Tov, W., Kim-Prieto, C., Choi, D.W., Oishi, S., & Biswas-Diener, R. (2010). New well-being measures: Short scales to assess flourishing and positive and

¹ Research was supported by the Russian Science Foundation, project 22-28-01643 «Psychological self-regulation of health: the role of everyday choices».

- negative feelings. *Social Indicators Research*, 97(2), 143–156. doi: 10.1007/s11205-009-9493-y
- DeSteno, D., Gross, J.J., & Kubzansky, L. (2013). Affective science and health: the importance of emotion and emotion regulation. *Health Psychology*, 32(5), 474. doi: 10.1037/a0030259
- Fredrickson, B.L. (2001) The Role of Positive Emotions in Positive Psychology. *American Psychologist*, 56(3), 218–226. doi:10.1037/0003-066X.56.3.218
- Guldan, V.V., & Korsun, A.M. (1990). Poisk vpechatleniy kak faktor priobshcheniya podrostkov k narkotikam [The search for impressions as a factor in introducing adolescents to drugs]. *Voprosy narkologii*, 2, 40–44.
- Hennessy, E.A., Johnson, B.T., Acabchuk, R.L., McCloskey, K., & Stewart-James, J. (2020). Self-regulation mechanisms in health behavior change: A systematic meta-review of meta-analyses, 2006–2017. *Health Psychology Review*, 14(1), 6–42. doi: 10.1080/17437199.2019.1679654
- Kong, G., Smith, A.E., McMahon, T.J., Cavallo, D.A., Schepis, T.S., Desai, R.A., ... & Krishnan-Sarin, S. (2013). Pubertal status, sensation-seeking, impulsivity, and substance use in high-school-aged boys and girls. *Journal of Addiction Medicine*, 7(2), 116. doi: 10.1097/ADM.0b013e31828230ca
- Muraven, M., Tice, D.M., & Baumeister, R.F. (1998). Self-control as a limited resource: Regulatory depletion patterns. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74(3), 774–789. doi: 10.1037/0022-3514.74.3.774
- Osin, E.N., Gorbunova, A.A., Gordeeva, T.O., Ivanova, T.Yu., Kosheleva, N.V., & Ovchinnikova, E.Yu. (2017). Professional'naya motivatsiya sotrudnikov rossiyskikh predpriyatiy: diagnostika i svyazi s blagopoluchiem i uspešnost'yu deyatelnosti [Professional motivation of employees of Russian enterprises: diagnostics and connections with well-being and success of activities]. *Organizatsionnaya psikhologiya*, 7(4), 21–49.
- Osin, E.N., & Leontiev, D.A. (2020). Brief Russian-Language Instruments to Measure Subjective Well-Being: Psychometric Properties and Comparative Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(155), 117–142. (In Russian). doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Rasskazova, E.I. (2019). Teoreticheskie modeli ponimaniya, ob'yasneniya i izmeneniya povedeniya v psikhologii zdorov'ya: vidy i tseli [Theoretical models of understanding, explaining and changing behavior in health psychology: types and goals]. In A.Sh. Tkhostov, E.I. Rasskazova (Eds.). *Rukovodstvo po psikhologii zdorov'ya* [A Guide to Health Psychology] (pp. 153–236). Moscow: Moscow State University.
- Rasskazova, E.I., & Lebedeva, A.A. (2020). Screening Scale of Positive and Negative Experience (SPANES): Validation of The Russian Version. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 17(2), 250–263. (In Russian). doi: 10.17323/1813-8918-2020-2-250-263
- Rasskazova, E., Tkhostov, A., & Guldan, V. (2016). Sposoby zaboty o zdorov'e i somaticheskie zhaloby v norme: rol' predstavleniy i rol' deystviy [Ways of caring for health and somatic complaints in the norm: The role of ideas and the role of actions]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 9(50). doi: 10.54359/ps.v9i50.419
- Sheeran, P., Gollwitzer, P.M., & Bargh, J.A. (2013). Nonconscious processes and health. *Health psychology*, 32(5), 460–473. doi: 10.1037/a0029203
- Sheldon, K.M., Osin, E.N., Gordeeva, T.O., Suchkov, D.D., & Sychev, O.A. (2017). Evaluating the dimensionality of self-determination theory's relative autonomy continuum. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43(9), 1215–1238. doi: 10.1177/0146167217711191
- Taylor, S.E. (2018). *Health Psychology*. New York, NY: McGraw-Hill Education. Retrieved from: <https://perpus.univpancasila.ac.id/repository/EBUPT190956.pdf>

Tkhostov, A.Sh., & Rasskazova, E.I. (2019). Psikhologiya zdorov'ya: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Psychology of health: history and current state]. In A.Sh. Tkhostov, E.I. Rasskazova (Eds.). *Rukovodstvo po psikhologii zdorov'ya* [A Guide to Health Psychology] (s. 13–55). Moscow: Moscow State University.

Received 03.10.2022; Accepted 24.10.2022

Elena I. Rasskazova – Associate Professor, Department Of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University Named after M.V. Lomonosov, Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor.

E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Alexander Sh. Tkhostov – Head of the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: tkhostov@gmail.com

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 159.9.015

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА, ПЕРЕНЕСШИХ COVID-19¹

А.В. Солодухин¹, А.В. Серый¹, Л.А. Варич¹,
Я.И. Брюханов¹, А.Ю. Жихарев¹

¹ Кемеровский государственный университет, 650043, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6

Резюме

Целью представленной работы стало изучение связи психофизиологических параметров с показателями стресс-преодолевающего (копинг) поведения у лиц юношеского возраста, перенесших COVID-19. В исследовании приняли участие 54 студента Кемеровского государственного университета, которые были разделены на группу переболевших COVID-19 и группу без симптомов заболевания. Для оценки копинг-поведения применялся опросник «Стратегии совладающего поведения» (Folkman, Lazarus; адаптация Крюковой с соавт.). Для изучения психофизиологических показателей использовался автоматизированный компьютерный комплекс «РФК». Проводилась оценка следующих психофизиологических показателей: простая зрительно-моторная реакция, сложная зрительно-моторная реакция, опережения и запаздывания при оценке реакции на движущийся объект, концентрация и объем внимания, работоспособность головного мозга, уровень функциональной подвижности нервных процессов, кратковременная память на числа и на слова, оперативная память. По результатам корреляционного анализа зафиксированы взаимосвязи между избегающими формами копинг-поведения, такими как «дистанцирование», «бегство-избегание», «положительная переоценка» с показателями памяти, внимания, подвижности нервных процессов, количеством неточных реакций на движущийся объект и работоспособностью головного мозга, что указывает на связь между нарастанием психофизиологических и когнитивных нарушений и предпочтением в выборе ухода от стрессовых ситуаций после перенесенного заболевания. Ухудшение памяти и функционирования нервной системы приводят к более частому обращению за поддержкой к окружающим для получения от них дополнительной помощи. Ослабление нервной системы также приводит к более частому использованию продуктивных копинг-стратегий «принятие ответственности» и «планирование решения проблем», которые при этом дополнительно позволяют компенсировать когнитивные нарушения за счет более точного выполнения заданий. В группе, которая не имела симптоматики COVID-19, значимых корреляционных связей между избегающими копинг-стратегиями и психофизиологическими или когнитивными нарушениями обнаружено не было. Исходя из полученных результатов можно предположить, что восстановление в ходе психокоррекционной работы когнитивных функций позволит

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-25-20173 <https://rscf.ru/project/22-25-20173/>).

актуализировать выбор пациентом продуктивных копинг-стратегий и перейти к здоровой модели поведения.

Ключевые слова: когнитивные функции; психофизиологические показатели; психодиагностика; коронавирусная инфекция; когнитивная дисфункция; психологическая коррекция; постковидная адаптация; копинг-поведение

Введение

Психологические осложнения, возникающие после перенесенной коронавирусной инфекции COVID-19, крайне многообразны. Учитывая результаты изучения последствий эпидемии, вызванной коронавирусом, можно предположить, что состояние лиц после перенесенного заболевания характеризуется комплексным нарушением многих компонентов психической деятельности (Alonzi et al., 2020). Вирусное повреждение нервной системы в сочетании с длительной социальной изоляцией приводит к снижению памяти, внимания, скорости мыслительных процессов и к усилению ряда аффективных расстройств (Goularte J.F. et al, 2021).

Непосредственно на постковидную адаптацию человека к его прежней жизни и дальнейшее восстановление влияет выбор наиболее продуктивной модели поведения, направленной на поддержание здорового образа жизни и профилактику повторного заражения инфекцией. Однако выбор такого поведения может быть затруднен вследствие влияния функциональных, органических нарушений или расстройства когнитивных функций (Ran et al., 2020).

Копинг-поведение (или совладающее поведение) можно определить как преднамеренную и осознанную реакцию, направленную на преодоление или выход из стрессового события (Аскарова, Усманова, 2021). Одна из наиболее общепринятых классификаций совладающего поведения принадлежит Лазарусу и Фолкману, которые различали копинги, направленные на решение проблемы, и копинги, сфокусированные на регуляции эмоциональных реакций на стресс. Впоследствии Паркер и Эндлер обозначили третье направление, которое назвали копингом, ориентированным на избегание проблемы (Wilski et al., 2019). Избегание может выглядеть как дистанцирование от проблемы путем выполнения альтернативных задач либо как уход от стрессовой ситуации вместо противостояния. В ряде исследований было показано, что неумение справляться со стрессовыми событиями, преобладание избегающих форм поведения и низкий репертуар используемых копинг-стратегий играют важную роль в развитии психопатологических нарушений и повторного возникновения ряда заболеваний (Cooper & Faragher, 2018; Kar N., Kar B., Kar S., 2021; Ong & Thompson, 2019). В частности, совладающее поведение изучалось у лиц, страдающих хроническими заболеваниями, подвергшихся жестокому обращению, военным и послевоенным ситуациям, терроризму, стихийным бедствиям, злоупотребляющих алкоголем (Солодухин и др., 2020; Ćosić et al., 2020; Clayton, 2020; Чхиквадзе, Беляева, 2018). Хотя в настоящее время существует много исследований о стратегиях совладания в стрессовых ситуаци-

ях, до сих пор мало известно о том, какое влияние на дальнейшую адаптацию людей оказывает постковидное состояние.

Целью работы является изучение связи психофизиологических показателей со стресс-преодолевающим (копинг) поведением у лиц юношеского возраста, перенесших COVID-19.

Материалы и методы

В период 2021–2022 гг. было обследовано 54 человека (7 юношей и 47 девушек), являющихся студентами Кемеровского государственного университета, в возрасте $20 \pm 1,5$ лет. Среди обследуемых проводилось анкетирование с помощью разработанного опросника для выявления субъективных симптомов COVID-19, с помощью опросника «Стратегии совладающего поведения» (Folkman, Lazarus; адаптация Крюковой с соавт.) оценивались копинг-стратегии, изучались психофизиологические показатели с помощью автоматизированной компьютерной программы «РФК» (Finkelstein-Fox & Park, 2019). Проводилась оценка следующих психофизиологических показателей: простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР, мс), сложная зрительно-моторная реакция (СЗМР, мс), опережения и запаздывания при оценке реакции на движущийся объект (РДО, мс), концентрация и объем внимания (КОВ, балл), работоспособность головного мозга (РГМ, кол-во сигналов), уровень функциональной подвижности нервных процессов (УФП НП, с), кратковременная память на числа и на слова (КП, балл), оперативная память (ОП, балл).

Для проведения статистического анализа использовалось компьютерное программное обеспечение Statistica 10.0. Гипотеза о нормальном распределении проверялась с применением критерия Шапиро–Уилка. Для величин с ненормальным распределением результаты представлены в виде медианы (Me) и интерквартильного размаха [Q25; Q75]. Распределение данных отличалось от нормального, в связи с чем для оценки связи копинг-стратегий и психофизиологических показателей использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена с оценкой его значимости ($p < 0,05$).

Результаты

С помощью опросника для выявления субъективных симптомов COVID-19 студенты были разделены на две группы: 1-я группа – лица, переболевшие COVID-19; 2-я группа – лица, не болевшие COVID-19 (контрольная).

По результатам сравнительного анализа у обследуемых были выявлены различия в наблюдаемых симптомах заболевания COVID-19 (табл. 1).

Среди наиболее распространенных субъективных симптомов у лиц, перенесших COVID-19, были отмечены изменения вкуса и/или запаха и нарушения памяти, что согласуется с данными аналогичных исследований (Liyange-Don et al., 2021).

Сравнительный анализ показателей копинг-стратегий между переболевшими и контрольной группой не показал значимых различий (табл. 2).

Таблица 1

Сравнительная характеристика наблюдаемых жалоб у лиц юношеского возраста (n = 54) по анкете субъективных симптомов COVID-19, %

Показатели	Переболевшие COVID-19 (n=26)	Лица, не болевшие COVID-19 (n=28)	p
Ухудшение памяти	46	4	0,01
Ухудшение зрения	20	–	0,01
Ухудшение слуха	16	–	0,05
Деформация вкуса/запаха	52	4	0,01

Таблица 2

Сравнительная характеристика показателей копинг-поведения между группой переболевших COVID-19 и контрольной группой (n=54)

Копинг-стратегии	Me [Q25; Q75]	
Конфронтация	53,1 [46; 62]	48,7 [44; 61]
Дистанцирование	55,4 [48; 64]	55,1 [46; 62]
Самоконтроль	44,3 [42; 55]	50,8 [44; 58]
Поиск социальной поддержки	49,6 [41; 55]	49,3 [40; 54]
Принятие ответственности	52,2 [46; 58]	52,1 [46; 57]
Бегство-избегание	57,1 [49; 69]	58,8 [48; 70]
Планирование решения проблем	49,8 [47; 59]	52,2 [47; 62]
Положительная переоценка	52,4 [47; 58]	51,5 [47; 57]

По результатам корреляционного анализа обнаружены множественные связи копинг-стратегий с психофизиологическими показателями (табл. 3).

Таблица 3

Связь копинг-стратегий и психофизиологических показателей у лиц юношеского возраста, перенесших COVID-19 (n = 26)

Копинг-стратегии	ПЗМР	СЗМР	РДО	КОВ	РГМ	УФП НП	КП	ОП
Конфронтация	0,02	-0,21	0,8*	-0,34	-0,26	-0,7*	-0,2	-0,1
Дистанцирование	0,31	0,65	0,72*	-0,86*	-0,74*	-0,86*	-0,34	-0,6
Самоконтроль	0,19	-0,25	0,44	-0,21	-0,04	-0,59	-0,26	0,1
Поиск социальной поддержки	0,39	0,01	-0,26	-0,41	-0,86*	-0,74*	0,37	-0,8*
Принятие ответственности	0,38	-0,02	-0,7*	-0,37	-0,26	-0,79*	-0,38	-0,1
Бегство-избегание	-0,01	-0,31	0,77*	-0,02	-0,28	-0,67	-0,39	0,1
Планирование решения проблем	0,58	0,21	-0,81*	-0,47	-0,73*	-0,98*	-0,27	-0,4
Положительная переоценка	0,4	0,28	0,76*	-0,7*	-0,83*	-0,91*	0,04	-0,7*

Примечание. ПЗМР – простая зрительно-моторная реакция; СЗМР – сложная зрительно-моторная реакция; РДО – реакции на движущийся объект; КОВ – концентрация и объем внимания; РГМ – работоспособность головного мозга; УФП НП – уровень функциональной подвижности нервных процессов; КП – кратковременная память на числа и на слова; ОП – оперативная память.

* p ≤ 0,05

При анализе стресс-преодолевающих моделей поведения в группе переболевших COVID-19 выявлена положительная корреляционная связь копинг-стратегии «конфронтация» с количеством опережений при оценке реакции на движущийся объект. Обнаружены отрицательные корреляционные связи с подвижностью нервных процессов. У копинг-стратегии «дистанцирование» выявлена отрицательная связь с объемом внимания, подвижностью нервных процессов, работоспособностью головного мозга. Обнаружена положительная корреляционная связь со средним количеством запаздываний при оценке реакции на движущийся объект. Выявлены отрицательные связи между показателем копинг-стратегии «поиск социальной поддержки» и оперативной памятью на слог, количеством пройденных сигналов при оценке работоспособности головного мозга, подвижностью нервных процессов. У копинг-стратегии «принятие ответственности» определены отрицательные связи с подвижностью нервных процессов и количеством неточных реакций на движущийся объект. Копинг-стратегия «бегство-избегание» положительно сопряжена с количеством опережений при оценке реакции на движущийся объект. У копинг-стратегии «планирование решения проблем» обнаружена отрицательная связь с количеством неточных реакций на движущийся объект, подвижностью нервных процессов и работоспособностью головного мозга. Копинг-стратегия «положительная переоценка» отрицательно сопряжена с объемом внимания, оперативной памятью, работоспособностью головного мозга и подвижностью нервных процессов. Выявлена положительная связь с количеством опережений при оценке реакции на движущийся объект.

Корреляционные связи копинг-поведения и психофизиологических показателей у лиц юношеского возраста без проявлений симптоматики COVID-19 представлены в табл. 4.

Таблица 4

Связь копинг-стратегий и психофизиологических показателей у лиц юношеского возраста, не болевших COVID-19 (n=28)

Копинг-стратегии	ПЗМР	СЗМР	РДО	КОВ	РГМ	УФП НП	КП	ОП
Поиск социальной поддержки	-0,09	0,07	0,01	0,66*	0,67*	0,42	-0,3	0,07
Принятие ответственности	-0,35	0,27	-0,29	-0,73*	-0,31	-0,18	0,39	0,33
Планирование решения проблем	-0,42	-0,69*	-0,69*	0,27	0,27	0,35	-0,34	-0,26
Положительная переоценка	-0,16	0,22	-0,25	0,72*	0,14	0,12	-0,63*	-0,02

* $p \leq 0,05$.

В группе контроля зафиксирована положительная связь показателя копинг-стратегии «поиск социальной поддержки» с концентрацией внимания и работоспособностью головного мозга. У копинг-стратегии «принятие ответственности» обнаружена отрицательная корреляционная связь с концентрацией внимания. Копинг-стратегия «планирование решения про-

блем» отрицательно сопряжена с показателем сложной зрительно-моторной реакции и количеством неточных реакций на движущийся объект. Копинг-стратегия «положительная переоценка» имеет отрицательную связь с памятью на числа и положительную связь с концентрацией внимания.

Обсуждение

Результаты корреляционного анализа достаточно четко обозначили устойчивые тенденции, определяющие характер продуктивности / непродуктивности копинг-механизмов в связи с психофизиологическими показателями функционального состояния мозга у здоровых испытуемых и у лиц, перенесших COVID-19.

Так, в группе лиц, перенесших COVID-19, зафиксирован ряд корреляций между избегающими формами копинг-поведения, такими как «дистанцирование», «бегство-избегание», «положительная переоценка», и показателями памяти, внимания, подвижности нервных процессов, количеством неточных реакций на движущийся объект и работоспособностью головного мозга. Данные результаты указывают на взаимосвязь между нарастанием психофизиологических и когнитивных нарушений и предпочтением в выборе ухода от конфликтных, стрессовых ситуаций после перенесенного заболевания. Аналогичные результаты были получены в исследовании копинг-поведения у пациентов с ишемической болезнью сердца, перенесших оперативное вмешательство на сердце. Авторами было подтверждено, что ухудшение состояния нервной системы и нарушение работоспособности головного мозга после операции приводит к компенсаторному выбору непродуктивных копинг-стратегий «дистанцирование» и «бегство-избегание» (Солодухин и др., 2020).

Схожие результаты показало изучение копинг-стратегии «поиск социальной поддержки», которая направлена на привлечение помощи от окружающих людей. Нарастание ухудшений памяти и функционирования нервной системы приводит к более частому обращению к родственникам или друзьям за поддержкой, получением дополнительных ресурсов для преодоления трудных жизненных ситуаций.

Анализ корреляционных связей между продуктивными копинг-стратегиями «принятие ответственности» и «планирование решение проблем», направленными на самостоятельное преодоление стрессовых ситуаций, также показал, что ослабление нервной системы приводит к их более частому использованию. При этом дополнительно было обнаружено, что предпочтение в выборе данных копинг-стратегий позволяет компенсировать когнитивные нарушения за счет более точного выполнения заданий.

Корреляционный анализ показателей в группе, которая не имела симптоматики COVID-19, выявил отсутствие значимых связей между избегающими копинг-стратегиями и психофизиологическими или когнитивными нарушениями. Кроме того, в группе контроля при снижении концентрации

внимания наблюдается предпочтение в выборе продуктивной копинг-стратегии «принятие ответственности», а при снижении нейродинамических показателей чаще выбирается копинг-стратегия «планирование решения проблем», что может быть обусловлено компенсацией психофизиологических нарушений за счет развития более рациональных и продуктивных копинг-механизмов.

Заключение

Снижение психофизиологических показателей у лиц юношеского возраста, перенесших COVID-19, приводит к усилению работы как продуктивных, так и непродуктивных копинг-механизмов. При этом продуктивные формы копинг-поведения, направленные на преодоление стрессовой ситуации, чаще применяются лишь при изолированном ослаблении нервной системы, а избегающие варианты копинг-поведения – при комплексном влиянии психофизиологических и когнитивных нарушений. Таким образом, восстановление в ходе психокоррекционной работы когнитивных функций позволит актуализировать выбор пациентом продуктивных копинг-стратегий и перейти к здоровой модели поведения.

Литература

- Аскарова, Г., Усманова, Э. З. (2021). Основные подходы к изучению копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях. *Scientific progress*, 1(5), 308–316.
- Солодухин, А. В., Видяева, Н. Г., Помешкина, Е. Е., Аргунова, Ю. А., Серый, А. В., Барбараш, О. Л. (2020). Применение методов рационально-поведенческой психотерапии у пациентов со стабильной ишемической болезнью сердца и коронарным шунтированием. *Сибирский психологический журнал*, 75, 182–208. doi: 10.17223/17267080/75/10
- Солодухин, А. В., Трубникова, О. А., Яницкий, М. С., Серый, А. В., Барбараш, О. Л. (2020). Психофизиологические корреляты параметров внутренней картины болезни и стресс-преодолевающего поведения пациентов с ишемической болезнью сердца на этапе подготовки к операции коронарного шунтирования. *Лечащий врач*, 8, 83–87.
- Чхиквадзе, Т. В., Беляева, Е.Н. (2018). Особенности копинга и механизмов психологической защиты у лиц с алкогольной зависимостью. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 15(1), 94–108. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-94-108

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 19.09.2022 г.; принята 06.10.2022 г.

Солодухин Антон Витальевич – доцент кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета, кандидат психологических наук.

E-mail: mein11@mail.ru

Серый Андрей Викторович – профессор кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета, профессор, доктор психологических наук.

E-mail: avgrey@yahoo.com

Варич Лидия Александровна – доцент кафедры физиологии и генетики Кемеровского государственного университета, кандидат биологических наук.

E-mail: varich2002@mail.ru

Брюханов Ярослав Игоревич – студент института биологии, экологии и природных ресурсов Кемеровского государственного университета.

E-mail: inerceya@mail.ru

Жихарев Александр Юрьевич – студент социально-психологического института Кемеровского государственного университета.

E-mail: alexanderzhikharev019@gmail.com

For citation: Solodukhin, A.V., Seryy, A. V., Varich, L. A., Bryukhanov, Ya. I., Zhikharev, A. Yu. (2022). Psychophysiological Correlates of Coping Behavior in Adolescents Who Have Undergone COVID-19. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 86, 157–166. In Russian. English Summary. doi:10.17223/17267080/86/9

Psychophysiological Correlates of Coping Behavior in Adolescents Who Have Undergone COVID-19¹

A.V. Solodukhin¹, A.V. Seryy¹, L.A. Varich¹, Ya.I. Bryukhanov¹, A.Yu. Zhikharev¹

¹ *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650043, Russian Federation*

Abstract

The global nature of the epidemiological situation associated with the spread of the new coronavirus infection COVID-19 and the multidisciplinary nature of the problem of psychophysiological disorders in people who have suffered from this disease has led to the need for a comprehensive study of the factors affecting postcovid recovery. Taking into account the nature of the problem posed, the purpose of the presented work was to study the relationship of psychophysiological parameters with indicators of stress-overcoming (coping) behavior in adolescents who have undergone COVID-19. The study included 54 students of Kemerovo State University, who were divided into a group of COVID-19 patients and a group without symptoms of the disease. To assess coping behavior, the questionnaire «Ways of Coping Questionnaire» was used (Folkman, Lazarus; adaptation of Kryukova et al.). An automated computer complex “PFK” was used to study psychophysiological indicators. The following psychophysiological indicators were evaluated: simple visual-motor reaction, complex visual-motor reaction, anticipations and delays in assessing the reaction to a moving object, concentration and volume of attention, brain performance, the level of functional mobility of nervous processes, short-term memory for numbers and words, random access memory. According to the results of the correlation analysis, the interrelations between avoidant forms of coping behavior, such as “distancing”, “escape-avoidance”, “positive reassessment” with indicators of memory, attention, mobility of nervous processes, the number of inaccurate reactions to a moving object and the working capacity of the brain were recorded, which indicates a link between the increase in psychophysiological and cognitive disorders and preference in choosing care from stressful situations after a disease. Deterioration of memory and functioning of the nervous system lead to more frequent requests for support from others to receive additional help from them. The weakening of the nervous system also leads to more frequent use of productive coping strategies “taking responsibility” and “planning problem solving”, which, at the same time, additionally make it possible to compensate for cognitive impairments by

¹ The study was funded by a grant Russian Science Foundation (project No. 22-25-20173, <https://rscf.ru/project/22-25-20173/>).

performing tasks more accurately. In the group that did not have symptoms of COVID-19, no significant correlations were found between coping avoidance strategies and psychophysiological or cognitive impairments. Based on the results obtained, it can be assumed that the restoration of cognitive functions during psychocorrective work will make it possible to actualize the patient's choice of productive coping strategies and switch to a healthy behavior model.

Keywords: cognitive functions; psychophysiological characteristics; psychodiagnostics; higher mental functions; new coronavirus infection; prevention of cognitive dysfunction; psychological correction.

References

- Alonzi, S., La Torre, A., & Silverstein, M.W. (2020). The psychological impact of preexisting mental and physical health conditions during the COVID-19 pandemic. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*, 12(S1), S236.
- Askarova, G., & Usmanova, E.Z. (2021). Osnovnye podkhody k izucheniyu koping-strategy v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh [Basic approaches to the study of coping strategies in difficult life situations]. *Scientific progress*, 1(5), 308–316.
- Chkhikvadze, T.V., & Belyaeva, E.N. (2018). Osobennosti kopinga i mekhanizmov psikhologicheskoy zashchity u lits s alkogol'noy zavisimost'yu [Peculiarities of coping and mechanisms of psychological defense in persons with alcohol dependence]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*, 15(1), 94–108. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-1-94-108
- Clayton, S. (2020). Climate anxiety: Psychological responses to climate change. *Journal of anxiety disorders*, 74, 102263.
- Cooper, C.L., & Faragher, E.B. (2018). Psychosocial stress and breast cancer: the inter-relationship between stress events, coping strategies and personality. In C.L. Cooper (Ed.). *Managerial, Occupational and Organizational Stress Research* (pp. 571–580). Routledge.
- Ćosić, K., Popović, S., Šarlija, M., & Kesedžić, I. (2020). Impact of human disasters and COVID-19 pandemic on mental health: potential of digital psychiatry. *Psychiatria Danubina*, 32(1), pp. 25–31.
- Finkelstein-Fox, L., & Park, C.L. (2019). Control-coping goodness-of-fit and chronic illness: a systematic review of the literature. *Health Psychology Review*, 13(2), pp. 137–162.
- Goularte, J.F., Serafim, S.D., Colombo, R., Hogg, B., Caldieraro, M.A., & Rosa, A.R. (2021). COVID-19 and mental health in Brazil: Psychiatric symptoms in the general population. *Journal of Psychiatric Research*, 132, 32–37.
- Kar, N., Kar, B., & Kar, S. (2021). Stress and coping during COVID-19 pandemic: Result of an online survey. *Psychiatry Research*, 295, 113598.
- Liyanage-Don, N.A., Cornelius, T., Sanchez, J.E., Trainor, A., Moise, N., Wainberg, M., & Kronish, I.M. (2021). Psychological distress, persistent physical symptoms, and perceived recovery after COVID-19 illness. *Journal of General Internal Medicine*, 36(8), pp. 2525–2527.
- Ong, E., & Thompson, C. (2019). The importance of coping and emotion regulation in the occurrence of suicidal behavior. *Psychological Reports*, 122(4), pp. 1192–1210.
- Ran, L., Wang, W., Ai, M., Kong, Y., Chen, J., & Kuang, L. (2020). Psychological resilience, depression, anxiety, and somatization symptoms in response to COVID-19: A study of the general population in China at the peak of its epidemic. *Social Science & Medicine*, 262, 113261.
- Solodukhin, A.V., Trubnikova, O.A., Yanitskiy, M.S., Seryy, A.V., & Barbarash, O.L. (2020). Psikhofiziologicheskie korrelyaty parametrov vnutrenney kartiny bolezni i stress-preodolevayushchego povedeniya patsientov s ishemicheskoy boleznyu serdtsa na etape

podgotovki k operatsii koronarnogo shuntirovaniya [Psychophysiological correlates of the parameters of the disease internal picture and stress-overcoming behavior of patients with coronary heart disease at the stage of preparation for coronary bypass surgery]. *Lechashchiy vrach*, 8, 83–87

Solodukhin, A.V., Vidyayeva, N.G., Pomeshekina, E.E., Argunova, Yu.A., Seryy, A.V., & Barbarash, O.L. (2020). Rational emotive behavioral therapy for coronary artery disease patients undergoing coronary artery bypass grafting. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 75, 182–208. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/75/10

Wilski, M., Broła, W., & Tomczak, M. (2019). Health locus of control and mental health in patients with multiple sclerosis: Mediating effect of coping strategies. *Research in Nursing & Health*, 42(4). pp. 296–305.

Received 19.09.2022 ; Accepted 06.10.2022

Anton V. Solodukhin – Associate Professor, Department of Psychological Sciences, Kemerovo State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: mein11@mail.ru

Andrey V. Seryy – Professor of the Department of Psychological Sciences, Kemerovo State University, D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: avgrey@yahoo.com

Lydia A. Varich – Associate Professor of the Department physiology and genetics, Kemerovo State University, Cand. Sc. (Biol.).

E-mail: varich2002@mail.ru

Yaroslav I. Bryukhanov – Student of the Institute of Biology, Ecology and Natural Resources, Kemerovo State University.

E-mail: nerceya@mail.ru

Alexander Yu. Zhikharev – Student of the Socio-Psychological Institute, Kemerovo State University.

E-mail: alexanderzhikharev019@gmail.com

УДК 159.9

О МОДЕЛИРОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ¹

О.В. Лукьянов¹, И.А. Дубинина¹, И.В. Фёдоров¹

¹ Томский государственный университет, 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36

Резюме

В статье рассматриваются гипотезы о возможности моделирования систем самоопределения и профессионализации. Предполагается, что в эпоху перехода к новому технологическому укладу императивы индустриальной эпохи и эпохи глобального распределения труда «уходят» в область подразумеваемого, но не очевидного. Императивы специализации и квалификации дополняются императивами компетентности и самоопределения. Это ведет к принципиальным изменениям в системе профессионализации. Гипотетические рассуждения дополнены эмпирическим исследованием моделирования системы объективации индивидуального потенциала самоопределения. Исследование показало принципиальную возможность различения индивидуально-типологических стилей прохождения образовательных испытаний в форме решения образовательных задач. Мы ограничились обстоятельствами, когда банк учебных задач формируется на основе социальных и инженерных практических проблем. Типология четырех интеллектуальных стилей определилась в результате постэкспериментальной концептуализации. Основанием типологии является построение концепции на основе анализа эмпирических данных – методология grounded theory. Концептуализация интеллектуальных стилей подтверждается результатами кластерного анализа. На основе кластерного анализа были выявлены «субгруппы», отличающиеся определенными интеллектуальными предпочтениями и когнитивными стилями переработки информации. Предположение о том, что современное образование требует сложной системы испытаний, отвечающих сложности индивидуальной изменчивости человека, находит своё подтверждение и требует дальнейшей проверки и концептуализации.

Ключевые слова: моделирование; индивидуальность; потенциал; объективация; масштабность; гармонический порядок

Задачи социального отбора, контроля, распределения и т.п., сегодня принято обозначать термином «политика». «Образовательная политика», «молодежная политика», «кадровая политика» и подобные им конструкции объединяют обстоятельства и задачи социального взаимодействия в новых условиях и направленностях, в ситуациях, особенностью которых является разнородность, разнообразие, индивидуальная изменчивость. В разнородных системах невозможна самоорганизация, поэтому необходимо организующее начало. Необходимость такого начала и отражается в использовании термина «поли-

¹ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0040.

тика» в отношении конкретных деятельностей. При этом очевидно, что актуальные решения по реализации «политик» должны быть платформенными (поддерживающими образование жизненных форм, морфогенез), т.е. надо создать не только технические средства опосредования акторов (сетевые взаимодействия), но и системы масштабирования и гармонизации субъектов деятельности (Лукьянов, 2021; Лукьянов, Дубинина, Бредун, 2021).

Поводом для исследования послужил социальный заказ в связи с необходимостью выработки актуальных политик образования и трудоустройства в Томском государственном университете, но отчасти и в российском образовании в целом. Актуальная ситуация характеризуется дефицитом концептуальности, выражающимся высокой фрагментарностью, локальностью разного уровня проектов организации систем обучения, профессионализации и трудоустройства. С одной стороны, это проблема, требующая практических решений и практических результатов, т.е. разнообразия, с другой – это фундаментальная проблема, связанная с необходимостью пересмотра смыслов и ориентиров социального устройства в ситуации кризиса и перехода к новому технологическому укладу, т.е. требующая консенсуса. Концептуальные основания систем профессионализации и самоопределения в данный период сформулированы недостаточно ясно, в том числе потому, что быстро меняются обстоятельства, дискурсы, масштабы и формы взаимодействия. При этом, разумеется, имеют место эффективные и результативные практики, яркие авторские программы и подходы. Но разнородность этих форм не позволяет выйти на уровень самоорганизации и системной согласованности.

Проблема профессионализации и самоопределения имеет уровневый характер. Чтобы сформировать концептуальный аппарат моделирования систем трудоустройства, надо актуализировать концептуальные основания трудоустройства разных уровней. Можно сказать, что устранение неопределенности на одном уровне требует ясности оснований другого уровня. При этом надо учесть и тенденции развития, актуальные для ситуации и «возраста» системы. Старые концепции не отвечают современным обстоятельствам, поскольку они не учитывали актуальных для нынешней ситуации тенденций развития, масштаба платформенных решений, мобилизующих человеческий потенциал. Новые концепции не отвечают требованиям общественного консенсуса.

Мы живем в эпоху быстрых технологических решений, обратной стороной которых является быстрое достижение пределов роста. Поэтому так часто приходится говорить о кризисах. В некоторых отраслях можно говорить даже о перманентном кризисе. Но происходит и масштабирование кризиса. Так, сегодня мыслители констатируют ресурсный, политический, экономический, антропологический и пр. кризисы одновременно. Какие концептуальные основания на сегодняшний день есть в психологии? Этот вопрос осложняется тем, что и сама современная психология концептуально пересматривается в связи с тенденциями развития, междисциплинарности и нового миропорядка. Нет времени ждать достижения социального консенсуса, поэтому субъекты опираются на собственные концепции. Можно предположить, что индивиду-

альные стили (например, мышления) служат сегодня предметом аутентификации, т.е. испытаний и социального отбора.

Неоднородность императивов в образовании и профессионализации

Можно сказать, что сегодня образование и профессионализация существуют в хаосе императивов самоопределения. Это связано с тем, что одновременно происходят и процессы индустриализации, и процессы деиндустриализации, глобализации и регионализации, интеграции и суверинизации и т.п. Не только для решения конкретной задачи на самоопределение, но и для постановки конкретной задачи на самоопределение необходимо идентифицировать и упорядочивать обстоятельства. Выделим три обобщенных модуля социальной организации образования: индустриализацию, глобализацию и технологический переход.

Императивы индустриализации. Индустриальная эпоха отличается принуждением к образованию. Содержанием и целью профориентации является специализация. Человеческий потенциал распределяется либо прямым способом (распределение), либо экономически в виде рынка труда. Самоопределение происходит в плоскости специализаций.

Императивы глобализации. Для эпохи глобального разделения труда характерно принуждение к потреблению (стимулирование потребления). Профориентация направлена на формирование квалифицированного пользователя. Человеческий потенциал распределяется в сетевых структурах через обеспечение доступов. Самоопределение происходит в плоскости дискурсов и операциональных языков.

Императивы технологического перехода. Наступающая эпоха создает новый вызов – принуждение к самоопределению. Профориентация предполагает выявление талантливых людей – носителей уникальных идей, ценностей, смыслов при растущей общности, кооперации и командности (коллективности). Самоопределение происходит в культурной кооперации, а механизмом организации является система испытаний и инициаций.

Можно сказать, что в вопросе профессиональной ориентации мы имеем дело с «квантовым переходом», т.е. преобразованием реальности, масштабным, а не линейным изменением. Смыслы, отражающие тенденции перехода к новому масштабу психологии профессионализации, представлены в табл. 1.

Во второй части нашего исследования мы попытались практически применить выдвинутые выше гипотезы и уточнить возможности работы с массивами эмпирических данных. Если критерием аутентичности и эффективности систем профессионализации и трудоустройства является мобилизация и испытание человеческого потенциала, то можно предположить, что основные параметры человеческого потенциала для конкретной системы самоопределения – обучаемость, адаптивность к изменениям, способность к саморегенерации (обратим внимание, что для другой системы могут быть заданы другие базовые параметры). Они дают возможность человеку преадаптироваться к будущему, решать в будущем задачи любого уровня сложности (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018).

Таблица 1

Смыслы образования при переходе к новому технологическому укладу

Контексты развития	Императив принуждения к труду	Цель	Платформа профессионализации	Механизм распределения потенциала	Основной бенефициар	Инфраструктура	Регулярный порядок	Гармонический порядок
Контекст индустриализации	Принуждение к образованию	Специализация (специалист)	ВУЗы и СУЗы	Рынок труда: про-дажа и покупка труда	Капитал	Инфраструктура продажи и покупки (легализация собственности)	Прямое регулирование (контролирование)	Рыночное регулирование (конкуренция)
Контекст глобального разделения труда	Принуждение к потреблению	Квалификация пользователя (квалифицированный пользователь)	Доступы к инфраструктуре	Рост потребления. Качество жизни	Средний класс	Инфраструктура встречи (служба зна-комств)	Агломерация	Сетевизация
Контекст нового технологического уклада	Принуждение к самоопределению	Человеческий капитал (класс занятых, создатель, сотрудник-фрактаг)	Производство в шаговой доступности	Мобилизация человеческого потенциала	Новый образ жизни. Новый тип человека	Инфраструктура испытаний и инициаций	Дискриминация по способностям	Культурная кооперация

Еще один компонент параметризации человеческого потенциала – это уровень персональной ответственности за то, что человек делает сам, и коллективной ответственности за действия других членов коллектива (команды). Это особенно важно при решении креативных задач с высокой степенью риска (Hwang, Horowitz, 2012). Индивид должен понимать и уметь «взвешивать» последствия всех решений, которые он принимает, в том числе и коллективных. Важный параметр потенциала современного человека – автономность, способность к самоуправлению при решении задач. Предположим также, что способность эффективно решать стандартные, привычные задачи свидетельствует о направленности временного вектора профессионального сознания в прошлое; способность вносить ограниченные изменения, не приводящие к уровневой перестройке деятельности и мышления, означает сосредоточенность профессионального сознания в настоящем; способность вносить значимые изменения, постоянное саморазвитие в течение длительного времени свидетельствует о направленности профессионального сознания и поведения в будущее.

В эмпирическом исследовании мы предположили, что маркерами самоопределения могут служить характеристики опыта продуктивного решения образовательных задач. Набор этих характеристик составляется на основе феноменологического анализа ситуации развития. Были выбраны следующие параметры: склонность к развитию, способность к рефлексии, готовность нести персональную и коллективную ответственность, способность организовать коллективную, командную деятельность. Условия для самоопределения создавались в пространстве проблемно-проектной образовательной технологии (Barrows, Tamblyn, 1980). Она предполагает самостоятельную постановку и решение реальных профессиональных проблем, рефлексии полученных результатов и изменений в процессе коллективного (командного) взаимодействия (Henderson, Kinahan, Rossite, 2018). Банк учебных задач в данной образовательной программе формируется на основе реальных социальных и инженерных практических проблем (Mauffette-Leenders et al., 1997).

За период с сентября 2018 г. по декабрь 2021 г. был проведен сравнительный анализ интеллектуальной профессиональной компетентности, индивидуальных когнитивных стилей студентов факультета психологии ТГУ и студентов инженерных школ ТПУ. Объем выборки составил 110 человек, обучавшихся по дисциплинам «Социальная психология» (2-й курс ТГУ); «Практикум по самоаттестации» (4-й курс ТГУ); «Творческий проект» (1-й курс ТПУ); «Инженерное предпринимательство» (3-й курс ТПУ). В качестве контрольного уровня самоопределения (контрольная группа) использовались интеллектуальные показатели студентов в начале обучения (2-й курс ТГУ и 1-й курс ТПУ).

Экспериментальный уровень самоопределения (экспериментальная группа) фиксировался по интеллектуальным показателям студентов при завершении обучения в рамках указанных выше дисциплин по проблемно-проектной образовательной технологии коллективного взаимодействия (4-й курс ТГУ и 3-й курс ТПУ).

Оценивались параметры сформированности понятийного мышления, креативности, метакогнитивных способностей (Холодная, 2004). Сформированность произвольного интеллектуального контроля оценивалась по показателям когнитивного стиля «импульсивность – рефлексивность», методика J. Kagan «Сравнение похожих рисунков» (Kagan, 1966). Основные показатели в тесте «среднее время принятия решения» (t) и «среднее количество ошибок» (e) иллюстрируют различия по импульсивному / рефлексивному когнитивному стилю переработки информации. Уровень продуктивности когнитивного стиля «полезависимость–полнезависимость» измерялся по методике Н. Witkin «Включенные фигуры» (Witkin, Moore & Cox, 1977). Основной показатель – «среднее время поиска фигуры» (T). Когнитивные контроли организуют и координируют работу базовых познавательных процессов, а также ограничивают влияние аффективных и мотивационных состояний на процесс построения познавательного образа.

Для оценки уровня понятийного мышления использовались субтест 2 (выделение сущностного признака как показателя интуитивного компонента понятийного мышления, работающего без произвольного рационального анализа) и субтест 6 (абстрактное мышление) теста Р. Амтхауэра (Ясюкова, 2002). Методика В. Колги «Свободная сортировка слов» по основному показателю коэффициент категоризации (кК) позволила оценить способность к произвольной (автономно работающей) категоризации (Колга, 1976).

В качестве критерия продуктивных дивергентных способностей использовали показатели теста Е. Торганса (Torgance, 1974). Для оценки особенностей интеллектуальной деятельности в рамках этого теста применяли показатели категориальной гибкости (КК) и конструктивной активности (КА). Показатель категориальной гибкости оценивает разнообразие идей и стратегий, способность переходить от одного аспекта познавательной деятельности к другому. Критерий конструктивной активности определяет степень сложности и разнообразия выполняемых визуальных преобразований.

На основе кластерного анализа были выявлены «субгруппы», отличающиеся особенностями организации когнитивного опыта и определенными интеллектуальными предпочтениями (табл. 2).

Первая «субгруппа» лиц с высоким уровнем абстрактного мышления и полнезависимым стилем переработки информации отличается успешной аналитической интеллектуальной деятельностью, умением быстро выделять релевантные признаки и характеристики исследуемой проблемы, не отвлекаясь на второстепенные, незначимые «шумовые эффекты».

Вторая «субгруппа» с высоким уровнем понятийного мышления, категориальной гибкости и конструктивной активности демонстрирует такие базовые интеллектуальные качества, как инициатива и творчество. Ее представители стремятся к поиску новой информации, выдвижению новых идей, выходу за пределы стандартных требований интеллектуальной деятельности.

Таблица 2

Сводная таблица кластерного анализа

N	Кол-во студентов, попавших в кластер, %	Тесты										Распределение студентов по кластерам, %		
		Р. Амтхауэра		В. Колги		Е. Тогансе		J. Kagan		H. Wilkin		Экспериментальная группа	Контрольная группа	
		St 2	St 6	кК	кК	КК	КА	t	er	T				
1	72,5	108,9	111,8	0,7	—	—	—	—	—	8,1	84,0	16,0		
2	43,7	115,8	124,2	0,6	8,0	22,0	—	—	—	—	78,0	22,0		
3	24,5	118,7	122,5	0,6	—	—	—	54,0	5,8	—	54,5	45,5		
4	27,0	111,3	121,5	0,7	—	—	—	30,4	12,6	—	32,0	68,0		

Третья «субгруппа» с высоким уровнем понятийного мышления и рефлексивным стилем переработки информации отличается высоким уровнем интеллектуального самоконтроля, саморегуляции. Процесс решения задачи имеет характер медленного спиралевидного процесса.

Четвертая «субгруппа» лиц с высоким уровнем развития индуктивного мышления и импульсивным стилем переработки информации отличается тем, что они быстро и точно решают алгоритмизированные задачи при наличии устоявшихся адекватных когнитивных схем. Когнитивная схема – это обобщенные и стереотипизированные формы хранения прошлого опыта относительно определенной предметной области (знакомого объекта, известной ситуации, привычной последовательности событий). Эта группа участников исследования более склонна к действиям, чем к анализу. Их предварительный анализ задачи является скорее поверхностным, чем исчерпывающим, и основывается, как правило, на их собственном аналогичном опыте, а не на теоретически разработанных принципах решения проблем. Преимуществом быстрого реагирования на задачу является то, что противоречивые мнения не смогут затормозить процесс ее решения. Некоторые профессиональные проблемы требуют немедленного устранения. Требуется быстрота действия, совершенно отличная от медленного, рефлексивного процесса решения задачи. Знания интеллектуально успешных людей данной «субгруппы» проявляются невербально, через действия.

Дополнительными показателями на протяжении двух семестров обучения в пространстве проблемно-проектной образовательной технологии и двух семестров традиционной модели обучения использовалась динамика (изменения) по коэффициенту категоризации (тест Колги) и способности к рефлексии (рефлексивная работа по завершению каждого этапа группового взаимодействия).

Анализ динамики показателей зафиксировал следующие изменения: рост интеллектуальной индивидуальной продуктивности, интеллектуального самоконтроля в процессе группового взаимодействия, формирование способности к рефлексии результатов индивидуальной и коллективной деятельности, рефлексии самоизменений как показателей формирования понятийного (теоретического) мышления.

Типология четырех интеллектуальных стилей определилась в результате постэкспериментальной концептуализации. Основанием типологии является построение концепции на основе анализа эмпирических данных – методология grounded theory. Концептуализация интеллектуальных стилей подтверждается результатами кластерного анализа. На основе кластерного анализа были выявлены «субгруппы», отличающиеся определенными интеллектуальными предпочтениями и когнитивными стилями переработки информации.

Обсуждение результатов

Результаты косвенно подтверждают возможность и полезность социальной дискриминации на основе испытаний. Опыт решения образова-

тельных задач может быть параметризован в определенном масштабе обобщения индивидуальной изменчивости – индивидуальных стилей. При организации образовательного процесса не стоит исходить из предположения, что все студенты должны выполнить одни и те же задачи одинаково успешно. Более достоверным образовательным результатом является выполнение задач, позволяющих эксплицировать индивидуальный стиль мышления студента.

Заключение

В ситуации, когда профессионализация, вмещающая в себя смыслы специализации и квалификации, призвана решать задачи мобилизации и инициации, образовательные практики превращаются в испытания, решая задачу дискриминации по способностям (регулярный порядок) и культурной кооперации (гармонический порядок). При этом необходимо объективировать индивидуальный потенциал, способность к деятельности. Иногда сам индивид не уверен в своих способностях. Иногда уточнения индивидуального потенциала востребованы командой, руководством и др. Принципиальная возможность объективировать способность и индивидуальные особенности самоопределения может быть реализована в виде моделей конкретных систем самоопределения, т.е. достаточно однородных видов деятельности. Однородность должна быть обеспечена психологическим масштабом. Данное исследование проводилось в масштабе организации образовательного курса в университете. Другие масштабы при сохранении принципов и смыслов потребуют феноменологической экспликации критериев, т.е. базовых характеристик для параметризации.

Литература

- Асмолов, А. Г., Шехтер, Е. Д., Черноризов, А. М. (2018). *Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции*. М.: Акрополь. 212 с.
- Колга, В. А. (1976). *Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости*. Л.: ЛГУ. 164 с.
- Лукиянов, О. В. (2021). Психология от конца к началу. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 23(2 (86)), 447–455. doi: 10.21603/2078-8975-2021-23-2-447-455
- Лукиянов, О. В., Дубинина, И. А., Бредун, Е. В. (2021). Аутентификация образовательных практик в дистанционном обучении. *Сибирский психологический журнал*, 80, 52–66. doi: 10.17223/17267080/80/3
- Холодная, М. А. (2004). *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума* (2-е изд.). СПб.: Питер, 384 с.
- Ясюкова, Л. А. (2002). *Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (IST): методическое руководство*. СПб.: ИМАТОН.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 10.08.2022 г.; принята 20.10.2022 г.

Лукьянов Олег Валерьевич – заведующий кафедрой психологии личности Томского государственного университета, доктор психологических наук, профессор.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Дубинина Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры психологии личности Томского государственного университета.

E-mail: irina.dia.tpu@yandex.ru

Фёдоров Игорь Валерьевич – доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета, кандидат психологических наук.

E-mail: nobelis-f@mail.ru

For citation: Lukyanov, O. V., Dubinina, I. A., Fedorov, I. V. (2022). Concerning Modeling of Modern Professionalization and Self-Identification Systems in Higher Education. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 86, 167–177. 10. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/86/10

Concerning Modeling of Modern Professionalization and Self-Identification Systems in Higher Education¹

O.V. Lukyanov¹, I.A. Dubinina¹, I.V. Fedorov¹

¹ *Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the hypotheses about possible modeling of self-identification and professionalization systems. It is supposed that, during the age of transfer to a new technological paradigm, imperatives of the industrial age and the age of labor specialization are now implied instead of being evident. Imperatives of specialization and qualification are now completed with the imperatives of competence and self-identification. This leads to fundamental changes in the system of professionalization. The hypotheses are completed with an empirical research of modeling the system of objectification for individual self-identification potential. The research demonstrated a fundamentally new possibility to distinguish individual typological styles in solving educational tasks. The authors decided to limit the research with a situation when a bank of educational tasks is formed based on social and engineering practical problems. As a result of the post-experimental concept the authors defined the typology of four intellectual styles. The fundamentals for the typology is the grounded theory method. The conceptualization of intellectual styles is proved by the cluster analysis results. Based on cluster analysis, sub-groups were revealed. They differ from each other by special intellectual preferences and cognitive styles of information processing. The assumption that modern education needs a complex system of tests that corresponds to the complexity of individual variability of a person, is proved and claims for further verification and conceptualization. Existential Anxiety of Religious Identity and Religious Extremism in Indonesian Muslims

Keywords: modeling; individuality; potential; objectification; large scale; harmonic order.

References

Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., & Chernorizov, A.M. (2018). *Preadaptatsiya k neopredelenosti: nepredskazuemye marshruty evolyutsii* [Pre-adaptation to uncertainty: unpredictable routes of evolution]. Moscow: Akropol'.

¹ This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2020-0040.

- Barrows, H.S., & Tamblyn, R.M. (1980). *Problem-based learning: An approach to medical education* (Vol. 1). Springer Publishing Company.
- Henderson, S., Kinahan, M., & Rossiter, E. (2018). *Problem-Based Learning as an Authentic Assessment Method* (PhD). Technological University Dublin.
- Hwang, V.W., & Horowitz, G. (2012). *The rainforest: The secret to building the next Silicon Valley*. California: Regenwald.
- Kagan, J. (1966). Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo. *Journal of Abnormal Psychology, 71*(1), 17–24.
- Kholodnaya, M.A. (2004). *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the Nature of the Individual Mind] (2nd ed.). St. Petersburg: Piter.
- Kolga, V.A. (1976). *Differentsial'no-psikhologicheskoe issledovanie kognitivnogo stilya i obuchaemosti* [Differential psychological study of cognitive style and learning]. Leningrad: Leningrad State University.
- Lukyanov, O.V. (2021). Psikhologiya ot kontsa k nachalam [Psychology from end to beginning]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 23*(2(86)), 447–455. doi: 10.21603/2078-8975-2021-23-2-447-455
- Lukyanov, O.V., Dubinina, I.A., & Bredun, E.V. (2021). Authentication of Educational Practices in Online Learning. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology, 80*, 52–66. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/80/3
- Mauffette-Leenders, L.A., Erskine, J.A., Leenders, M.R., & University of Western Ontario. Richard Ivey School of Business (London, Ont.). (1997). *Learning with cases*. London: Richard Ivey School of Business, The University of Western Ontario.
- Torrance, E.P. (1974) *Torrance Tests of Creative Thinking*. Scholastic Testing Service.
- Witkin, H.A., Moore, C.A., Goodenough, D.R., & Cox, P.W. (1977). Field-dependent and field-independent cognitive styles and their educational implications. *Review of Educational Research, 47*(1), 1–64.
- Yasyukova, L.A. (2002). *Test struktury intellekta R. Amthauera (IST): Metodicheskoe rukovodstvo* [R. Amthauer Intelligence Structure Test (IST): A Methodological Guide]. St. Petersburg: Imaton.

Received 10.08.2022; Accepted 20.10.2022

Oleg V. Lukyanov – Head of the Department of Personality Psychology, Tomsk State University. D. Sc. (Psychol.), Professor.

E-mail: lukyanov7@gmail.com

Irina A. Dubinina – Senior lecturer of the Department of Personality Psychology, Tomsk State University.

E-mail: irina.dia.tpu@yandex.ru

Igor V. Fedorov – Associate Professor of the Department of Personality Psychology, Tomsk State University. Cand. Sc. (Psychol.).

E-mail: nobelis-f@mail.ru